

40 коп.

Д. ВОРОНОВ

АЛКОГОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ БЫТУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 193

Д. ВОРОНОВ

А Л К О Г О Л Ъ
В С О В Р Е М Е Н Н О М
Б Ы Т У

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
I. Мотивы потребления алкоголя и виды алкоголизма . . .	5
II. Крестьянский (бытовой) алкоголизм	17
III. Отношение крестьян к трезвенным мероприятиям	30
IV. Современный алкоголизм в свете статистики	47
Движение продажи вина по всему монопольному району	—
Продажа вина в столичных городах	52
Продажа вина в других городах, кроме столичных, и роль в них самогонки	54
Продажа вина в селах и роль самогонки	59
Современный алкоголизм по сравнению с довоенным . .	64
Особенности, замечаемые в Дальневосточном крае . .	69
Выводы	71
Замечания относительно материалов по статистике потребления	74
V. Самогонокурение	80
Возникновение самогонокурения и начало борьбы с ним.	—
Материалы для исследования самогонного промысла . .	83
Местности, где производилась выкурка самогонки . . .	85
Техника производства	87
Припасы, идущие на производство самогонки, и качество ее	89
Состав самогонщиков	92
История борьбы с самогонкой	95
Расчеты общей выкурки самогонки	104
Роль вина в вытеснении самогона	109
Динамика самогонного промысла	112
VI. Шинкарство	121

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Развертывающееся против алкоголизма движение требует литературы по изучению и освещению особенностей этого явления в СССР, а литературы этой почти нет. Есть некоторые пропагандистские и сводные работы общего характера, но почти нет научной проработки таких явлений, как самогонкурение, как крестьянский алкоголизм и т. п.

Тем более ценной и необходимой является печатаемая работа Д. Н. Воронова. В ней впервые дан научно проработанный анализ динамики самогона в СССР и распространения его вообще. Отпадают некоторые ходкие до сих пор предположения, например будто появление водки само по себе способно сколько-нибудь заметно вытеснить в деревне самогон. Дается систематизированная характеристика крестьянского алкоголизма, позволяющая значительно уяснить более действительные пути и приемы борьбы с ним. Освещается действительное значение многочисленных публикаций о роли алкоголя в бюджете рабочего, почти всегда значительно преуменьшающих эту роль и т. д. Книга Воронова может быть интересной по всем этим соображениям не только участникам противоалкогольного движения, но всем, кому интересно действительное положение дела, и особенно всем, интересующимся вопросами крестьянского хозяйства и рабочей жизни.

Ю. Ларин.

19 мая 1929 г.

I. МОТИВЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ И ВИДЫ АЛКОГОЛИЗМА.

Чтобы правильно организовать борьбу с массовым алкоголизмом, нужно уяснить условия, благоприятствующие его развитию, а для этого подробно изучить характер и обстановку потребления населением крепких напитков: какие напитки потребляются, в каких количествах, при каких случаях жизни, какие формы и размеры принимает потребление в городах у различных групп населения, в деревнях; в какой зависимости находится потребление от экономического положения, культурного уровня, племенного состава, бытовых особенностей населения и пр. Только выяснение всех подобных вопросов укажет нам правильные пути борьбы с алкоголизмом.

К сожалению, как у нас в России, так и за границей эти вопросы мало изучены. Совершенно правильно отмечает С. А. Первушин в своей выдающейся работе «Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребления» (изд. 1912 г., стр. 7), что «до сих пор занимались почти исключительно изучением последствий алкоголизма, и в этой области сделано, по отзывам авторитетных специалистов, весьма многое; много работают и в настоящее время... наоборот, изучению причин алкоголизма, в частности статистическому изучению причин его, уделялось и уделяется исключительно мало места, в силу чего теория алкоголизма как массового явления почти не разработана»¹. Это остается справедливым в значительной степени и до настоящего времени.

Констатируя бедность литературных материалов по изучению причин алкоголизма, С. А. Первушин постарался одинаково использовать их и очень удачно установил в отмеченной выше работе основные типы массового алкоголизма,

¹ То же отмечал и проф. Б е х т е р е в (См. «Вопросы алкоголизма», вып. I, изд. 1913 г.).

находящиеся в тесной связи с особенностями социальной среды потребителей алкоголя.

Главнейшее отличие предложенной им классификации видов потребления алкоголя от принятой в западно-европейской литературе состоит в том, что он выделил в особую группу тот вид алкоголизма — именно бытовой, который весьма характерен для нашего крестьянского населения. Для нас чрезвычайно важно оттенить этот вид потребления и оставить особое внимание на его изучении.

После выхода упомянутой выше работы С. А. Первушина мне удалось организовать в Пензенской губернии в 1912—1913 гг. детальное обследование алкоголизма, главным образом крестьянского (см. мою работу «Алкоголизм в городе и деревне»), и я убедился, что бытовой алкоголизм имеет настолько характерные особенности, что должен являться действительно особым видом.

Итак, исходя из классификации С. А. Первушина, мы должны разделить потребителей алкоголя на следующие группы:

1) Для одних алкоголь является спутником пищи, как средство, раздражающее пищеварительный тракт и служащее источником известных вкусовых ощущений, дополняющих удовольствие от принятия пищи. К этой группе принадлежат наиболее регулярные и умеренные потребители, которые ждут от алкоголя главным образом не подъема настроения или опьянения, а известного вкусового впечатления, — это столовый алкоголизм, буржуазный, потому что им страдают преимущественно буржуазные классы. В основе его лежит ложное убеждение, что алкоголь укрепляет организм, способствует питанию, возбуждая аппетит, усиливая выделение пищеварительных соков и давая известный тепловой эффект.

2) Для других алкоголь ценен тем, что он сообщает приподнятое настроение, подстегивает, как кнут, нервную систему, усиливая подвижность, развязность, возбуждая склонность к оборотам мысли, речи и поведения, необычным для нормального состояния, и тем создает иллюзию эйфорий — прилива энергии, бодрости, подъема жизненного темпа, отгоняет мрачные мысли и заглушает чувство усталости. Эти свойства алкоголя, кажущиеся благодетельными как для

самого потребителя, так и для окружающих его, на самом деле являются результатом парализующего влияния на наиболее ценные и менее доступные рядовому наблюдателю процессы задерживающих мозговых центров — носителей важнейших функций: внимания, самоконтроля и самообладания. Благодаря такой коварной своей роли алкоголь легко завлекает в свои сети лиц, которые не осведомлены о вредности его и не находят в себе внутренних сил, чтобы сохранить в жизненной борьбе душевное равновесие вследствие или слабости этих сил или непосильной тяжести жизненной обстановки. Им алкоголь дает или временное забвение неприглядной окружающей действительности или обманчивый приток новых жизненных сил.

К этой группе принадлежат прежде всего самые неустойчивые в экономическом и духовном отношениях элементы общества: босаящие, деклассированные типы, лица, существующие на случайный заработок, поденные рабочие, мелкие ремесленники, затем фабрично-заводские рабочие (неквалифицированные), особенно в предприятиях с тяжелыми условиями труда, например в горнозаводской промышленности. Это обычные уличные потребители прежних монопольных «мерзавчиков» до начала работ, во время перерыва и по окончании их, чтобы искусственно поднять энергию и стряхнуть усталость, а при получке и в праздники они предаются уже пьянству, чтобы чем-нибудь скрасить свою неприглядную обстановку и забыться.

Такому потреблению очень благоприятствует городская обстановка жизни, нервирующая, создающая ряд соблазнов и представляющая на каждом шагу угнетающие яркие картины социального неравенства.

Это пролетарский тип алкоголизма, в собственном смысле социальный по терминологии т. Первушина, — самая опасная форма недуга, воспитывающая настоящих привычных пьяниц.

Так как этот вид алкоголизма проявляется наиболее ярко среди перечисленных обездоленных слоев населения, то исследователи, именуя его пролетарским, ставили его в теснейшую связь с социально-экономическими условиями, видя в нужде рабочего, изнурительном труде его, при недостаточном питании и плохих жилищных условиях, неустойчивости зара-

ботка и пр. основные факторы алкоголизма, как социального недуга.

Но т. Первущин в упомянутой выше своей работе совершенно основательно замечает, что экономическая нужда сама по себе не является причиной алкоголизма. Наоборот статистические исследования показывают, что с повышением благосостояния масс потребление алкоголя не падает, а растет. Крестьяне, несмотря на тяжелые условия своей жизни, отличаются низким потреблением и обычно прибегают к алкоголю не в силу тяготения к нему, а по заведенному обычаю, при особо торжественных случаях жизни. Поэтому т. Первущин старается отыскать более глубокие и общие психологические основы влечения к алкоголю, как наркотическому средству, и находит их в неудовлетворенности человека — как моральной, так и материальной. С этой точки зрения алкоголизм пролетариата, страдающего от материальной неудовлетворенности, порождаемой социальными условиями (при капиталистическом строе), является в собственном смысле социальным алкоголизмом, основным мотивом для которого служит, по мнению т. Первущина, отсутствию надежды на лучшее будущее и уверенности в завтрашнем дне.

Однако и такое объяснение влечения к наркотикам едва ли приемлемо как по существу, так и по тем безотрадным выводам, к которым оно неизбежно приводит. В самом деле не может не казаться странным, что неудовлетворенность, — это ценное свойство человеческой психики, служащее мощным стимулом прогресса, — рассматривается вместе с тем и как основной фактор алкоголизма — явления патологического характера, вызывающего со стороны организма на первых порах энергичную протестующую реакцию, в целях самозащиты от чуждого ему и враждебного ядовитого вещества. Если так то все наши надежды избавиться от этого недуга напрасны. Да, — замечает т. Первущин, — «он, по моему мнению, до известной степени неустраим; наоборот, есть основание думать, что этот род алкоголизма (т. е. порождаемого неудовлетворенностью. — В.) будет даже увеличиваться в связи с повышением интенсивности жизни, с ускорением ее темпа — явлением, тесно связанным с развитием капитализма». С та

кими мрачными перспективами мириться трудно, особенно наблюдая трезвость не только отдельных личностей, но и масс, упорное и далеко не безрезультатное стремление к трезвой жизни даже целых народов.

Затем мотивом неудовлетворенности нельзя объяснить тяги к алкоголю именно как к наркотику в очень многих случаях, например при сильных душевных переживаниях (неожиданная радость, душевные потрясения в периоды войн, революций, общественных кризисов). Как можно связать с теорией неудовлетворенности возникновение алкоголизма и формирование его преимущественно в юношеском возрасте — поре сильных эмоций, высоких порывов, «опьяняющих без вина», по выражению Гете, когда еще не тяготит бремя самостоятельной борьбы за существование, или склонность к алкоголю игрока, спекулянта, актера, преступника перед намеренным злодеянием и после обильной добычи? Почему крестьянин, имеющий не менее оснований, чем городской рабочий, испытывать неудовлетворенность своим положением и неуверенность в завтрашнем дне, потому что его благосостояние находится в полной зависимости от слепой игры сил природы, — чувствует себя гораздо свободнее от власти алкоголя и легко подпадает под его влияние, отрываясь от привычного уклада жизни и вступая в чуждую ему городскую атмосферу? Почему наш современный рабочий, освободившийся от власти капитала и получивший полные правовые гарантии, продолжает страдать от алкоголизма рассматриваемого нами вида в такой же степени, как и европейский рабочий в условиях капиталистического строя?

Все это и масса других явлений заставляет искать несколько иную психологическую основу тяги к алкоголю. На наш взгляд, правильнее усматривать ее в психической неуравновешенности человека, которую он не может устранить своими внутренними силами ¹.

Человек теряет равновесие, когда в душе его, под влиянием возникающих противоположных мыслей, происходит резкая и быстрая смена переживаний (радостных и тяжелых), и

¹ О патологической отягченности, как факторе алкоголизма, мы в данном случае не говорим.

между ними завязывается упорная борьба, порождающая сумбурное, тревожное настроение. Таково настроение например игрока, который от розовых надежд, при мысли о возможном выигрыше, переходит к тревоге при ожидании проигрыша.

Подобное же состояние психики наступает и при внедрении в нее каких-либо новых сильных впечатлений, нелегко вступающих в ассоциацию с ранее полученными, уже переработанными и приведенными в известную систему. Эта борьба за место среди накопленного духовного багажа может повлечь за собой основательную пересортировку последнего, и в результате получится очень тяжелый и длительный процесс; например неожиданно полученное супругом известие о неверности его жены или радостное известие о доставшемся крупном наследстве.

Во всех этих случаях человек теряет ровное, спокойное настроение, напрягает усилия, чтобы найти равнодействующую борющихся в душе его сил и устранить тягостное самочувствие, явившееся следствием потери привычного жизненного темпа. Если ему это не удастся сделать путем естественных процессов, логических или волевых, то создается повод для обращения к искусственным средствам — наркотикам, от которых он ждет или подъема своих сил или просто заглушения, хотя бы временного, происходящей в его душе борьбы (наплевательское настроение).

После сильных эмоций человек испытывает тягостное падение тонуса ниже нормы и также расположен прибегать к алкоголю, например актер после проведенной трудной роли.

Но чаще всего нарушение психического равновесия наступает вследствие перегруженности человека слишком обильными или быстро сменяющимися впечатлениями, которые он не успевает надлежащим образом переработать. Такая чрезмерная нагрузка неизбежна при современной жизни, особенно в крупных городах с ее ускоренным темпом. Поэтому города и дают наиболее высокий процент алкоголиков.

Нередко сам человек перегружает себя работой и, доходя до переутомления, не оставляет ее, а старается возбудить силы при помощи алкоголя. В частности у нас в настоящий период перехода от старого быта к новому, неизбежно связанного с резкими коллизиями, противоречиями, психика наи-

более чутких элементов подвергается очень серьезному испытанию. Не этим ли объясняется то, что наш рабочий класс, особенно столичных городов, где он является наиболее активным участником в строительстве социализма, обнаруживает повышенную алкоголизацию?

Приняв отмеченную психологическую основу влечения к алкоголю, мы легко объясним и то, иначе непонятное, явление, что формирование алкоголизма, по общим отзывам врачей, падает главным образом на возраст 15—21 г., т. е. тот, когда юношеская психика страдает неустойчивостью, повышенной чувствительностью к внешним раздражениям, аффективностью, склонностью к героическим поступкам и всякого рода экстравагантным выходкам, вследствие слабости критики, самоанализа и неумения сдерживать себя.

Отметим также, что врачи, имеющие дело с хроническими алкоголиками, характеризуют их как людей неуравновешенных, с повышенной аффективностью, слабохарактерных, с пониженной способностью к правильной регулярной работе.

Иную психологию обнаруживает крестьянин. При очень тяжелых условиях он нелегко теряет ровное настроение, стойко переносит лишения и мало тяготится однообразием своей трудовой жизни, бедной яркими впечатлениями, но зато независимой и протекающей в тесном общении с живительными силами природы. Поэтому у него значительно реже проявляется тяга к искусственным возбудителям, в частности к алкоголю, и в основе ее лежат главным образом другие мотивы, о которых мы будем говорить ниже.

Итак алкоголь легче всего вербует своих адептов из элементов психически неустойчивых. Это справедливо в отношении не только алкоголя, но и всяких наркотиков. Все то, что располагает к алкоголю, является мотивом и для курильщика. Так и должно быть, потому что действие этих ядов по существу одинаково. Поэтому врачи объединяют тягу ко всякого рода наркотикам в одно понятие — наркомания, для которой должна быть единая основа; таковой скорее будет намечаемая нами «психическая неуравновешенность», чем «неудовлетворенность материальная или моральная». Последнее понятие странно было бы распространять и на курильщиков.

Есть еще другой существенный мотив тяги к алкоголю также исходящий из психики человека, — это заложено природой стремление к эйфории — скрапиванию своей жизни.

Одни из исследователей не выделяют это стремление особый фактор, считая, что именно оно обуславливает тягу к алкоголю во всех перечисленных случаях. Другие же, на пример проф. Мольков¹, признают за ним самостоятельное значение и именуют его эндогенным фактором, в отличие от всех прочих экзогенных, порождаемых влиянием окружающей среды.

Последняя точка зрения дает нам объяснение того, что человек прибегает к наркотикам далеко не только тогда когда испытывает психическую неуравновешенность от определенных причин, но и когда он начинает тяготиться слишком длительным ровным и монотонным темпом своей жизни, испытывая неудовлетворенность теми однообразными впечатлениями и переживаниями, которые предоставляет ему будничная действительность и которые не дают пищи все его природным запросам и силам. Вследствие этого человек нуждается в том, чтобы время от времени поднимать свою психику над обычным уровнем, получать смену психического состояния и тем сохранять характерный для него жизненный ритм.

Эта потребность далеко не одинакова у людей различного психического склада. Горожанин, живущий в нервнующей атмосфере, привыкший к частой и резкой смене впечатлений чаще будет нуждаться в источниках эйфории, чем крестьянин, втянувшийся в ровную жизненную колею.

Здоровыми источниками эйфории будут: наслаждение произведениями различного рода искусств, участие в общественной или политической жизни, общение с природой, экскурсии, занятие спортом, улучшение обстановки жизни (праздничные яства, красивая одежда, убранство жилища и пр.). Все это может скрашивать серые будни и порождать новые эмоции различной силы, вместе с тем это может явиться прекрасным средством, противодействующим, экзогенным, в терминологии проф. Молькова, факторам алкоголизма. Кул

¹ (См. «Гигиена и эпидемиология» №№ 7—8 за 1926 г.)

турные развлечения, возбуждая умственные и эстетические интересы, обогащая новыми эмоциями, могут отвлекать внимание от тревожностей жизни и помогать установлению душевного равновесия.

Но почему жители столичных городов, для которых доступны многие культурные развлечения, обнаруживают даже большую склонность к наркотикам, чем жители глухих городов, бедных театрами, кино, библиотеками и пр., и даже крестьяне, почти вовсе лишенные культурных удовольствий? Очевидно культработа обладает значительными дефектами, недостаточно согласована с требованиями психогигиены и потому не является фактором, в должной мере оздоравливающим и укрепляющим психику.

Отрадно отметить, что на эту исключительной важности сторону дела наши культработники начинают обращать серьезное внимание: изучают влияние на публику тех или иных видов культурных развлечений и ищут новых методов для своей работы на основе научных данных.

Итак мы попытались установить те критические моменты человеческой психики, которые особенно легко использует алкоголь для вербования своих жертв из числа лиц, неспособных пережить эти кризисы путем напряжения собственных сил или почерпнуть их из окружающей обстановки.

Это будут все случаи нарушения душевного равновесия, происходящие конечно от влияния среды и прежде всего от социально-экономических условий, а также случаи тягостного ощущения внутренней скуки от монотонного течения жизни.

Это мы назовем первичными и основными психологическими мотивами тяги к алкоголю, как к наркотику (пролетарский тип алкоголизма). Таким же первичным, но физиологическим мотивом, будет влечение к алкоголю, как к вкусовому раздражителю (столовый алкоголизм). Эти мотивы и дают алкоголю властвовать над человечеством. Но он укрепляет свое господство, используя и другие свойства человеческой природы (условные рефлексy): привыкание, подражание, подчинение установившимся обычаям и соблазнам. Это будут мотивы вторичного происхождения, возникающие в результате подчинения отмеченным выше основным мотивам.

Употребление наркотиков очень опасно тем, что они чрезвычайно легко завлекают человека. Такое свойство наркотиков метко и образно выражает известное изречение — «первую рюмку ты берешь, а вторая тебя хватает». Часты случаи, когда зарождается привычка к алкоголю от совершенно, казалось бы, невинного пользования ничтожными дозами алкоголя для утоления зубной боли или в лекарстве или просто для испытания его вкуса. Особенно печальные последствия привыкания к алкоголю обнаруживаются у потребителей пролетарского типа, — они часто превращаются в привычных (хронических или запойных) пьяниц.

Сила привычки ярко проявляется также у столовых алкоголиков. У них первичный чисто физиологический мотив — стремление компенсировать алкоголем недостаток пищи в количественном или качественном отношении, согреться, утолить жажду, возбудить аппетит и пр. — имеет значение лишь начального толчка к тому, чтобы алкоголь сделался предметом повседневного употребления. Эти умеренные и регулярные потребители, поглощающие в общей сложности огромное количество алкоголя, являются всюду самыми сильными противниками всяких ограничительных мер в питейном деле. Недаром б. царский министр финансов Витте, творец винной монополии, делал ставку именно на этих потребителей, ставя их в пример русскому рабочему, неумеющему «культурно» пьянствовать в семейной обстановке. Столовый вид алкоголизма особенно распространен в Западной Европе, где поэтому очень высоко стоит душевое потребление и где очень слабым успехом пользуется антиалкогольная пропаганда.

Алкоголь, войдя в повседневный обиход, легко начинает расширять круг своей клиентуры. Дети тянутся к нему, заражаясь примером отца или желая бравировать, показать себя уже взрослыми; гости считают неудобным отказаться от участия в выпивке с хозяином. Таким образом подражание пьющим становится самостоятельным могучим фактором алкоголизма, уже лишенным связи с отмеченными выше первичными мотивами тяги к алкоголю.

Потерю такой же связи мы наблюдаем в бытовом алкоголизме, главным мотивом для которого является подчинение

установившимся обычаям, традициям. Так как принято сопровождать выпивкой наиболее торжественные случаи жизни (именины, званые обеды, юбилеи, свадьбы, встречу Нового года, большие праздники и пр.), то все лица, участвующие в этих торжествах, считают своей обязанностью выпивать, даже часто и вопреки своему желанию, из-за опасения обидеть хозяина и заслужить насмешки и порицание собравшихся гостей.

Казалось бы, эти случаи менее всего должны располагать к одурманиванию алкоголем, потому что они заключают в себе много естественных источников эйфории: люди переносятся из своей надоевшей будничной обстановки в другую — праздничную, приукрашенную (убранство комнат, красивые костюмы, вкусные яства), получают удовольствие от общения со своими знакомыми в непринужденной веселой беседе, могут организовать общие игры, развлечения и пр. Все это должно поднимать настроение и являться средством, отвлекающим от алкоголя, а между тем последний как раз в эти моменты ярко проявляет свою власть над людьми, заставляя их чаще всего переходить границы умеренности.

Такова могучая сила обычая. Веками алкоголь стяжал себе репутацию вдохновителя и глушителя тягостных переживаний, создал в людской психике прочные условные рефлексy, которые заявляют о себе во всех случаях, когда человек выходит из ровной житейской колеи и не может найти здоровых, освежающих эмоций.

Впрочем праздничная выпивка имеет за собою помимо традиции и другие обоснования. Хозяин считает своим долгом привести своих гостей в состояние эйфории, но все принимаемые им для этого меры обычно оказываются недостаточными: гости начинают скучать, потому что не получают приличествующих празднику приятных и достаточно сильных эмоций; беседа идет вяло, в силу отсутствия у собравшихся живых общих интересов. Поэтому хозяин прибегает к простому средству — подпоить гостей. Одни, привыкшие находить краски жизни в вине, жадно набрасываются на него и стараются довести всех собравшихся до степени опьянения, чтобы не чувствовать неловкости от присутствия в своей среде трезвых. В результате легко создается общая

пьяная вакханалия, в которую втягиваются и те лица, которые при иной обстановке легко обходятся без алкоголя, не испытывая никакого влечения к нему.

Надежным союзником алкоголя в борьбе за власть над людьми является алкогольный капитал, который всемерно старается рекламировать свои спиртные изделия, облегчить доступность их для населения. Пособниками ему служат виноторговцы и шинкари, а также лица, которые, спаивая трудовые слои населения, отличающиеся слабостью к вину, легко эксплуатируют и деморализуют их. Успех алкоголизма зависит в очень значительной степени также от распространенных неправильных взглядов, будто умеренное потребление алкоголя укрепляет организм, дает ему новые силы и предохраняет от болезней.

Итак мы позволим себе предложить классификацию мотивов потребления алкоголя в следующем виде:

Первичные: 1) физиологический мотив — получение вкусового раздражения или тепловой реакции (столовый, буржуазный тип алкоголизма);

2) психологические мотивы (алкоголь как наркотик);

а) устранение психической неуравновешенности, { Пролетарский тип алкоголизма
б) получение эйфории.

Вторичные: а) привыкание к алкоголю;

б) подражание пьющим;

в) подчинение установившимся питейным обычаям (бытовой тип алкоголизма);

г) ложные мнения о благодетельных свойствах алкоголя;

д) соблазн со стороны производителей и торговцев, а также лиц, пользующихся алкоголем в целях эксплуатации.

II. КРЕСТЬЯНСКИЙ (бытовой) АЛКОГОЛИЗМ.

Бытовой алкоголизм особенно ярко проявляется среди нашего крестьянства. К анализу его я и перехожу, пользуясь материалами специального обследования, произведенного мною в 1912 г. в Пензенской губ. по особому методу ¹.

Хотя мое описание будет относиться к довольно отдаленному дореволюционному прошлому, но я полагаю, что оно будет в общем правильно отражать и современную крестьянскую действительность, в силу консервативности деревенских нравов. Во всяком случае детальный анализ прошлого, при отсутствии более свежих источников, поможет будущим исследователям крестьянского алкоголизма лучше разобраться в этом сложном вопросе.

Отличительным признаком бытового алкоголизма служит то, что основным мотивом потребления является не личное влечение к алкоголю как физиологическому раздражителю или психическому возбуждателью, а подчинение установившимся общественным обычаям, имеющим силу в определенные традиции случаи жизни.

Веками воспитанная привычка терпеливо переносить житейские невзгоды, которые в изобилии посылала крестьянам судьба на протяжении многих столетий, могучая «власть земли», требующая от крестьянина упорного труда (но на свежем воздухе на лоне природы) и постоянной заботы о поддержании хозяйства, скудность бюджета, недостаточного для удовлетворения даже самых настоятельных потребностей — все это не благоприятствует развитию в крестьянстве той

¹ Так как примененный мною метод изучения алкоголизма дал ценные результаты, по единодушным отзывам специалистов (см. вып. XIII «Трудов Комиссии по алкоголизму при С.-Петербургском о-ве охранения народного здоровья», где напечатан мой доклад с описанием этого метода. Отз. проф. Чупрова А. «Русские ведомости» № 59 за 1914 г., Первушина С. — «Вестник Европы» кн. 5, 1914 г. и др.), то я позволю себе рекомендовать применение его и в современных условиях.

склонности к алкоголю, которую испытывает городской житель.

Но это не значит, что крестьянин относится к алкоголю безразлично. Монотонное однообразие его трудовой жизни, испытываемое им физиологическое оскудение — особенно после страдной поры — не избавляют его от потребности хотя изредка искать источников эйфории. Он и старается получать их время от времени путем организации празднеств.

Крестьяне, в силу бытовых и хозяйственных условий своей жизни, склонны поддерживать оживленное взаимное общение. Прочность семейных, родственных и соседских связей, живучесть исконных традиций гостеприимства и хлебосольства — создают обычай организовать празднества особенно широко, с приглашением многочисленных гостей.

Перед хозяином встает нелегкая задача — принять всех гостей с честью, создать для них приличествующий подъем настроения. При крайней ограниченности денежных средств, убогой жилищной обстановке, отсутствии культурных навыков — почти единственный источник праздничных красок приходится искать в вине. Удовольствие от приготовленных закусок, от общения с приятелями отступает у гостей на задний план. В центре — вино, к которому жадно тянутся все — и мужчины и женщины, — заражая друг друга своим примером. В результате получается повальное пьянство в самых безобразных формах, обычно с печальными последствиями: ссорами, драками, буйством, увечьями и пр., а иногда и смертными случаями.

Хотя пагубность такого бесшабашного пьянства ясно сознается всеми гостями, и хозяин тяготится значительными расходами на пьяное угощение, тем не менее ознаменование праздников подобным образом входит в обычай, от которого отступить считается неприличным. Создается условный рефлекс: праздник — пьянство. Насколько он прочен в народной психике? Может ли он ослабевать или угасать под действием тормозящих факторов? Что такая эволюция возможна, показывает история введения у нас запрещения виноторговли с половины 1914 г., о чем будет сказано ниже.

Затем в крестьянском быту значительная роль отводится алкоголю как фактору, облегчающему выполнение чисто

экономических задач, когда требуется прибегнуть к стороннему содействию. Здесь также установилась обычая прочная связь между готовностью помочь и винным угощением.

Все это создает случайные поводы для потребления алкоголя. Постоянных потребителей среди крестьянства почти нет.

Если и встречаются столовые алкоголики из местной интеллигенции или зажиточного крестьянства, то их ничтожное меньшинство; потребителей пролетарского типа, преимущественно из среды местных мастеровых, также чрезвычайно мало. В Пензенском уезде, по собранным мною данным, нашлось регулярных потребителей из крестьян меньше 0,2% и столько же алкоголиков пролетарского типа. Из общего потребления вина на первых надо было отнести 1,5% и на вторых — 3,2%. Остальные 95,3% приходились на случайное потребление бытового характера.

В последнем по моему мнению нужно различать два вида.

Первый — в собственном смысле бытовое пьянство, происходящее в силу веками установившихся обычаев. Оно выливается или в определенные обязательные формы питийного ритуала (пьянство в широком масштабе на свадьбах), или, хотя производится не по строго выработанному ритуалу, тем не менее необходимо сопровождает обряды, например похороны, поминки, крестины. Такое потребление принимает характер чисто обрядового пьянства. Бытовые устои вызывают усиленное потребление алкоголя также и на больших праздниках, главным образом престольных, на масленице, при помочах, при проводах новобранцев. Во всех этих случаях по общепринятым взглядам обойтись без вина нельзя. Выпивка служит залогом счастья молодых, здоровья новорожденного и необходима для почтения памяти усопшего. В престольный праздник нужно (так заведено) созвать всех своих родственников и приятелей, всех принять «с честью», напоить и накормить «до отказа». На помочи привлечь людей можно только обильной выпивкой и хорошим угощением, потому что они устраиваются в праздники, когда рабывать за плату грешно... Новобранцы идут в тяжелую военную муштру и может быть будут проливать кровь за отече-

ство — как же не угостить их хорошо вином и не залить им родительское горе?

Этот вид бытового алкоголизма имеет связь с религиозным культом. Не говоря уже о том, что потребление алкоголя в виде виноградного вина освящается церковью (таинство причащения, разрешение верующим употребления вина и елей даже в некоторые великопостные дни) и оправдывается священной историей (брак в Кане Галилейской), — само по себе обилие религиозных праздников как христианских, так и оставшихся от времен язычества, создает благодарную почву для обжорства и пьянства. Церковь освящает пасхальные яства; духовенство, обходя с иконами дома своих прихожан, благословляет приготовленные закуски и напитки и само принимает деятельное участие в истреблении их. Оно же обычно организует помочи за обильное водочное угощение. Такой пример духовных пастырей, которые, как известно, вообще не отличаются трезвостью, импонирует и легко является предметом подражания.

Ко второму виду бытового алкоголизма следует отнести потребление менее обязательного значения, которое, хотя и базируется на установившихся обычаях, но в значительной мере диктуется и личным желанием устроителя выпивки. Таковы выпивки (так назыв. могорычи) при различных имущественных сделках, попойки на сельских сходках после решения дел, связанных с заинтересованностью отдельных лиц (наем должностных лиц, пастухов, сдача общественных земель и угодий и пр.), угощение заимодавцев, случайных гостей. Сюда же следует отнести потребление вина как лекарства.

Из упомянутых 95,3% деревенского потребления на первый вид бытового алкоголизма должно быть отнесено приблизительно 50% и на второй вид 25%; остальные 20% потребляются по различным, крайне разнообразным поводам, перечислить которые невозможно; но из них многие также тесно связаны с бытом населения, как то: угощение вином нужного человека, рабочего, возвращающегося с отхожего промысла или уходящего на промысел, угощение от мельника, который старается привлечь к себе вином клиентов, выпивка после пожаров (погорельцы благодарят вином

помогавшим при спасении вещей, а затем собирают по деревне хлеб, одежду, белье и угощают дающих все это водкой) и пр.

Все это поводы, связанные с установившимися обычаями или определенными экономическими расчетами. Потребитель не создает их, а лишь пользуется ими, поддерживает их, потому что и сам находит удовольствие в выпивке. Это выпивка «по делу», как выражаются крестьяне: она требуется установившимся этикетом или хозяйственными соображениями. На долю же в собственном смысле личной инициативы потребителя, вне зависимости от бытовых условий, на долю «его баловства», по выражению крестьян, приходится очень малая часть расхода водки.

Приблизительное распределение вина на различные случаи крестьянской жизни, по данным моего обследования Пензенской губ. в 1913 г., приводится в следующей таблице.

Свадьбы и запои	Праздники	Обществ. сходы	Помочи	Похороны, крестины	Могорычи	На угощен. заимодавц.	Постоянн. потреблен.	Алкоголик	Для лечен.	С похмелья	Для приема гостей	Для гулянок и рекрут.	По разным случаям	Итого за 1913 г.
18 6	0	3 6	6 4	3 6	11 5	0 7	1 5	3,2	0,7	3 8	4,5	1 3	20 6	100

Приведенная таблица показывает, что на первом месте стоит расход вина в деревнях на праздники, главным образом престольные, наиболее чтимые. На них гулянки продолжаются 3—4 дня, а иногда и целую неделю, на что расходуется в среднем 4,06 л вина каждым домохозяином.

Второе место занимает расход на масленице (2,21 л на двор). «Гулянье» широкое, беспашалное начинается с четверга. Пасха справляется значительно скромнее (1,47 л на двор). В прочие праздники «гулянок» не устраивают; выпивка носит семейный характер и производится почти только в рождество или другие двенадцатые праздники, — всего на эти праздники расходуется 0,73 л на двор.

Собственно говоря, праздничное потребление вина выше отмеченного в таблице: значительная часть его отнесена на другие случаи деревенской жизни. Дело в том, что крестьяне из хозяйственных соображений стараются приурочить обязательную выпивку, согласно обычаям, к праздничным, свободным от работы дням. Так свадебные пиршества приурочиваются по возможности к престольным праздникам для сокращения расходов; крестины переносятся на ближайший праздник; помочи обязательно устраиваются в праздник; в эти же свободные дни чаще выпиваются «могорычи», задабриваются заимодавцы, влиятельные мирские старики и сельские власти, подготавливается почва для различных сделок.

Огромное количество вина расходуется при свадебных пиршествах. К свадьбам приурочен целый ряд народных обычаев, установленных веками и свято соблюдаемых; при этом все моменты свадебного ритуала необходимо полагается сопровождать угощением, центром которого является водка. Пьют еще задолго до свадьбы: при сватовстве, при сговорах, которые и получили специальное название «запоев» или «пропоев», при смотринах, на девичниках; но грандиозных размеров пьянство достигает в день свадьбы, когда старые и малые, мужчины и женщины, участвующие в пиршестве, считают своею обязанностью не только пить, а напиться, потому что принято думать, что чем шире пьяный размах, тем почетнее свадьба, и тем счастливее будут молодые. В пьяном угаре проводятся обыкновенно и следующие два дня после свадьбы, а при богатой свадьбе — 4 и 5 дней. В этот период выпивается не только все заготовленное хозяевами в огромном количестве вино, но и прикупленное самими гостями в складчину между собою. Складчина — явление неизбежное на каждой свадьбе. Затем наступает период похмелья, который для многих участников свадебной гульбы продолжается еще не одни сутки.

Если учесть все вино, выпиваемое по случаю крестьянской свадьбы среднего достатка, то получится едва ли менее 120 л. Но кроме того на свадьбу берут 12—60 л пива, 4—6 л виноградного вина, к которому добавляют

водку — иногда наполовину — или наливки, варят брагу. В общей сложности количество хмельных напитков, потребляемых на средней свадьбе, далеко превышает указанную 120-литровую норму.

На все это приходится потратить 100 руб. — сумма огромная, совершенно непосильная для крестьянского бюджета. Поэтому в Московской губ. еще при царской монополии начал входить обычай праздновать свадьбу по примеру горожан только один день.

Следующее место после свадеб занимает расход вина на организацию помочей. В страдную пору трудно найти в деревне рабочего, даже за высокую плату, потому что все заняты своим хозяйством, но в праздники можно получить много охотников стать на работу не за деньги, а за обильную выпивку и хорошее угощение. Такая работа не считается нарушением правила о праздничном отдыхе. Этой народной слабостью к выпивке пользуются не одни мало-сильные крестьяне, вынужденные прибегать к наемному труду для обработки и уборки своих полей, а также других хозяйственных нужд (привезти сруб для хаты, дрова из леса, обмолотить хлеб и пр.), но главным образом зажиточные крестьяне, духовенство и помещики, которым приходится рассчитывать исключительно на наемный труд. Работа на «помочах» идет дружно, быстро и весело, а хозяину важно выиграть время, поскорее справиться с уборкой полей, и он не скупится на угощение. Пусть оно будет стоить не дешевле обычной платы, лишь бы только залучить рабочих в дорогое время.

На помочах все пьют — и старый и малый, мужики и бабы, непьющий часто приводит к пиршеству кого-либо пьющего из своей семьи; за сыном иногда тянется к выпивке и отец, не бывший на работе. Это так называемые «захребетники» или «чужбинники». Женщины обыкновенно пьют меньше; иногда им даются в подарок вместо водки дешевенькие платки.

Хозяин ставит на обед после работы вина столько, чтобы всех напоить допьяна, так что на каждого участника-мужика приходится в среднем от 0,7 и до 1,5 л вина. После такой порции и на другой день требуется похмелье,

которое производится иногда за счет того же хозяина, а чаще — самого рабочего.

Устройство помочей практикуется особенно широко в июле и августе, когда требуется спешная уборка урожая, и в апреле — при пахоте и севе.

Годовой расход вина при помочах выражается цифрой 2,75 л на двор, что в переводе на деньги составляет 2 руб., не считая издержек на похмелье и ущерба от потери или понижения работоспособности после помочей.

Вообще способ заманивания крестьянина на работу и вовлечения его в невыгодные сделки при помощи вина широко практиковался кулаками, помещиками и духовенством, поэтому законодательство должно сурово карать всякие виды расплаты с рабочими водкой.

Как видно из вышеприведенной таблицы, огромный расход вина падает на так называемые «могорычи», т. е. на угощение по поводу различных имущественных сделок. Ни одна сделка, как бы она незначительна ни была, не обходится без подношения вина; продается что-нибудь за 1 р., выговаривается 0,3 или даже 0,6 л вина; получает-ся самообман: покупатель думает, что он выпил за счет продавца, а последний — что за счет покупателя. Часто вино ставит тот и другой.

«Вино, — говорят крестьяне, — это вексель или расписка в нашем быту: выпил — значит подписался, утвердил договор».

Пьянство на общественных сходах носит тот же характер общественных могорычей: наем караульных, пастухов, сдача различных арендных статей, производство денежных расчетов и пр. — все это признается необходимым закрепить общественной попойкой. Заинтересованные лица выставляют обусловленное при самой сделке количество вина. Такие поводы приурочиваются обыкновенно к тому времени, когда надо похмелиться после сильного пьянства на престольных праздниках, на свадьбах или масленице. Часто этим начинается новая пьяная полоса: дарового вина оказывается недостаточно, выпивается еще «на свои», а на следующий день — уже индивидуальное похмелье. На каждый двор расход по этой статье составляет примерно 1 р. 50 к. (из

них 50 коп. на похмелье после общественных попоек; это вино помещено в графе «с похмелья»).

Приведенная таблица не включает вина, выпиваемого крестьянами при поездках на базары, а оно выражается значительными цифрами.

Произведенный в 1912 г. детальный подсчет превышения расхода вина по г. Пензе в базарные дни, сравнительно с остальными, выразился цифрой 1783,5 л на каждый базарный день, из коих свыше 700 л должно быть отнесено на распитие в городе приезжими лицами (главным образом крестьянами на базары) на возах, на улицах перед казенными лавками, в трактирах и шинках.

Если прибавить сюда распиваемое вино по дороге на базары и с базаров, то окажется, что базарные поездки обходятся крестьянам очень недешево и они являются моментами, чрезвычайно благоприятствующими развитию среди народа алкоголизма. Каждый приезжий располагает свободной наличностью, полученной от реализации продуктов своего хозяйства, которая частью и идет на «пропой». Базарные поездки представляют массу и других самых разнообразных условий, располагающих к выпивке: с торговыми сделками искони связаны «сбызги», «могорычи»; базары — «всему миру свидание», как выражаются крестьяне; встреча с родственником, сватом, кумом и пр. не обойдется без угощения, да и самому нужно закусить, выпить чайку, побеседовать в компании в чайной, трактире, где так легко создается пьяное настроение. Эти поездки выбивают крестьянина из спокойного трудового житейского русла, приобретают до некоторой степени характер увеселительного, праздничного времяпрепровождения и уже по этому одному создают почву, благоприятную для усиленного потребления вина. Еще по дороге на базар забираются сотни из находящихся на пути винных лавок; городские лавки уже с самого утра базарного дня бойко торгуют сотками и сороковками; но особенно усиленная торговля производится после обеда, когда начинается разъезд с базара и когда редкий из крестьян не завернет по пути в лавку, чтобы опорожнить перед лавкой сотку или в компании сороковку, а то иногда и бутылку, или чтобы не застаться сином на дом.

Мною был произведен более или менее точный подсчет базарного потребления по некоторым селениям Пензенской губ., и таковое в среднем выразилось за год на двор 3,3 л на сумму 2 р. 75 к.

В силу того, что главная масса выпиваемого крестьянами вина падает на исключительные, немногочисленные случаи его жизни, деревенское потребление является sporadическим, с продолжительными перерывами и резкими скачками. Расход вина по Пензенскому уезду за три последних дня масленой недели составлял в 1912 г. в среднем 6457,5 л в день, а в первую неделю великого поста упал до 490—1230 л и за весь период великого поста потребление стояло в 4 раза ниже максимального расхода вина в октябре, по случаю обилия в этом месяце праздников и свадеб. Городской же расход вина отличается замечательным постоянством и лишь в великий пост обнаруживает падение на 25 % против средней нормы. Эта равномерность свидетельствует о наличии постоянно действующих факторов, создающих тяготение к алкоголю. Крестьянин же свободен от этих факторов; его потребление обуславливается внешними поводами; нет их — он спокоен, не испытывает тяжелого чувства неудовлетворенности; представился случай — он выпьет, пьет иногда безобразно, до потери человеческого образа; проходит повод — он резко обрывает и входит в обычную колею трудовой жизни.

Эта особенность потребления создает более благоприятную почву для борьбы с алкоголизмом в деревне, чем в городе.

Затем sporadicность деревенского потребления, временами принимающего характер безобразного пьянства и влекущего за собою ужасные последствия, весьма ярко обнаруживает губительность этого порока и потому создает стимул к борьбе с ним. За 1912 г. по Пензенскому уезду зарегистрировано полицией 31 случай смерти от неумеренного пьянства (вроде того — «гулял на свадьбе у родственников, где выпил 7 чайных стаканов водки, свалился и умер»; «выпил на свадьбе 5 чайных стаканов водки, отчего вскоре умер»; «был в гостях по случаю храмового праздника, напился до бесчувствия, свалился и умер» и пр.)...

Это — на 131 тыс. душ населения! А сколько произошло на почве пьянства других заболеваний, принявших не столь скоротечную форму, ссор, драк, всякого рода преступлений и других несчастных случаев, вроде пожаров, наносящих крестьянскому хозяйству огромный ущерб?

Высокие денежные расходы на пьяное угощение, которое приходится нести крестьянину по установившейся властной традиции, являются настолько непосильными для его бюджета, что он приветствовал бы все мероприятия, которые помогли бы ему хотя отчасти облегчить это ярмо вековых обычаев.

Все это говорит за то, что в деревне легче бороться с алкоголизмом, чем в городе. Душевое потребление вина в Пензенской губ. в 1912 г. мною определено для сельского населения Пензенского уезда в 10 л (для г. Пензы в 13,53 л).

Принимая среднюю крестьянскую семью в 6 душ, получим на семью 60 л на сумму 44 р. 71 к. ¹, что составит не менее 10% всего крестьянского бюджета.

Чтобы конкретизировать размеры деревенского потребления, нужно принять во внимание, что в крестьянской семье настоящими потребителями вина следует считать 2 человек (если исключить детей до 14 лет и половину женщин). Тогда на каждого придется в год 30 л. Пусть эта порция выпивается совершенно равномерно во все те случаи народной жизни, которые создают повод для выпивки, и тогда на каждый прием придется не менее 0,6 л. Это показывает, что мы никоим образом не могли утешать себя тем, что размер душевого потребления алкоголя был у нас раза в три ниже, чем в других странах. Потребление у нас ниже, но оно носит ясно выраженный характер спорадического пьянства и базируется не на напитках более слабых (пиве, виноградных винах, как за границей), а на водке, а теперь — самогоне, поглощаемых чаще всего натошак или с ничтожным приемом пищи.

¹ Половина всего вина покупалась крестьянами в казенных лавках по 68 коп. литр, а половина — у тайных торговцев по 81 коп. литр.

Способ организации виноторговли оказывает большое влияние на размеры деревенского потребления. Если городской регулярный потребитель запасается вином для ежедневных приемов водки, то крестьянин закупает вино только на случай наперед предвидимых выпивок, отнесенных нами к первому виду бытового алкоголизма, и притом в минимальных неизбежных количествах; про запас вина не держит. Но обычно разгулявшиеся гости не удовлетворяются заготовленным вином и требуют от хозяина добавлений или готовы купить вино и на свои деньги. Если нет под рукой места продажи или оно уже прекратило свои операции, то эта вспыхнувшая потребность поневоле гаснет.

Затем все прочие поводы крестьянских выпивок (2-й вид бытового алкоголизма), возникающие случайно, имеют силу благодаря возможности получения вина в каждый данный момент. Эту возможность и обеспечивали при винной монополии шинкарки, которых в каждом селе Пензенской губ. было по одной на двадцать дворов, несмотря на наличие казенной лавки в селе. Армия шинкарок сбывала не менее 50% всего казенного вина, благодаря чему и повышалось потребление водки при монополии.

Размер деревенского потребления находится в тесной зависимости от экономического достатка населения и неуклонно обнаруживает повышение в урожайные годы, особенно в осенние периоды, обильные свадьбами и празднествами. Обильный урожай поднимает брачность, усиливает размах пьянства на празднествах, увеличивает число организуемых помочей при уборке хлебов. Наоборот, неблагоприятные годы заставляют ограничивать питейные расходы; но падение последних далеко не столь резко обнаруживается, как рост при обильных урожаях. Как будто есть такой минимум, ниже которого не спускается деревенское потребление, даже в голодные годы. Таким образом колебания деревенского потребления в зависимости от экономического фактора следуют той же тенденции, которая отмечалась исследователями алкоголизма рабочих (см. А. Лосицкий и И. Чернышев — Алкоголизм петербургских рабочих, изд. 1913 г., а также — К а с п а р ь я н ц — Алкоголизм и бакинские рабочие, доклад его в т. II «Трудов Всероссийского съезда по борьбе с пьян-

ством», стр. 799), а именно: абсолютный расход на алкоголь растет с ростом заработка рабочего, по крайней мере в пределах до 50 руб. в месяц — по анкете Лосицкого, а по Каспарьянцу — до 73 руб., а сжимается далеко не в такой степени, как уменьшается заработок; поэтому доля расхода на алкоголь систематически возрастает с падением бюджета.

Такова общая характеристика деревенского алкоголизма периода винной монополии.

Повидимому и современный алкоголизм в основных чертах остался тем же. Детальных обследований его мы не имеем; но некоторые материалы мы находим в литературе. Например т. Политов в своей статье «Вопросы алкоголизма в деревне» (Бюл. НКЗдрава, № 16, 1926 г.) приводит следующее распределение потребления самогона (в процентах) в 1925 г. в земледельческих местностях, на основании селькоровских писем в «Крестьянскую газету»:

	На празд- никах	На свадь- бах	На базарах (при торго- вых сдел- ках)	Беспоря- дочно
Центрально-черноземная обл.	62,5	18 8	1 5	6,2
Белоруссия	40,0	40,0	10,0	10,0

Д-р Рязанов (см. статью его «К вопросу об алкоголизме в современной деревне» — труды Воронежского гос. университета, т. IV, 1927 г.), в результате проведенной им анкеты в 1926 г. среди селькоров Воронежской губ. (90 ответов), приходит к выводу, что «деревня пьет главным образом по праздникам, на свадьбах, на крестинах, похоронах и других обрядах, на базарах, при покупке и продаже и в незначительной степени (13%) постоянно». Как и в довоенное время, потребление усиливается осенью, по окончании полевых работ, в период праздников и свадеб и когда происходит наибольшее количество торговых сделок, связанных с могорычами и поездками на базары. Весенний и летний периоды полевых работ отличаются низким потреблением алкоголя.

III. ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН К ТРЕЗВЕННЫМ МЕРОПРИЯТИЯМ.

Описанные особенности деревенского алкоголизма обуславливают иное отношение деревенских жителей, чем горожан, к трезвенным мероприятиям.

Крестьянин безобразно пьет спорадически, изредка, по заведенному обычаю, не чувствуя при ровном течении своей трудовой жизни властного влечения к алкоголю. Вследствие этого для него ясны огромные печальные последствия пьянства, тяжелы для бюджета обязательные расходы на алкоголь при празднествах, и потому он легче, чем городской регулярный потребитель или хронический алкоголик, мирится с отсутствием вина и готов пойти навстречу всем мероприятиям, помогающим ему изжить невыгодные, связывающие его питейные обычаи.

Но сам он проявить активность в этом направлении бес силен вследствие низкого культурного уровня и недоступности разумных развлечений, а в частности вследствие неосведомленности об истинных свойствах алкоголя. Он не только не осуждает умеренного употребления его, но считает его во многих случаях полезным, даже необходимым универсальным лечебным средством. Если эти алкогольные предрассудки живучи и среди интеллигенции, то нечего удивляться, что так крепко их держатся некультурные массы, совершенно не учитывая коварных свойств алкоголя — завлечь потребителя и заставить его перейти всякие границы, — и сокрушенно бичуют себя только тогда, когда забвение границ влечет за собою тяжелое наказание.

Такое покаянное настроение, живучее в народной среде, проявляется в различных формах. Чаще всего оно выражалось в довоенное время в даче «зароков» — клятвенных обещаний не пить в течение определенного срока или вовсе. Система дачи зароков широко практиковалась и среди рабочих, которые, страдая от безобразного временами пьян-

ства, тоже ясно видели необходимость освободиться от губительной привычки. По анкете Лосицкого (см. «Алкоголизм среди петербургских рабочих») в 1912 г. рабочих, дававших зарюки, оказалось 50%, главным образом из среды много пьющих. Чтобы лучше обеспечить прочность обета, рабочие записывались в общества трезвости (28%) и там давали зарюки при торжественной обстановке.

Но эта индивидуальная борьба с алкоголизмом редко обеспечивала полный успех — чаще лишь временный. Д-р Марковников в своем докладе на I Всероссийском антиалкогольном съезде в 1909 г. (см. т. III «Трудов», стр. 1135) о значении зарюков говорит: «Насколько популярен обычай в Москве давать зарюки, можно видеть из того, что в Даниловском обществе трезвости было дано зарюков в 1905 г. 36 615; в 1906 г. — 52 093; в 1907 г. — 43 776 и в 1908 г. — 41 482».

Автор относится положительно к этим зарюкам и констатирует благодетельные результаты их. В Александро-невском обществе трезвости в Петрограде дали зарюки в 1913 г. 36 272 чел. (д-р Мендельсон, Итоги принудительной трезвости, изд. 1916).

Народное сознание пагубности пьянства и стремление освободиться от него ярко выражаются в сектантстве. Одним из главных требований многих сект, не говоря уже о рационалистических — молоканах, штундистах, духоборах и др., — но даже таких, как хлысты, старообрядцы, является соблюдение полного воздержания от крепких напитков.

Насколько народные массы чутки к трезвенным призывам, показывает движение, возглавлявшееся в 1907—1913 гг. в Москве и Петербурге «братцами» Чуриковым, Григорьевым и Колосковым, к которому примкнуло до 100 тыс. чел. и которое серьезно встряхнуло духовенство и администрацию (см. Сборник речей о трезвенническом движении, под ред. проф. Линдемана, М. 1913 г.).

История питейного дела дает нам примеры массовых отказов деревенского населения от употребления вина. В последние годы перед введением в 1863 г. акцизной системы, когда казна отдавала виноторговлю на откуп, откупщики сильно подняли цену на вино, которая доходила до

70—80 коп. и выше за литр, и притом давали водку отвратительного качества. Население заволновалось: в Архангельской, Пензенской и других губерниях начались разгромы кабаков; но затем течение направилось в другую сторону, сторону воздержания от вина. Скоро трезвенное движение, как протест против злоупотреблений откупщиков, разлилось широкой волной и охватило всю Россию. Всюду составлялись сельскими обществами приговоры о запрещении пить водку под угрозой взыскания или давались зарок на известный срок, например на год. Духовенство старалось поддержать это движение. Откупщики всполошились. Многие из них оказались несостоятельными и начали пугать правительство, что общества трезвости разведутся повсеместно, и министр финансов сделал распоряжение, чтобы приговоры городских и сельских обществ о воздержании уничтожать и впредь городских собраний и сельских сходов для сей цели нигде не допускать.

Но особенной силы это движение достигло в северо-западных губерниях под влиянием агитации римско-католического духовенства. Так например в Ковенской губ. эта проповедь началась в сентябре 1858 г. Широко распространялись листки с воззванием о воздержании и организации братств трезвости. Движение захватило и православное духовенство, а за ним и православное население. Трезвость делала настолько большие успехи, что к середине 1859 г. в одной Виленской губ. насчитывалось до 300 тыс. лиц, отказавшихся от употребления вина. Потребление вина резко сократилось: так в Ковенской губ. за год на — 7 742 850 л, т. е. на 67%, в Виленской на 5 041 770 л, т. е. на 40%. Таким образом переход к воздержанию оказался возможным даже в мрачную эпоху жестокого откупного пьянства и при тогдашней некультурности русского населения ¹.

Интересно также отметить отношение народных масс к перемене питейной политики в 1914 г. В широких общественных кругах с начала XX века все острее вставали

¹ См. «Казенная продажа вина», изд. Главного управления неокладных сборов, 1900 г., П р ы ж о в, История кабаков в России, и др.

задачи искоренения пьянства. Революционная волна с 1905 г. подняла интерес к вопросам улучшения жизни. Опыт казенной винной монополии показал, что она не только не урегулировала потребления крепких напитков, но способствовала поднятию его размера. Между тем развивающаяся торгово-промышленная жизнь страны требовала, с одной стороны, здоровой трезвой рабочей силы, а с другой — увеличения покупательской способности населения, которая стояла на низком уровне вследствие гнетущего влияния на народную экономику высоких питейных расходов.

Приходилось остро поставить вопрос о реорганизации питейного дела. Он начал особенно оживленно дебатироваться в петербургской комиссии по борьбе с алкоголизмом при Обществе охранения народного здоровья, объединявшей крупные научные и общественные силы, в попечительствах о народной трезвости, особенно столичных, в которых участвовали видные общественные и научные работники, затем на всероссийских съездах по борьбе с пьянством — Петербургском в конце 1910 г. и Московском в 1912 г. Пресса широко популяризировала работу этих специальных организаций, будировала пьяный вопрос в обществе и побуждала Государственную Думу к разработке соответственных мероприятий.

Такой дружный поход против пьянства, продиктованный политическими и экономическими условиями момента и поддержанный особенно дружно крестьянскими депутатами Думы, оказал свое воздействие на правительственную власть, которая вынуждена была ввести поправку в свою финансовую политику и ограничить роль пьяного бюджета. 30 января 1914 г. последовал рескрипт на имя министра финансов, в котором указывалось, что забота о народном отрезвлении должна быть поставлена в ряд первостепенных государственных задач, и предлагалось министру финансов изыскивать другие государственные доходы взамен питейных поступлений.

С этого момента начинается перелом в питейной политике, и обществу открывается возможность возвысить свой голос в защиту народного отрезвления и объявить поход против казенок. В акцизные управления стали массами поступать приговоры сельских обществ о закрытии винных

лавок и о преследовании шинкарства. В результате заметно сокращалось потребление вина.

Но скоро была проведена более решительная мера — полное прекращение винной монополии в июле 1914 г. по случаю мобилизации при объявлении европейской войны.

Как отнеслось к ней население?

Этот вопрос был обследован в период сентябрь 1914 г. — апрель 1915 г. специальными земскими анкетами в различных губерниях (Пензенской, Костромской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской, Нижегородской и Московской). Результаты их сведены в моей работе — «Жизнь деревни в дни трезвости», изд. 1916 г.

Эффект от введения запретительной системы оказался поразительно ярким. Подавляющее большинство крестьянского населения всех губерний совершенно единодушно свидетельствовало о заметном улучшении жизни деревни во всех отношениях: о подъеме хозяйства, резком сокращении хулиганства и преступности, улучшении семейных отношений, росте личности и духовных запросов, подъеме интереса к общественной жизни. Отовсюду шли самые восторженные отзывы о наступившей трезвости и о перерождении погибавших алкоголиков. Даже наиболее тесно связанные с пьянством моменты крестьянской жизни (свадьбы, большие праздники) начали протекать в трезвой атмосфере.

Конечно нелегко происходила эта эволюция. В анкетах встречались сетования: «без водки свадьбы — одно неприличие»; «гости чувствуют себя так, будто в доме случилось несчастье»; «прежде похороны веселее были, чем теперь свадьбы». Но такое сожаление о былом пьяном разгуле выражалось редко. Большая часть ответов приветствовала новый обычай справлять свадьбы в один день и заменять водку улучшенными закусками, чаем, фруктовыми водами, сладостями, домашней брагой, чашной беседой, а иной раз даже чтением газет. Сначала чудно было такое времяпрепровождение, но потом начинали свыкаться с ним. Новый порядок особенно нравился хозяевам: расходы на угощение сократились в 5—10 раз против прежнего.

Также очень ярко проявилось сочувственное отношение к запрету и фабрично-заводских рабочих, как показала

екатеринославская анкета, — хотя привычные алкоголики из рабочих переносили вынужденное воздержание значительно тяжелее и чаще прибегали к суррогатам: денатурированному спирту, политуре, лаку и пр., которые им легче было доставать, чем деревенским жителям, удаленным от торговых центров.

Что запрет оказал весьма заметное оздоровляющее влияние на быт рабочих, видно из произведенной в Московском промышленном районе специальной анкеты за период август—октябрь 1914 г. (см. «Отрезвление рабочих», под ред. Кубадкого, М. 1915 г.). Прогулы уменьшились для мужчин на 60%, особенно в дни после получек и праздников. Общая производительность труда повысилась на 7—13%. Особенно резко обнаружилось благоприятные моральные последствия: почти исчезло хулиганство, случаи буйства в праздничные дни, драки, уменьшились нарушения порядка, ссоры, семейные драмы и пр.

Наблюдая такие дивные плоды изъятия крепких напитков, крестьянское население и рабочие почти поголовно высказывались за сохранение запрета не только на время войны, но и навсегда. Сторонниками виноторговли являлись чаще всего совершенно нетипичные для крестьянского населения потребители из разряда регулярных, которые не чувствовали на себе ярких неблагоприятных последствий употребления вина, и из группы привычных алкоголиков, которым тяжело было переносить вынужденное воздержание.

Но и эти лица признавали необходимым ввести в питейную торговлю строгие ограничения: отпускать вино по норме, по особым разрешениям, на определенные случаи жизни и пр., прибавляя, что «если продажа будет производиться попрежнему, то лучше не надо ее вовсе». Вся же крестьянская масса легко обходилась без вина и лишь при справлении свадеб и престольных праздников чувствовала его отсутствие; все же и с этим она мирилась, утешая себя тем, что изъятие водки сократило расходы на угощение.

Но вместе с тем крестьяне хорошо понимали, что вековая привычка к вину искоренится не сразу, особенно при некультурности деревни и отсутствии разумных развлечений; что будут попытки приготовления суррогатов крепких на-

питков; поэтому они настойчиво указывали власти на необходимость в первую очередь самого энергичного преследования всяких отступлений от запрета и затем изыскания мер для заполнения народного досуга разумными занятиями и развлечениями (устройство библиотек, народных домов, спектаклей, хоров и пр.). Замечательно ярко выразил это народное мнение один из крестьян в своем ответе на анкету.

«Как отношусь я лично к запрещению вина? — пишет он. — Давно бы пора! Ведь это всеми признано. Говорят: в меру пить не вредно. А где мера? Говорят: на холоду при работе полезно. Да, полезно, вроде кнута для лошади. Вообще может найдутся защитники вина, но я, несмотря на то, что сам пьющий изрядно уже около 30 лет, не могу его защищать. Многие, я знаю, не могут жить без вина. Так и говорили многие. А смотрю: живут. Ну, есть такие, что отравляются там денатуратом и прочим. Да много ли их и ими ли строится жизнь? Ведь это же кончится со временем. Зато же и жизнь пойдет! А меры для укрепления трезвости? Да вот они, эти меры: не продавайте. А если будут тайные винокуры — преследуйте. Сначала — да, необходима узда. Что делать, сознаюсь, и я без узды не стал бы трезвенником. А нет, — ну, что же поделаешь! Конечно нужно бы заменить его, это зелье, чем-нибудь. Ну, что же, будет образование, театры даже в деревне, но это потом, а пока что — узда и узда. Эх, хорошо бы газету в деревню, да недорогую! А то что же: всеобщее обучение, а читать нечего. Не мешало бы в чайных граммофоны завести — песни и игры, конечно не азартные. Ведь хорошо бы, говорю, театр, опять-таки подешевле; я бы ни одного праздника не утерпел. Хотя бы электротeatры. В Москве, я думаю, чуть не на каждую тысячу жителей есть... Хорошо бы побольше сахару, — а тут нормировка. Вообще много бы кое-чего нужно для замены вина. Но, я повторяю, все понемногу придет и приедет. Только дороги-то наши деревенские — не скоро на них доедешь-то. А пока — узда!»

Но власть не прислушивалась к этому народному мнению и не сумела во-время заметить обнаружившиеся прорехи в запретительной системе и устранить их: оставалось в силе

разрешение домашнего изготовления бродильных напитков, на которые и набросилась деревня; продавался денатурированный спирт при обстановке, обеспечивающей возможность широкого распространения его для внутреннего употребления; то же самое следует заметить относительно политуры, медицинских спиртосодержащих препаратов; административный и судебный аппараты не были приспособлены к новым сложным заданиям охраны трезвости — репрессии против нарушителей запрета применялись весьма слабые, потому что сама власть и буржуазные классы населения в глубине души были не на стороне длительного запрета, мирясь с ним, как с временной мерой на военный период. Неудивительно, что и другие более существенные меры для укрепления трезвости — агитационные и культурно-просветительные — вовсе не выдвигались.

Крестьянские депутаты в Государственной думе энергично настаивали на скорейшем проведении закона об утверждении трезвости навсегда. По их инициативе поступило в Думу 1 августа 1915 г. соответственное законодательное предложение, в пользу которого им удалось собрать 82 подписи членов Думы. Но обсуждение его замедлялось и принято Государственной Думой лишь в 1916 г., а затем задержалось в Государственном совете вплоть до самой Февральской революции.

Так как оставалось голое запрещение, не подкрепленное соответственными мероприятиями, то естественно начали воскресать старые привычки, и население стало прибегать к суррогатам водки. Крестьяне постепенно возобновляли старый обычай варить брагу, пиво, стараясь придать им возможно большую крепость. В екатеринославской анкете встречались единичные указания на попытки домашней выделки водки. Но в первые полгода все эти поиски охмеляющих напитков были явлением далеко не повсеместным. В среднем лишь пятая часть ответов отмечала их.

Как шло в дальнейшем развитие алкоголизма — по этому вопросу мы, к сожалению, не имеем никаких литературных материалов вплоть до 1922 г., когда самогонка разлилась уже широкой рекой и правительство вынуждено было принимать решительные меры для борьбы с ней.

Так как мне удалось систематически следить за движением алкогольного вопроса в Сибири, и главным образом в Енисейской губ., начиная с 1915 г., то, я полагаю, далеко не лишне будет восполнить отмеченный выше пробел, хотя бы частичными имеющимися в моем распоряжении данными. Не предполагая подробно излагать историю алкогольного вопроса в Сибири со времени запрета, я остановлюсь лишь на тех моментах, которые обрисовывают отношение населения к печальной судьбе трезвости в Сибири¹.

Выкурка водки кустарным способом практиковалась в Сибири еще при царской монополии, чему благоприятствовали многие местные условия: наличность дешевого хлеба, который трудно было сбывать, за отдаленностью рынков, таежная местность, где удобно было скрывать производство от надзора, где в изобилии даровое топливо и лесной материал для изготовления винокуренной посуды.

Все эти условия были использованы предприимчивыми переселенцами, преимущественно из прибалтийских и северо-западных губерний, знакомых с винокурением производством. К занятию доходным винным промыслом побуждала их крайняя материальная нужда, вследствие больших расходов по устройству на новых местах.

И среди местного кочевого инородческого населения издавна практиковалась выгонка слабой водки из заквашенного молока.

По мере перехода их к оседлому образу жизни и хлебопашеству, они стали заменять молоко, как материал для винокурения, хлебом.

Но при винной монополии самогонкурение не принимало широкого распространения и не обнаруживало значительного роста с годами. В каждой губернии Сибири органы надзора ежегодно могли обнаружить не более полсотни случаев тайного винокурения.

И в первый год после прекращения виноторговли положение дела почти не изменилось. Анкета, проведенная в Енисейской губ. — классической по самогону — в первой

¹ Интересующихся более подробно этим вопросом я отсылаю к моей статье в «Вестнике финансов» № 2 за 1925 г.

половине 1915 г., рисовала в общем ту же картину благотворного влияния запрета, которая была изображена выше для Европейской России. Хотя половина полученных ответов свидетельствовала об усилении роли самогонки, тем не менее 90% их говорили за желательность сохранения запрета, при условии более энергичного преследования винокурения и предоставления населению возможности заполнять досуг разумными культурными развлечениями.

Так как эти пожелания оставались невыполненными, то самогонокурение быстро стало расти, принимая все более промышленный характер; техника его совершенствовалась, и в 1916 г. уже было обнаружено в Енисейской губ. около тысячи случаев винокурения и около 3 тыс. случаев продажи самогонки только за вторую половину 1916 г.

Как же относилось население к такому печальному положению дела? Выражало ли оно безнадежность поддержания трезвости или продолжало еще сохранять веру в возможность борьбы с самогонокурением? На это я могу ответить на основании как своего почти годичного опыта ведения антиялкогольной работы в Енисейской губ. среди крестьянского населения, так и ознакомления с местными материалами, освещающими положение алкогольного вопроса перед революцией и после нее, вплоть до 1924 г.

Вопрос о самогонке мне приходилось многократно в 1916 и 1917 гг. ставить на обсуждение крестьян на съездах, сельских сходах, на лекциях по алкоголизму, при поездках по деревням, — и я положительно удивлялся тому глубокому интересу, с которым крестьяне трактовали эти темы, и горячему желанию их всемерно поддержать трезвость, с беспощадным преследованием самогонщиков. Длительное тюремное заключение, взыскание штрафов без всякого снижения, с обращением их на все имущество виновных до полного разорения хозяйства, чтобы другим неповадно было, возложение денежной ответственности на сельские общества, допускающие развитие винокурения и укрывающие самогонщиков, — все подобные меры выдвигались совершенно самостоятельно самим рядовым крестьянством и всегда встречали дружные одобрительные возгласы присутствующих: «Верно! Вот это меры!»

И это были не только слова, — они претворялись в определенные действия: нередко, по требованию своих односельчан, самогонщики добровольно приносили свои аппараты для уничтожения; составлялись общественные приговоры, в которых указывались поименно все винокуры, с наложением на них своих взысканий; создавались свои организации для наблюдения за винокурами и выдачи их властям, в случае упорного неподчинения их общественной воле.

Такие результаты были не единичными явлениями, а всегда следовали за разумно проводимой в деревне агитацией.

Все это показывает, что даже в сибирских условиях, при наличии широкого распространения винокурения, была полная возможность вызвать со стороны населения самооборону против растущей угрозы трезвости. Но развернуть работу в этом направлении было непосильной для полицейского государства задачей, а само население не в состоянии было проявить должной активности.

Наступивший после Февральской революции резкий перелом политики также мало помог делу трезвости. Административное вмешательство в народную жизнь вовсе было устранено; строительство нового быта всецело вверено силам населения в лице общественных местных комитетов. В частности в отношении борьбы с самогонкой был резко осужден прежний метод репрессий, административных и судебных, и самому населению было предоставлено оказывать на самогонщиков свои меры воздействия. В первое время общего революционного подъема население, под влиянием более сознательных элементов, действительно ярко проявило свою инициативу и объявило поход против винокуров, которые увидели, что от общественного контроля им не так легко укрыться, как от полицейского, и вынуждены были сильно сократить свои операции.

Но скоро обнаружилось бессилие комитетов; в состав их удалось проникнуть самогонщикам. Выпущенные из тюрем по манифесту Керенского самогонщики начали агитировать «за свободу» винокурения. В результате уже в апреле 1917 г. общественные комитеты в Енисейской губ., констатируя рост винокурения, вызывают об административных мерах борьбы и о присылке воинских отрядов для понимки

винокуров. Приезд на летние работы в деревни солдат еще более ухудшил положение.

Снова выступают репрессивные меры, но они проводятся крайне неоднобразно и беспорядочно; посылались по деревням отряды солдат и милиционеров, которые часто допускали вопиющие безобразия и произвол.

С переходом в Спбири власти к Советам борьба с самогонкой усилилась, но она носила тот же репрессивный характер: агитационная работа проводилась очень слабо, почему и население не проявляло ярко своей самодеятельности, хотя и в этот период не прекращались энергичные выступления отдельных сельских обществ против самогонщиков.

С возобновлением Колчаком с февраля 1918 г. винной монополии в Сибири защита трезвости уже потеряла под собою всякую почву и выдвигается вновь на сцену лишь с установлением в Сибири с 1919 г. советской власти и введением полного запрета торговли всякими крепкими напитками.

В первые годы, когда советская власть была поглощена заботами о своем укреплении и о коренном переустройстве социально-экономических условий жизни, пьяный вопрос оставался в тени, что благоприятствовало успеху самогонкурения. В период военного коммунизма, ввиду прекращения частного товарооборота, крестьяне усиленно стали перекуривать хлеб, избегая сдачи его по разверстке. И в дальнейшие годы самогонка имела под собою прочную базу. Со времени нэпа и замены продразверстки продналогом крестьянам невыгодно было сбывать на рынке хлеб для покупки товаров фабричного производства, которые расценивались слишком высоко по сравнению с хлебом; поэтому они предпочитали перерабатывать его в самогонку, сбывая ее в городах, и на вырученные деньги приобретать фабричные товары.

В результате в 1922 г. мы наблюдали в Сибири уже огромное распространение самогонки. С конца этого года начинается систематическое ее преследование, в котором принимает участие и наиболее сознательная часть населения. Характерно, что из всех общественных организаций наиболее активную роль в этом направлении проявили именно

крестьянские. Следя внимательно за красноярской прессой, я не встречал ни одного сообщения о том, чтобы на многочисленных съездах, собраниях и конференциях партийных и профессиональных обсуждался вопрос о самогонке. Сама редакция газеты «Красноярский рабочий» откровенно признавалась в конце 1922 г., что «...все мы, занятые всевозможными кампаниями, проглядели развивающееся пьянство». Не было организовано ни лекций, ни докладов по алкоголизму, и вообще не велось в этом направлении почти никакой общественной агитационной работы; только крестьянские беспартийные конференции уделяли вопросу о самогонке внимание. За 1922—1923 гг. я нашел в «Красноярском рабочем» указания на это в отчетах о 13 сельских конференциях, которые выносили постановления о необходимости общественной самообороны против самогонки, и в результате этих постановлений разрушались самогонные заводы и подвергались взысканию самогонщики.

Нередки были случаи, когда сельские власти, по собственной инициативе или под воздействием местных комячеек, энергично производили чистку самогонных гнезд, встречая деятельную помощь со стороны женщин. Газета «Красноярский рабочий» отмечала, что «многие крестьяне стоят за полное искоренение зла, но сами не могут бороться, боясь мести».

Итак даже в Енисейской губ., едва ли не самой злополучной по самогонке, продолжало жить среди крестьянства сознание зловредности этого промысла, и проявлялась готовность содействовать власти к искоренению его.

К каким крайним мерам готовы прибегать иногда крестьяне для искоренения самогонки, показывает сообщение из Минусинского уезда Енисейской губ. о том, что там в одной из волостей действовало в 1923 г. следующее постановление:

«Если кто-либо из граждан поймает в своем селе пьяного, то за его счет получает 5 пуд. хлеба в награду; если поймает с аппаратом — 10 пуд.; если же в данном селе поймает самогонщика гражданин другого села, то ему данное село коллективно выплачивает награду в размере 50 пуд.».

Делегат Енисейской губ. съезда советов, передавший это сообщение в редакцию газеты «Красноярский рабочий» (см. № 1 за 1924 г.), добавил, что уже трое местных граждан получили в награду, согласно этому постановлению, по 10 пудов хлеба.

Как относилось население Европейской России к борьбе милиции с самогонкой? По этому вопросу мы находим скудные сведения в отчетных материалах административных отделов.

В форме, преподанной НКВД милиции для донесений о результатах ударных кампаний по самогонке, в 1922 и 1923 гг., были графы об отношении населения и о проценте дел, раскрытых по заявлениям граждан. В отчетности по первому ударнику пред рождеством 1922 г. содержатся ответы по 25 губерниям об отношении населения; из них 6—удостоверяли враждебность, 10—пассивность и 9—сочувствие. В отчетности по пасхальному месячнику 1923 г. — 28 ответов: 2—враждебное отношение, 21—пассивное и 5—сочувственное.

Что касается содействия населения в раскрытии нарушений по самогонке, то общий процент раскрытых дел по заявлению граждан выразился для первого ударника в 45 %, для второго — в 30 %; причем в тех губерниях, где отмечалось сочувственное отношение, этот процент чаще всего выражался цифрами 70—100. В последующих отчетах отношение населения не освещалось, но и приведенные скудные сведения говорят о многом. Высокий процент раскрытых нарушений по прямым заявлениям самого населения красноречиво свидетельствует об явно выраженной готовности содействовать милиции. Несомненно, что без участия в той или иной форме населения малочисленная по составу милиция, имеющая возможность бывать во многих селах лишь изредка, оказалась бы совершенно бессильной в преследовании самогонки.

Казалось бы, естественнее всего было ожидать со стороны населения враждебности, если не активной, то по крайней мере пассивной. Оснований к тому оно могло бы привести немало: город имеет возможность удовлетворять свои алкогольные привычки — к его услугам и пивные, и магазины

о винами, наливками, и рестораны, кроме изобилия всяких других удовольствий; деревня же лишена всего этого — покупка этих напитков в городе ей не по карману, да и редко осуществима; деревне нечем скрашивать свои трудовые будни, кроме как алкогольным весельем, — городские развлечения ей недоступны; деревенское потребление вина, приурочиваемое почти исключительно к выдающимся случаям жизни, не имеет характера индивидуального пьянства, как в городе, а производится в силу обязательного обычая и является цементом, связующим население; потребление в значительной степени носит чисто деловой характер (помочи, угощение рабочих, заимодавцев, могорычи и пр.) или лечебный.

Все эти соображения, в связи с тем, что за последний восьмилетний период население успело сжиться с самогонкой, которая и в экономическом отношении является для деревни плюсом — избавляет ее от расходов на покупку дорогих напитков и дает заработок беднейшим элементам деревни, — вовсе не должны были бы оставлять места для сочувственного отношения к объявленному гонению на самогонку и побуждать крестьянское население к выдаче самогонщиков, составлению протоколов, примиряясь с неприятной перспективой таскаться по судам для дачи свидетельских показаний.

И однако содействие милиции было налицо; очевидно оно диктовалось глубоким сознанием вредности самогонкурения.

В последующие годы, уже при винной монополии Центроспирта ¹ население проявляло пожалуй даже заметнее сочувствие к борьбе с винокурением. В большинстве отчетов милиции о кампании за февраль 1928 г. отмечалось, что население одобряло предпринятое гонение на самогон, а в отдельных случаях оказывало активное содействие (преимущественно женщины), особенно когда одновременно с репрессивными мерами шла разъяснительная и агитационная работа. Мотивами являлось желание сократить пьянство, хулиганство и вообще преступность. Но многие отчеты отме-

¹ В дальнейшем Центроспирт будет обозначаться сокращенно — ЦСП.

чали пассивность населения и лишь изредка случаи враждебных действий со стороны самогонщиков-рецидивистов. Нередко население сетовало на дороговизну казенного вина и выражало полную готовность отказаться от самогонки при условии удешевления вина и расширения торговой сети ЦСП.

Знаменательно, что в ударную противосамогонную кампанию 1928 г. милиции удалось склонить население к добровольной выдаче самогонных аппаратов для уничтожения. Всего было сдано в первые месяцы 8 371 аппарат, что составляет 8% отобранных с составлением протоколов. Характерно, что даже в Сибири, где население могло легко скрыть свои аппараты в глухой тайге и перенести туда без риска самогонокурение, добровольно сдано было аппаратов — в январе 1532 и в феврале 1879, благодаря хорошо поставленному осведомлению населения о значении и задачах похода, предпринятого против самогонщиков. В Марийской автономной области было отобрано 394 аппарата, а сдано добровольно 911; в Вятской губ. отобрано 1489 аппаратов и сдано добровольно 1081; в Уральской области отобрано 7 780, а сдано 864 и т. д.

Затем в некоторых своих отчетах милиция отмечала составление общественных приговоров о воспреещении самогонокурения и о выборе особых районных уполномоченных для наблюдения за выполнением этих приговоров.

И таких результатов удалось достигнуть милиции, несмотря на то, что в развернувшейся кампании она чувствовала себя одинокой; общественные организации и местные культурные работники почти всюду стояли в стороне, сельские власти не были втянуты в борьбу, а нередко даже противодействовали милиции, сами занимаясь самогонокурением; агитационная работа среди населения была развита слабо.

Все это говорит за относительно большую чуткость крестьянства к трезвенным призывам. Крестьянский алкоголизм, в значительной степени свободный от «первичных» (по нашей терминологии) мотивов потребления, представляет собой такой социальный недуг, который легче может поддаваться воздействию, чем другие виды алкоголизма.

История алкогольного вопроса у других народов также показывает, что в сельских местностях гораздо легче было

проводить антиалкогольные мероприятия, вплоть до полного запрета виноторговли, чем в городах.

Так в Северной Америке запретительная система («сухой» закон) впервые была введена в 50-х гг. XIX в. в штатах преимущественно с сельским земледельческим населением, где она пользовалась успехом, несмотря на соседство с «мокрыми» штатами.

Скандинавские государства дают еще более яркие примеры. В них до второй половины XIX в. разрешалось домашнее винокурение, которое благодаря этому было сильно распространено; например в Швеции 1 винокурня приходилась на 14 жителей. Но со второй половины XIX в. начали проводиться законы, преследующие кустарное винокурение и предоставляющие местным общинам право воспрещать питьевую торговлю. Этим правом особенно широко воспользовались сельские общины. В Швеции из 2400 сельских общин $\frac{3}{4}$ их вскоре прекратили розничную продажу водки, и к 1911 г. осталось в деревнях лишь около 200 заведений, главным образом на юге Швеции, в промышленных районах. В Норвегии к концу XIX в. из 500 сельских общин продажа водки оставалась только в 16 общинах, а пива — в половине общин. В 1894 г. вовсе была воспрещена питьевая торговля в селах. В Финляндии уже к 1886 г. из общего числа 450 сельских общин продажа водки оставалась только в 3 общинах, а затем был издан закон о воспрещении ее во всех общинах. К началу XX в. 97% сельских общин воспретило продажу и пива, и к 1908 г. остались только 5 гостиниц, торгующих пивом.

IV. СОВРЕМЕННЫЙ АЛКОГОЛИЗМ В СВЕТЕ СТАТИСТИКИ.

Для освещения алкогольной проблемы весьма важно возможно более детальное исследование динамики потребления населением спиртных напитков и сопоставление колебаний потребления с изменением различных условий как жизни населения, так и организации предложения алкоголя (выпуска спиртных изделий на рынок и обстановки их сбыта).

Так как у нас алкоголизм питается из легальных напитков главным образом казенным вином (свыше 90% всего алкоголя сбывается в виде 40-градусной водки), точный учет которого ведется ЦСП, то анализ статистических материалов ЦСП и может быть положен в основу изучения современной алкогольной динамики.

Движение продажи вина по всему монопольному району.

Проследим колебания продажи вина по месяцам, начиная с октября 1925 г.; т. е. с момента организации винной монополии ЦСП. Ввиду резких особенностей деревенского и городского потребления рассмотрим отдельно продажу в городах и сельских местностях, получим следующие две кривые (см. прил. 1).

В первые три месяца мы замечаем весьма резкие колебания: в октябре — очень высокая продажа в городах и низкая в селах, потому что в последних ЦСП не успел еще развернуть торгового аппарата и едва мог снабжать города, жадно набросившиеся на долгожданное вино, продаваемое к тому же по очень низкой цене — 1 р. за бутылку. В дальнейшие месяцы принимаются меры к продвижению вина главным образом в села, в целях вытеснения самогонки: ЦСП усиленно открывает свои лавки, привлекает в деревнях низовую кооперацию в качестве своего комис-

сионера, сильно ограничивает выпуск вина в города, по требованию органов НКТорга. В результате в городах начинает остро ощущаться винный голод: сельская продажа растет за счет городской, и начинает широко практиковаться водворение в города вина, отпущенного в деревню.

С декабря вступает в силу новый фактор, который оказывает сильное влияние на понижение сбыта вина; это — резкое удорожание его, сразу на 50% — с 1 р. до 1 р. 50 к. за бутылку. Этот фактор был особенно чувствителен для расчетливого крестьянского потребителя, вследствие чего, несмотря на усиленные меры к снабжению вином главным образом деревни, сельская продажа постепенно падает и с февраля 1926 года опускается даже ниже городской.

Самогонка, испытавшая на себе тяжелый удар от опасного конкурента — дешевого казенного вина, снова завоевывает свои позиции в деревне с момента подорожания вина, продолжая прогрессировать; лишь из городских местностей она начинает постепенно вытесняться, а потому городская продажа возрастает, делая большой скачок вверх в апреле, по случаю праздника пасхи; и в следующие месяцы городская продажа стоит выше сельской, вплоть до периода осенней реализации урожая, когда обычно значительно поднимается сельское потребление. В общем за первую половину 1926 г. городская продажа превышает сельскую на 28%.

В довоенный период, когда население пользовалось исключительно казенным вином и домашнее винокурение было очень редким явлением лишь в некоторых губерниях Европейской России и Сибири, соотношение было обратное: в сельских местностях продавалось вина вдвое больше, чем в городах. Это ясно показывает, какую огромную роль играет теперь самогонка в крестьянском быту, как сильно она ограничивает спрос, главным образом в селах, на казенное вино.

С июля 1926 г. мы замечаем резкое увеличение продажи вина повсеместно, что объясняется значительным удешевлением его — с 1 р. 50 к. до 1 р. 10 к. за бутылку, т. е. на 27%.

Чтобы учесть размер подъема сбыта, сравним соотношение продажи вина за II и III кварталы 1926 и 1927 гг.,

тогда увидим, что в 1927 г., когда в обоих кварталах была одинаковая цена на вино, III квартал давал нормальное повышение продажи сравнительно со II кварталом — в городах на 10% и в селах — на 14%, а в 1926 г. повышение составило в городах — на 68% и в селах — на 140%. Следовательно удешевление вина на 27% повлекло за собою увеличение продажи примерно в городах — на 58% и в селах — на 126%. Но из этого конечно не следует, что соответственно повысилась и алкоголизация населения, потому что рост продажи вина шел в значительной степени за счет вытесняемой самогонки; в какой именно степени — выяснить мы, к сожалению, не можем, за отсутствием для этого данных. Во всяком случае эти сопоставления, а также опыт повышения цены на вино на 50% в декабре 1925 г., показывают, как чувствительны наши потребители к резким колебаниям в расценке продаваемых питей. Резкое подорожание вина может явиться могучим орудием для сокращения его сбыта. Поэтому следует приветствовать систематическое повышение цен в периоде 1928/29 г.: с 15 ноября 1928 г. — на 9% и с 15 февраля 1929 г. новое повышение — на 20%. Для крупных промышленных городов это повышение было еще более значительно вследствие постепенно вводимой с октября 1928 г. системы снабжения этих городов вместо обыкновенного вина столовым, расценка которого была выше, сравнительно с обыкновенным, на 18—19%; но возникает опасение — не повлечет ли это за собою усиление самогонкурения и не восполнит ли самогонка с лихвою брешь в оборотах ЦСП? Чтобы этого не случилось, необходимо еще более энергично вести борьбу с винокурами и вообще домашним изготовлением для сбыта всякого рода бродильных алкогольных напитков — пива, хмельной браги, кислушки и пр.

Мы видели, что с удешевлением вина в июле 1926 г. особенно сильно поднялась сельская продажа, которая постепенно стала догонять городскую, а с октября уже превысила ее, так что за все 2-е полугодие 1926 г. она стала выше городской на 2%.

Эта тенденция еще резче обнаруживается в 1927 г.: за 1-е полугодие в селах продано больше, чем в городах,

на 13% и за 2-е полугодие — на 11%. Темп роста городской продажи начинает замедляться.

Продано (в тыс. декалитров)¹ по всему району
ЦСП (РСФСР, УССР, БССР)

	1926 г.	1927 г.	Увеличение в %
В городах	13 847	20 146	45
» селах	13 014	22 450	73
Итого	26 860	42 596	—

Особенно значительный подъем сельской продажи, как общее явление, наблюдавшееся и в довоенное время, падал в 1927 г. на осенний период, обильный праздниками и свадьбами. К этому присоединялась и другая причина — новое понижение цены на вино с октября месяца — с 1 р. 10 к. до 1 р. 3 к. за бутылку, которое оказалось более чувствительным для сельского населения, чем для городского.

Указанное расхождение особенно рельефно выступает с января 1928 г., когда рост сельской продажи значительно усилился. Превышение сельской продажи против городской выражается следующими цифрами: в январе — 31%, несмотря на небольшое повышение продажной цены — 5 к. на бутылку, в феврале — 55%, марте — 41%, апреле — 50%², мае — 35%, июне — 41% и июле 46%; в среднем за 1-е полугодие — 35%.

Движение продажи за три года по однородным полугодиям представится в следующем виде (в тыс. *дл*):

¹ Декалитр — сокращенно *дл* = 10 литрам.

² Незначительная разница в апреле объясняется тем, что в городах праздник пасхи всегда значительно повышает потребление вина; в деревнях же он справляется сравнительно скромно; притом закупки для сельского населения на пасху, которая приходилась в 1928 г. на 2 апреля по старому стилю, были произведены сельскими кооперативами еще в марте и ЦСП проведены мартовской продажей. Поэтому великопостный минимум сельской продажи искусственно был передвинут в 1928 г. с марта на апрель; в городах же, где таких заблаговременных закупок кооперацией не производилось, минимум падал, как обычно, на март.

	1-е полу- годие 1926 г.	1-е полу- годие 1927 г.	% роста	1-е полу- годие 1928 г.	% роста Абсол.	По рас- чету на душу
Города	4 674	9 004	93	10 885	20,6	13
Села	3 653	10 164	178	14 606	44,0	40

В 1-й половине 1926 г. потребление стояло на низком уровне вследствие высокой цены на вино (1 р. 50 к. за бутылку), неналаженности операций по приготовлению вина, которого нехватало для удовлетворения всего спроса, и слабой торговой сети ЦСП, что особенно ощутительно было в сельских местностях. С устранением этих тормозов в 1927 г. продажа дала резкое увеличение — в селах вдвое большее, чем в городах. В 1928 г. тенденция к дальнейшему росту сохранилась; хотя темп роста оказался не столь бешеным, как в предыдущем году, однако он продолжает быть настолько значительным, даже с учетом естественного прироста населения, что не может быть поставлен в связь с соответственным повышением покупательной способности его. В частности города переживали в 1928 г. острый продовольственный кризис, вынуждены были переплачивать за продукты питания при покупке их у частных, что, казалось бы, должно ограничить спрос на вино; между тем он повысился на 13%.

Чем объясняется такой усиленный рост потребления: продолжающимся ли процессом восстановления потребительской способности, вследствие легализации виноторговли, т. е. усилением алкоголизации населения, или этот рост продажи казенного вина идет за счет вытесняемой самогонки?

Чтобы подойти к решению этого существенного вопроса, мы должны уяснить себе динамику самогонного промысла, используя единственно надежные для этой цели объективные материалы, которые содержатся в отчетах милиции по преследованию самогонки и обрабатываются Статистическим отделом НКВД.

Статистика НКВД отмечает количество произведенных милицией обысков по самогонке и обнаруженных при этом

самогонных аппаратов и готовой самогонки, причем все эти данные указывает отдельно для столичных городов (г. Москвы и г. Ленинграда), для губернских, областных и краевых городов, прочих городов и сельских местностей. Пользуясь этой статистикой, легко уяснить динамику самогонного промысла в различных районах, если проследить не абсолютное количество обысков, которое варьировало от 37 до 140 тыс. в среднем на квартал, в зависимости от развиваемой милицией энергии в различные годы, а эффективность их, т. е. количество конфискатов (аппаратов и самогонки), падающих на 100 обысков ¹.

Прилагая этот критерий к протокольной статистике, мы увидим, что в столичных городах (Ленинграде и Москве) уже с конца 1926 г. милиции не удавалось задерживать ни винокуренных аппаратов, ни самогонки.

Продажа вина в столичных городах.

Продажа казенного вина в этих городах, совершенно освободившихся с 1927 г. от самогонки, выражается следующими цифрами.

	1-е полугодие 1927 г. (тыс. <i>дл</i>)	Насел. по переписи 1926 г. (т. д.)	На 1 душу <i>дл</i> за полугодие	1-е полугодие 1928 г. (тыс. <i>дл</i>)	Население	На душу за полугодие	% роста общей продажи	% роста по расчету на душу
Москва . . .	1 315	2 026	0,65	1 634	2 129	0,76	24	17
Ленинград . .	1 015	1 614	0,63	1 171	1 688	0,70	15	12
Итого .	2 330	3 640	0,64	2 805	3 817	0,74	20	15

Столицы еще не дошли до довоенного потребления, которое составляло в 1913 г. для г. Ленинграда 2,25 *дл* и для Москвы 2,35 *дл*, но зато приближаются к нему весьма ускоренными шагами. Если прежде за три года — с 1910 по 1913 г. — рост душевого потребления по Ленинграду выражался в 17% и для Москвы — 12%, то теперь за один

¹ Более подробную мотивировку предлагаемого метода см. ниже — «Динамика самогонного промысла».

последний год оно увеличилось в Ленинграде на 12% и в Москве на 17%, несмотря на то, что в этом году городское население страдало от продовольственных затруднений при повышенной безработице. Параллельно с этим замечаются и другие признаки усиливающегося алкоголизма: рост хулиганства, задержаний на улицах пьяных, рост алкогольных психозов, прогулов рабочих на почве пьянства и пр. (см. статью д-ра Дидрихсона — Ленинградский медицинский журнал № 1, 1928 г. и работу д-ра Дейчмана, Алкоголизм и борьба с ним).

Наблюдая эти весьма грустные явления, мы наталкиваемся на ряд недоумений. Казалось бы, теперь налицо много условий, которые должны были сильно ограничить потребление алкоголя: продолжительный период воспрещения питейной торговли, исчезновение богатой буржуазии, крупного чиновничества, подъем революционного энтузиазма, общественных интересов, повышение вообще культурного уровня рабочих и красноармейцев, развитие клубной жизни, доступность различных развлечений, распространенность занятий спортом, упадок религиозности и ограничение роли обрядов, с которыми были связаны многие питейные обычаи и пр., — все это должно иметь могучее отвлекающее от алкоголя действие; с другой стороны, наличие массы безработных, вздоржание жизни, и в частности спиртных напитков, низкий уровень зарплаты служащих и заработков торговцев и ремесленников — должны были явиться факторами, ограничивающими затраты населения на алкоголь.

Следовало ожидать, что эти результаты особенно резко должны были обнаружиться в таких крупных культурных и торгово-промышленных центрах, как Ленинград и Москва, где наиболее интенсивно ведется работа по строительству нового быта.

Но монопольная статистика безжалостно разрушает эти надежды. Она свидетельствует, что за три года продажи вина столицы дошли уже до 65% довоенного потребления и что еще хуже — потребление продолжает расти.

Эти сопоставления еще более должны нас тревожить, если мы учтем особую чувствительность к алкоголю современного потребителя.

«Все специалисты, — говорит д-р Церасский (Московский медицинский журнал № 2 за 1928 г.), — сейчас безусловно сходятся в том, что современный алкоголизм отличается от довоенного. Война и революция с их потрясающими переживаниями, большое количество инвалидов и травматиков, в частности с ослабленной нервной системой, эпидемии, в особенности недоедание голодных годов и т. д., сделали многих менее устойчивыми против алкоголя, и реакции на алкоголь стали более бурными».

То же самое нарастание алкоголизма мы наблюдаем и в других крупных городах, которые, судя по статистике НКВД, могут быть признаны свободными от самогонки. Так например Тула дала прирост душевого потребления казенного вина в 1927/28 г. сравнительно с 1926/27 г. в 15%, Иваново-Вознесенск — в 9%, Воронеж — в 10%.

Это показывает, что рост сбыта казенного вина в указанных городах происходит не за счет вытесняемой самогонки, а вследствие восстановления потребительской алкогольной способности населения.

Продажа вина в других городах, кроме столичных, и роль в них самогонки.

Переходя к анализу продажи вина в других городах, кроме столичных, мы должны иметь в виду, что города снабжают вином не только горожан, но и окрестное сельское население, стекающееся в города как в торговые и административные центры. Но монопольная статистика как довоенная, так и современная, не учитывая этого двойственного назначения городского вина, относит его полностью на счет городских жителей и исчисляет душевое потребление горожан путем деления городской продажи на количество городского населения; поэтому дает неправильное представление о соотношении между городским и сельским потреблением: первое преувеличивает, а второе преуменьшает. В результате получается, что чем меньше город, тем как будто душевое потребление вина оказывается выше; для городов с 1—4 тыс. жителей оно исчисляется в 3—4 раза выше, чем для губернских городов с большим

количеством фабричных рабочих; во многих губерниях городское потребление исчисляется в 6—8—10 раз выше сельского.

Такое соотношение продажи, зависящее главным образом от различной доли участия сельских покупателей в городских винных оборотах (чем меньше город и чем больший процент к его населению составляет приток окрестных крестьян, тем эта доля оказывается значительнее), вводило в заблуждение многих авторов работ по алкоголизму. Известный исследователь алкоголизма д-р Коровин, руководствуясь монопольной статистикой, даже выдвигал особую теорию¹. «Я считаю не парадоксом, — говорил он, — а одним из правил массового алкоголизма установленное мною положение, именно: чем меньше жителей в городе, тем интенсивнее отравление алкоголем... Я объясняю это явление тем, что чем населеннее город, тем больше в нем культурных интересов, высших запросов и т. п. естественных противовесов алкоголя».

На ошибочность подобных взглядов указывалось мною еще в 1904 г. (см. В. Норов, Казенная винная монополия при свете статистики, ч. 1, стр. 40—41). В 1912 г. мне удалось произвести детальное обследование потребления вина городом и деревней в Пензенской губ. (см. Д. Воронов, Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения), и я подробными статистическими данными доказал, что значительную часть вина, особенно в мелких городах, необходимо относить на счет окрестных деревень. Даже по г. Пензе следовало отнести на счет приезжего сельского населения не менее 18% городской продажи вина в среднем за год, а по уездным городам — от 30 до 60%. В соответствии с этим, пришлось внести поправку в расчеты монопольного управления: душевое потребление для г. Пензы в 1912 г. определить не в 1,64 *дл* на душу, а в 1,37 *дл*; для Пензенского уезда не 0,82 *дл*, а 1,0 *дл*. Для прочих городов эти поправки должны быть еще более значительными.

¹ См. его доклад в 1913 г. «Преступность и алкоголизм населения Московской губ.». Труды комиссии по алкоголизму Петербургского о-ва охранения народного здоровья, вып. XIII, стр. 29.

Без этих коррективов нельзя оперировать данными монопольной статистики, как это продолжают делать многие исследователи для определения степени алкоголизации городского и сельского населения, исчисления расходов на алкоголь, тяжести питейного налога и пр., т. е. для решения таких вопросов, правильное освещение которых имеет весьма важное значение для нашей финансово-экономической и антиалкогольной политики. Единственно в очень крупных городах, как столичные, где приток окрестного сельского населения составляет ничтожный процент, можно учет потребления вести по учету продажи.

Городское потребление конечно должно быть выше сельского, по расчету на душу населения, потому что в городах относительно больше мужчин, меньше детей, из последних больше самостоятельных членов, выше процент рабочих, ремесленников, деклассированных элементов, людей, выбитых из привычной житейской колеи, вследствие большей сложности и неустойчивости городского быта. Даже вне зависимости от перечисленных особенностей, сама по себе обстановка городской жизни создает большее предрасположение к алкоголю. Статистика осужденных отмечает, что крестьяне, занимающиеся сельским хозяйством, но проживающие в городах, бывают осуждаемы почти в три раза чаще, чем крестьяне, проживающие в сельских местностях (см. Статистика осужденных за 1926 г. изд. ЦСУ РСФСР 1929 г.), и это наблюдается почти по всем преступлениям, в том числе и по тем, которые особенно тесно связаны с пьянством, как например хулиганство, побои и пр.

Но насколько все эти факторы поднимают городское потребление, сравнительно с сельским, мы не знаем. Чтобы определить размер его, необходимо корректировать статистику городской продажи, исключив из нее те напитки, которые должны быть отнесены на счет сельского населения, а для этого нужно произвести специальные обследования.

Пока же нам приходится пользоваться современными материалами ЦСП и говорить на основании их о коэффициенте не потребительском, а продажном, т. е. не о душевом потреблении, а о размерах розничной продажи вина по расчету на душу того

населения, которое числится в местонахождении сбытовых пунктов ЦСП.

Если продажные коэффициенты сами по себе не дают истинного представления о степени алкоголизации городского населения, то ими можно воспользоваться для выяснения динамики потребления и роли самогонки на городских рынках.

Что самогонка еще не исчезла из городов, даже губернских, показывает нам анализ данных протокольной статистики НКВД.

В окружных губернских и областных городах со времени выпуска в продажу 40-градусного вина выкурка самогонки резко пошла на убыль, что заметно по падению задерживаемых милицией аппаратов¹, но она еще не сошла на-нет, как в столичных городах, а привозная самогонка из деревень еще упорно держится на рынке.

В уездных городах винокурение, после сильного сокращения в I квартале продажи казенного вина, обнаруживало тенденцию к росту, особенно заметную в 1927 г., когда по Уголовному кодексу РСФСР домашнее винокурение для личной надобности признано было деянием ненаказуемым.

Но самогонка далеко не повсеместно была распространена в городах. При рассмотрении протокольной статистики по отдельным губерниям за 1-е полугодие 1928 г., мы замечаем, что главная масса городских задержаний (около 70%) падала на города Сибирского края, Северо-кавказской и Уральской областей; остальные 30% почти полностью приходились на города следующих преимущественно земледельческих губерний: Пензенской, Тамбовской, Вятской, Курской, Саратовской, Самарской и Тверской.

Следовательно, если мы сравним продажные коэффициенты по городам перечисленных губерний с такими же коэффициентами по прочим городам РСФСР (исключая Дальневосточную область и автономные республики, в которых положение самогонного дела не освещено статистикой НКВД), то мы обнаружим влияние самогонного фактора на сбыт казенного вина.

¹ Соответствующий цифровой материал см. ниже в отделе «Динамика самогонного промысла».

	Продажа (тыс. дл)		Население (тыс. душ)		Продажные коэффициен- ты (дл)		Рост %
	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	
Города с самогонном . .	3 756	4 534	6 183	6 451	0,607	0,703	15
» без самогона (не считая столичных) . .	5 968	7 177	5 244	5 689	1,14	1,26	11

Эта таблица показывает, что продажа казенного вина в городах 1-й группы стояла ниже на 45 %, чем во 2-й группе, что можно без значительной погрешности всецело отнести на счет самогонки как конкурента казенному вину. Принимая коэффициент 1,26 за нормальный вообще для всех городов, пользующихся исключительно казенным вином, мы вправе сделать заключение, что ЦСП должен был бы продать в 1927/28 г. вина в городах монопольного района почти на 3 600 тыс. дл больше ($1,26 - 0,703 \times 6 451$ тыс.). Таким образом самогонка продолжала еще в 1-м полугодии 1928 г. играть роль и на городском рынке, охватывая довольно значительный район и восполняя недопроданные ЦСП 3 600 тыс. дл вина в 1927/28 г.

Все это говорит об ошибочности распространенного взгляда, будто все города благодаря достаточной насыщенности их казенным вином уже освободились от самогонки. На самом же деле самогонная зараза, как показывает милицейская статистика, подтверждаемая вышеприведенными данными ЦСП о весьма низкой продаже вина в городах 1-й группы, еще гнездится во многих городских местностях, и даже винокурение в уездных городах сохраняет очень устойчивое положение. Этого отнюдь нельзя упускать из виду и складывать оружие на городском самогонном фронте. Особенно следует опасаться усиления самогонки при проведении ограничений городской виноторговли, сокращении выпуска вина в продажу, замене обыкновенного вина более дорогим столовым, сужении торговой сети, ограничении

времени торговли и пр. Это заставляет тщательно следить за динамикой самогонокурения.

Из приведенной выше таблицы мы видим, что продажа вина в городах 2-й группы обнаруживает рост примерно такой же, как и в столичных городах, но в городах 1-й группы он более усиленный, что также очевидно находится в связи с самогонным фактором. С января 1928 г. начала проводиться милицией антисамогонная кампания в ударном порядке как в городах, так и особенно в сельских местностях. Это не могло не повлечь за собою повышения сбыта вина, сверхъестественного роста потребления в городах 1-й группы, потому что, с одной стороны, вытеснялся самогон с городских рынков, а с другой, — сельское население, приезжающее в города, начало больше покупать в них вина для своих надобностей, так как вынуждено было сокращать свое домашнее винокурение.

Итак мы можем считать, что во всех городах алкоголизация населения увеличилась в 1927/28 г. примерно на 10% против предыдущего года.

Продажа вина в селах и роль самогонки.

Переходя к анализу продажи вина в сельских местностях, отметим, что в 1927/28 г. она значительно возросла: за 1-е полугодие 1928 г. сравнительно с таким же периодом предыдущего года — на 44%. Насколько это повышение следует отнести к естественному росту потребительской способности и насколько — к вытеснению самогонки с сельских рынков?

Ударная кампания милиции в 1928 г. по борьбе с самогонкой сильно ограничила распространение самогона (см. подробно об этом ниже в отделе «Самогонокурение») и подняла продажу казенного вина. Но милицейская статистика, дающая возможность следить за динамикой винокурения, не позволяет определить статику его (размеров выкурки) ни до 1928 г., ни после.

Если бы мы могли выбрать из сельских местностей такие, которые были свободны от самогонки, как мы имели возможность это сделать, хотя с некоторым приближением, в отношении городов, — то удалось бы путем сопоставлений ана-

лизировать роль самогонного фактора. Но располагая лишь погубернскими статистическими материалами как по ЦСП, так и по НКВД, мы лишены возможности произвести такой отбор, потому что во всех губерниях милицмейская статистика устанавливает более или менее значительное распространение винокурения по селам. Лишь очень немногие местности, как Карельская республика, отчасти Архангельская, Астраханская губ., Крымская республика не дают задержаний по самогонке; но, во-первых, в них милицией производилось очень мало обысков (по 100—200 за все полугодие не только по самогону, но и по шинкарству), во-вторых, эти местности не могут быть признаны типичными в отношении потребления спиртных напитков.

Судя по отдельным сообщениям с мест, всегда были среди самогонного моря счастливые островки; они особенно разрослись после кампании 1928 г. В них и нужно было бы обследовать вопросы потребления, но таких обследований мы не имеем.

Поэтому приходится довольствоваться для анализа потребления другим, менее надежным методом сравнения продажи вина в губерниях, неодинаково зараженных самогонкой.

Для приблизительного распределения губерний по этому признаку мы руководились материалами, полученными из различных источников: 1) из статистики ЦСП — исчисляемыми им погубернскими (для сельских местностей) продажными коэффициентами по казенному вину, которые сопоставлялись с такими же коэффициентами 1913 г., 2) из статистики НКВД — отчетами милиции о результатах обысков по самогону, главным образом в 1-м полугодии 1928 г. и 3) из обследований крестьянских бюджетов ЦСУ РСФСР за 1925/26 г. — о количестве покупавшихся населением спиртных напитков (самогонки и казенной водки) в период времени с апреля 1925 г. по апрель 1926 г., который обнимал первые полгода продажи 40-градусного вина.

Губернии расположатся в следующем порядке, начиная с наиболее зараженных самогонкой:

Вотская область и Вятская губ., округа Сибири, Пензенская губ., Курская, Ульяновская, Тамбовская, Саратовская, Тверская, Самарская, Смоленская, Брянская, Ярославская,

Ленинградская обл., Рязанская губ., Калужская, Тульская, Северо-кавказский край, Уральская обл., Воронежская губ., Костромская, Нижегородская, Иваново-вознесенская, Владимирская, Московская.

В довоенное время продажные коэффициенты в сельских местностях почти всех перечисленных губерний были очень близки между собою, колеблясь от 0,6 до 0,8 *дл* на душу населения (по данным за 1913 г.). Теперь же, вследствие неодинакового распространения в них самогонки, эти колебания оказывались очень резкими — от 0,13 *дл* в особо зараженных самогонкой районах до 0,67 *дл* в наиболее благополучных по самогонке (по данным 1927/28 г.).

Наиболее сильного развития достигает самогонокурение в земледельческих производящих местностях, где имеется избыток продуктов, годных для винокурения и где они дешевы. Исключение представляют лишь некоторые частью потребляющие губернии, которые также стоят высоко по самогону: например Тверская, Смоленская, Ярославская, Вятский район. Но в последнем и до войны замечалось кумышковарение, тесно связанное с религиозными обрядами вотяцкого населения.

Чтобы ярче представить роль самогонки, выделим четыре земледельческие губернии, в которых особенно сильно развито винокурение и где милиция проявила исключительную энергию в преследовании его в 1928 г., именно: Пензенскую, Курскую, Тамбовскую и Ульяновскую. В довоенное время они давали довольно однообразный продажный коэффициент по сельским местностям — около 0,738 *дл*, а в 1926/27 г. — лишь 0,117 *дл*, вследствие огромной конкуренции казенному вину со стороны дешевой самогонки.

Распределение продажи вина в этих губерниях по месяцам изображено кривой № 2 (см. прил. № 2); оно в общем отвечает кривой № 1, по всему району ЦСП, но рост продажи в 1928 г. выражен гораздо рельефнее: январь дал повышение сравнительно с декабрем на 35% (по всему району ЦСП — только на 5%), февраль, когда развернулась кампания против самогонки, дал повышение на 110% (вместо 21) и т. д.

Движение продажного коэффициента в этих губерниях представится в следующем виде (в *дл*) (см. табл. на стр. 62).

	За 1926/27 г.	За 1927/28 г.	% роста	За 9 месц. 1927 г.	За 9 месц. 1928 г.	% роста
Города	0,596	0,681	14	0,432	0,525	22
Села	0,117	0,216	86	0,082	0,182	121

В то время как по всему району ЦСП сельский продажный коэффициент возрос в 1927/28 г. сравнительно с 1926/27 г. на 41%, в этих четырех губерниях он возрос на 85%, главным образом за время с января 1928 г., что видно из сравнения продажи за первые 9 мес. гражданских лет. В этих же губерниях мы замечаем особенно значительный рост продажи вина и в городах — именно с 1928 г., что также находится в связи с ограничением роли самогонки.

Такое же положение замечается и в округах Сибири — издавна классических по самогону. Здесь также милиция широко развернула кампанию, и в результате продажный коэффициент возрос в сельских местностях с 0,08 до 0,21, т. е. на 160%, при сравнении 9 первых месяцев 1927 и 1928 гг.

Напрасно некоторые высказывают предположение о том, что повышение сбыта вина в 1928 г. могло объясняться усилением хлебозаготовок с начала года, благодаря чему у населения скопьялась свободная денежная наличность, которая поднимала спрос на вино. Этот фактор мог бы сказаться в I квартале 1928 г.; между тем рост продажи в дальнейшие месяцы не только не ослабевал, но усиливался: по упомянутым четырем губерниям за I квартал 1928 г. продано против соответственного квартала 1927 г. больше на 97%, за II квартал — на 118% и за III квартал — на 160%; по округам Сибири — на 130, 180 и 190%.

Видимо влияние административного нажима на самогонщиков оказалось не кратковременным, а длительным.

Приведенные данные красноречиво говорят за то, что, с одной стороны, самогонка играет весьма видную роль в алкоголизации населения и с другой, — борьба с ней даже теми примитивными методами, которые применяет крайне ма-

лочисленная по своему составу сельская милиция, может давать яркий эффект.

Теперь попробуем на основании вышеприведенных данных о сравнительном распространении самогонки в различных губерниях подойти хотя к грубому определению размеров потребления ее в сельских местностях. Для этого выделим, с одной стороны, особо зараженный район (Симбирский и четыре вышеперечисленных губернии, которые обнаруживали в довоенное время почти одинаковое потребление вина), а с другой, — губернии с тем же приблизительно довоенным уровнем потребления, но значительно более благополучные по самогонке; это — Костромскую, Нижегородскую, Иваново-вознесенскую и Владимирскую губ.¹, и сравним продажу вина в 1927/28 г. в обеих группах губерний. Тогда получим по 1-й группе продажный коэффициент 0,254 *дл*, а по 2-й — 0,498. Если распространить этот последний коэффициент на весь монопольный район, то общая продажа вина в 1927/28 г. по сельским местностям должна выразиться суммой 56,3 млн. *дл* вместо фактически проданных 30 млн. Следовательно остальные 26 млн. *дл* сельское население потребило в виде самогонки. Фактически сбыт ее должен быть больше, потому что мы исходим из заведомо неправильного предположения, что села 2-й группы вовсе не потребляли самогонки.

Читателю может показаться странным, что мы данные анализа потребления вина и динамики самогонного промысла по РСФСР распространяем при исчислении размеров потребления самогонки на всю территорию операций ЦСП, т. е. и на Украину и Белоруссию. Хотя по этим республикам мы не располагаем погубернскими данными о потреблении и такой же подробной милицейской статистикой, как по РСФСР; тем не менее мы имеем основание полагать, что в этих республиках самогонокурение развито как в селах, так и в городах во всяком случае не менее, чем в РСФСР. По Украине мы имеем сведения о результатах борьбы милиции с самогонкой за 3 года (1923—1925 гг.), и они показывают, что эффек-

¹ Села Московской губ., как резко отличающиеся от сельских местностей других губерний по высоте потребления в довоенное время и теперь, нами умышленно исключены из расчетов.

тивность обысков по количеству задержаний аппаратов и самогонки была даже выше, чем в РСФСР. Поэтому неудивительно, что продажный коэффициент, стоявший на Украине в довоенное время почти на одинаковом уровне с прочими губерниями Европейской России, в 1927/28 г. спустился очень низко: в городах до 0,53 *дл* и в селах до 0,24 *дл*, т. е. до уровня сильно зараженных самогонкой местностей. В Белоруссии этот коэффициент стоял еще ниже: в городах 0,46 и в селах 0,125 *дл*.

Итак по минимальным расчетам выкурка самогонки в 1927/28 г. по РСФСР, УССР и БССР должна быть определена 29,6 млн. *дл*, из которых 3,6 млн. составляет городское потребление и 26 млн. — сельское.

Чтобы ближе подойти к истине, сравним степень распространения самогонки в обеих сельских группах, руководствуясь милицейской статистикой. Он показывает, что в 1-й группе сел милиция задерживала на 100 обысков в среднем 41,1 *дл* самогонки, а во 2-й — 8,1 *дл*, т. е. в 5 раз меньше. Вводя соответственную поправку, мы должны увеличить коэффициент 2-й группы, исчисленной по вину в 0,498 *дл* на количество потребленной самогонки, т. е. на $\frac{1}{5} \times (0,498 - 0,254)$, или 0,049 *дл*. Тогда весь сельский оборот по самогонке выразится суммой 30 млн. *дл*, а вместе с городским — 33,6 млн.

Конечно это исчисление не может претендовать на точность, но во всяком случае оно, как обоснованное на массовом и вполне объективном статистическом материале, должно заслуживать большего доверия, чем выводы из анкет, дающих субъективные и поверхностные заключения рядовых обывателей, не подкрепляемых никакими цифровыми данными, которые можно было бы проверить и анализировать¹.

Современный алкоголизм по сравнению с довоенным.

Исходя из указанного выше количества потребляемой самогонки, попытаемся подойти к определению степени современной алкоголизации населения, сравнительно с довоен-

¹ Оценка анкетных материалов дана ниже в отделе «Самоголукуение».

ным периодом. Сделаем сначала общий расчет по всему монопольному району ЦСП для городов и сел вместе и будем считать самогонку, независимо от ее крепости, равноценной казенной водке. Обычно практикуемый исследователями вопросов алкоголизма перевод самогонки, по содержанию в ней алкоголя, в соответствующее количество 40-градусных единиц — мы признаем неправильным. Не говоря уже о том, что крепость самогонки весьма различна и по большей части она определяется крайне грубо, без применения необходимых для этого специальных приборов (спиртомеров), — но и по существу опьяняющее действие самогонки, которое и представляет для нас в данном случае интерес, зависит не только от количества содержащегося в ней алкоголя, но иногда в большей степени от одурманивающих и вообще вредных примесей: главным образом сивушных масел, эфиров, кислот, иногда даже фурфурола.

Это — неизбежные составные части самогонки, вследствие примитивности способов производства. Кроме того нередко винокуры добавляют к ней и другие вещества, чтобы усилить ее «забористость», например табачный настой, известь, купорос, хмель и пр.

Замечается общее явление, что чем слабее по градусам алкоголя самогонка, тем обильнее в ней все эти примеси и тем она может производить больший одурманивающий эффект, которого добивается потребитель.

Прибавляя 33,6 млн. *дл* самогонки к проданным ЦСП в 1927/28 г. в городе и деревне 52,5 млн. *дл* казенного вина, мы получим 86,1 млн. *дл*, что составит по расчету на душу населения 0,625 *дл*. Довоенное потребление (в 1913 г.) по теперешней монопольной территории СССР было 0,867 *дл*; следовательно восстановление потребительской способности для 1927/28 г. мы должны определить вообще в 72%.

Что эта цифра довольно близко выражает реальное соотношение, мы можем видеть на примере столичных губерний, где как было указано выше, самогонный фактор не имеет значения и где сравнение степени алкоголизации по продаже вина может быть сделано точно.

	Душевое потребление		% восстано- вления
	1913 г.	1927 г.	
Ленинград	2,26 д.л.	1,477	65
Москва	2,35 »	1,551	66

В прочих городах и селах расчет восстановительного процента выразится следующими цифрами по всему району винной монополии ЦСП¹.

Г о д ы	Потреб- Продано лено са- вина могона		Итого.	Населе- ние тыс. душ	На душу (дл.)	% вос- становле- ния
	В тысячах дл.					
Города 1913	28 137	—	28 137	12 647	2,2	—
1927/28	16 995	3 600	20 595	20 977	0,98	—
Села 1913	75 552	—	82 556	112 500	0,67	—
» 1927/28	29 789	30 000	59 789	112 900	0,53	—
Итого 1913	103 659	—	103 659	125 147	0,83	—
» 1927/28	46 783	33 600	80 383	133 877	0,6	73

В этих местностях восстановительный процент оказался выше столичных городов, что вполне понятно. Нами уже были отмечены многие сдерживающие факторы, которые должны были ослабить современную алкоголизацию столиц сравнительно с довоенной. Кроме того в них самогонка играет меньшую роль и к 1927 г. была вовсе вытеснена. В остальных районах, где факторы революционного периода действовали слабее, а самогонка до сих пор не исчезла даже с городских рынков, естественно потребление успешнее приближалось к довоенному уровню.

Но если бы мы захотели определить процент восстановления отдельно для сельских местностей и для других городов, кроме столичных, то нам пришлось бы натолкнуться на ряд неустраняемых затруднений, даже при условии уста-

¹ Цифры 1913 г. взяты из статистики по казенной продаже питей изд. Главного управления неокладных сборов для теперешнего района винной монополии ЦСП, а данные за 1927/28 г. о продаже вина и о населении приведены по отчету ЦСП.

новления размера потребления самогонки в тех и других местностях.

Мы уже говорили, что статистика ЦСП дает нам продажные коэффициенты на душу, а не потребительские. Правда, и довоенная монопольная статистика вела расчеты продажи по такой же системе. Поэтому, казалось бы, можно путем сопоставления довоенных данных и современных легко выяснить разницу потребления. Такой именно способ расчетов практикует ЦСП, а за ним многие авторы работ по алкоголизму; но он должен быть признан неправильным. Дело в том, что прежде сельские жители значительное количество вина закупали в городах, куда они стекались на многолюдные и оживленные базары. Произведенное мною в 1912 г. обследование в Пензенской губ. дает основание полагать, что по крайней мере 20—30% всей городской продажи (по г. Пензе 18%, но зато по другим уездным городам значительно больше — до 60%) приходилось тогда на долю приезжего сельского населения; исключение составляли такие крупные города, как Петербург, Москва, куда приток крестьян был ничтожен, сравнительно с огромным числом местного населения.

Теперь этот процент должен значительно понизиться; если прежде 60% всего покупаемого вина в городах (судя по г. Пензе) приезжими крестьянами увозилось ими домой, то теперь они, наоборот, стараются снабдить города своей самогонкой и пользуются городским вином лишь для распития на базарах, редко забирая его к себе домой, где можно найти дешевую самогонку. Затем теперь сократился проезд крестьян на городские базары, вследствие ничтожности частного товарооборота. Поэтому, если бы мы попытались перевести продажные коэффициенты в потребительские, то для 1913 г. мы могли бы это осуществить, хотя с очень грубым приближением, на основании упомянутых пензенских материалов; но чтобы сделать такой перерасчет для 1927/28 г., мы не располагаем решительно никакими данными, по отсутствию соответствующих обследований.

Далее надо иметь в виду еще один существенный дефект современной статистики ЦСП. В ней напрасно мы искали бы правильного распределения продажи между городом и селом.

Это распределение делается в спирто-водочных заводах — местах выпуска вина, которые, не имея от ЦСП определенных указаний, какие пункты считать городскими поселениями или сельскими (по административному ли делению или по распределению, принятому ЦСП для переписи), далеко не однообразно разносят продажу по указанным двум рубрикам. Чаще всего они руководствуются административными признаками; но ЦСП в своих расчетах продажи вина на душу населения принимает количество населения по переписи ЦСУ, что вносит еще большую путаницу, и в результате городские продажные коэффициенты оказываются значительно преуменьшенными, а сельские преувеличенными. До сих пор, пока трактовался вопрос о динамике потребления, мы игнорировали эту ошибку, потому что она имела место и в предыдущие годы и не мешала проводить сравнения; но она не позволяет правильно выявить статику современного потребления и сопоставить ее с довоенным уровнем.

В силу отмеченных двух дефектов статистики ЦСП, вышеприведенная таблица не может дать нам правильного представления о восстановительном проценте отдельно для городов и сел. По таблице выходит, что городской процент составляет лишь 44, а сельский 79. Но первый искусственно преуменьшен за счет второго. Если бы мы исключили из городской продажи вино, закупаемое крестьянами, то городское потребление уменьшилось бы для 1913 г. значительно, чем для 1927/28 г., потому что в последнем году меньший процент надо было бы отнести на счет сел; с другой стороны, исправив ошибку в исчислении населения, мы современное душевое потребление по селу должны были бы понизить, а городское повысить. В результате разница между восстановительными процентами значительно сгладилась бы: городской оказался бы несколько выше столичного, но ниже сельского.

Правильность такого именно соотношения оправдывается и следующими соображениями.

Села наиболее близко подошли к довоенному уровню потребления, потому что они уже с 1916 г. могли удовлетворять свою алкогольную потребность самогоном, и дешевизна его изготовления способствовала быстрому восстановлению старых пьяных привычек. Борьба с самогоном началась,

собственно говоря, только со второй половины 1922 г., но не остановила роста самогонкурения, а лишь сдерживала его темп. Разрешение свободной продажи вина в 1925 г. и усиленное снабжение им сел, а затем легализация в 1927 г. самогонкурения для собственной надобности — должны благоприятствовать росту деревенского алкоголизма в большей степени, чем городского. Подтверждением этого может служить движение преступности, наиболее тесно связанной с алкоголизмом, именно — хулиганства. Судя по протокольной статистике НКВД, оно возросло в 1927 г., сравнительно с 1926 г., в городах на 13%, а в селах на 45%.

Восстановительная способность в уездных городах вполне естественно должна быть близка к сельской. Они поддерживают тесную связь с деревней, и в них немало жителей, занимающихся земледелием и по укладу жизни не отличающихся от крестьян, что благоприятствует распространению самогонки.

Особенности, замечаемые в Дальневосточном крае.

Чтобы закончить анализ потребления, остановимся на одном районе, представляющем резкие особенности, — это Дальневосточный край. Потребление в нем казенного вина стояло в 1927/28 г. на исключительно высоком уровне (0,98 *дл* на душу), выше даже губерний Центрально-промышленного района (0,72 *дл*). И это — несмотря на то, что Дальневосточный край далеко не может считаться свободным от самогонки в земледельческих районах и от контрабандного спирта в пограничных с Манчжурией местностях.

Каково было потребление там в довоенное время? К сожалению, мы располагаем данными только по б. Забайкальской области, где была казенная винная монополия и велась точная статистика продажи; в других же частях нынешнего Дальневосточного края была свободная виноторговля, которая находилась в частных руках, и там статистики продажи не было организовано. Но мы без большой погрешности можем распространить данные Забайкальской области на весь Дальневосточный край, и тогда довоенное потребление определится в 0,71 *дл* на душу (городской продажный коэф-

циент — 1,75 и сельский — 0,53). Таким образом теперешнее потребление, считая только казенное вино, оказывается даже выше довоенного на 38%. Чем объясняется такое исключительное положение?

Не претендуя на исчерпывающее объяснение, мы остановимся на некоторых, по нашему мнению, главных, факторах, резко выделяющих Дальневосточный край из других местностей РСФСР.

1. Винная монополия начала функционировать в Дальневосточном крае еще в 1922 г., т. е. на три года раньше, чем в прочих местностях Союза, а потому естественно алкоголизация населения успела продвинуться дальше. В Дальневосточном крае продажа увеличилась за 5 лет с 1923/24 г. (не считая неполного года 1922/23 г.) в 6 раз, а по прочим монопольным местностям за три года с 1925/26 г. только в 2,3 раза.

2. Организация продажи отличалась в Дальневосточном крае такими особенностями, которые позволяли ЦСП исключительно успешно сбывать свои изделия. Там была допущена свободная продажа крепкого спирта (пережиток прежней царской монополии, которая практиковала повсеместно продажу спиртов в 57, 90 и 95°, в целях увеличения питейных доходов, невзирая на явный вред для народного здоровья). Благодаря доступности спиртов, население начинало в довоенный период привыкать к потреблению их даже в чистом виде; нередко можно было встретить алкоголиков, опоражнивающих «мерзавчики» ($\frac{1}{100}$) 90-градусного спирта на улицах перед казенками. Другие покупали крепкие спирты, чтобы разбавлять их дома водой пополам и получать напиток позабористее вина. Все это конечно благоприятствовало сбыту алкоголя и поднимало доход казны.

Так как теперешняя винная монополия построена на других принципах, то спирты, даже в 57°, изъяты из продажи и могут быть отпускаемы ЦСП по особым разрешениям не для питьевых, а для специальных надобностей — технических и лечебных. Но для Дальневосточного края сделано исключение, и там разрешено продавать свободно наряду с казенным вином и спирт в 96° в посуде: 3 л, 0,5 л и 0,25 л. Оказывается, этот спирт пользовался популярностью, и на него приходилось

например в Забайкальи в 1926/27 г. около 10% всего сбываемого алкоголя (главным образом в посуде в 0,5 л (58%) и в 0,25 л (27,5%). Помимо алкоголиков его покупали крестьяне на празднества в целях экономии: выгодно сразу оглушить гостей крепким спиртом, чтобы потом выпили меньше вина.

Сбыту алкоголя в Дальневосточном крае благоприятствовала и низкая продажная цена — от 24,5 коп. до 36 коп. за 1° против 54 коп. в остальных районах ЦСП (цены 1927 г.), а также чрезвычайно густая сеть винных лавок — 1 лавка приходилась на 2,5 тыс. душ населения и на 4 тыс. км², в то время как даже в округах Сибири она приходилась на 20 тыс. душ и на 6 тыс. км².

Наконец нельзя не отметить оригинальности в организации сбытового аппарата в Дальневосточном крае. Там широко практиковалось, по крайней мере в 1927 г., открытие ЦСП лавок так называемого упрощенного типа. Продажа вина поручалась местному домовладельцу, который производил торговлю в своем жилом доме и за это получал не определенное вознаграждение, а плату с каждого проданного декалитра по соглашению. Продавцами выбирались более состоятельные крестьяне, которые могли представить надежное обеспечение в виде имущества, и кроме того с них производились 10% удержания из причитающихся платежей на образование денежного залога.

Таким образом по существу они являлись частными комиссионерами ЦСП, которые, будучи заинтересованы в каждом лишнем проданном декалитре, успешно проталкивали вино, не считаясь ни с какими правилами торговли. Можно только удивляться тому, что ЦСП в погоне за коммерческими выгодами прибегал к такой недостойной для государственного предприятия системе виноторговли.

✓ Выводы.

Наметим те выводы, к которым приводит нас анализ потребления вина.

1. Движение продажи вина в течение всего периода обнаруживало весьма резкие колебания, что объяснялось в первые месяцы введения монополии неорганизованностью ви-

ноторговли, особенно в селах, а затем в значительной степени неустойчивостью продажных цен: повышение их в декабре 1926 г. на 50% сильно сократило продажу, удешевление впа с июля 1926 г. на 27% создало могучий толчок к повышению сбыта вина как в селах, так и в городах. Кроме того большую роль играла в этом самогонка, как конкурент казенному вину. Гонения на нее со стороны милиции то усиливались, то ослаблялись; в зависимости от этого она то сдавала свои позиции вину, то снова их отвоевывала.

Но если рассматривать движение современной продажи вина по месяцам вне перечисленных условий, которые не имели места в довоенное время, то мы заметим, что оно в общем отвечает довоенному типу: минимум падает на великий пост, весенние и летние месяцы — время земледельческих работ; повышение наступает со времени реализации урожая, и максимум приходится на период осенних и зимних праздников, когда справляются и свадьбы.

Но вместе с тем теперешняя кривая обнаруживает и некоторые особенности, например более резко выраженный майский минимум — вместо довоенного великопостного, январский максимум — вместо довоенного октябрьского. Было бы весьма интересно произвести детальный анализ месячных колебаний продажи хотя бы по какому-либо району и проследить связь их с бытом населения¹. При этом следует выбирать такие районы, где сравнительно меньше распространена самогонка и где реализуется вино главным образом через лавки ЦСП, а не через комиссионеров. Только при этих условиях статистика ЦСП о продаже будет отражать потребление. Дело в том, что ЦСП считает продажей в данном месяце не только то, что фактически куплено потребителями из его лавок, но и то, что забрано из спиртоводочных заводов торговцами-комиссионерами. Так как эти комиссионеры нередко делают запасы вина — на случай распутицы или перед большими праздниками (в селах), перед повышением цен на вино и по другим причинам, — то

¹ Подобная работа была проделана мною в 1912 г. в Пензенской губ., и результаты ее опубликованы в брошюре «Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения».

включение этих заборов в продажу за данный месяц дает неправильное представление о распределении потребления по месяцам тем более, что роль комиссионеров в реализации вина очень значительная: через них проходит в общем 65% городского оборота и 35% сельского.

2. Продажа вина обнаруживает из года в год неуклонный и значительный рост; 1928 г. дает повышение сбыта, сравнительно с предыдущим, в городах на 13% и в селах на 40%; по расчету на душу населения, что объясняется, с одной стороны, усилением потребления алкоголя, с другой, — вытеснением самогонки и заменой ее казенным вином; последнее особенно заметно в сельских местностях.

Что алкоголизация населения значительно растет, показывает анализ продажи вина в столичных городах, совершенно освободившихся от самогонки, и в других, где самогонка почти исчезла с рынка. Первые дают повышение продажи по расчету на душу за 1927/28 г. — 12%, прочие — в среднем 11%. Города, освободившиеся от самогонки, успели за три года продажи вина достигнуть уже 65—70% довоенного уровня потребления и, судя по темпу движения в том же направлении, обещают в ближайшие годы дойти до довоенной нормы.

Такое быстрое попятное движение к пьяному прошлому красноречиво свидетельствует о том, что меры культурного воздействия на потребителей оказываются недостаточными, должны быть усилены и подкреплены мерами жесткого внешнего воздействия — установлением такого порядка иштейной торговли, который затруднял бы для населения получение спиртных напитков, особенно в те моменты, когда оно склонно к неумеренному потреблению их. Но чтобы эти меры оказались действительными, необходимо повести ожесточенную борьбу с шинкарством.

3. Самым серьезным врагом на нашем антIALкогольном сельском фронте продолжает оставаться самогонка. Наши надежды побороть ее путем выпуска на рынок казенного вина оправдались в отношении городов, и то не в полной мере; в селах же еще царит самогонка, которая лишь в первое время винной монополии начала сдавать свои позиции.

Сююставляя статистические материалы ЦСП и НКВД, мы исчислили количество потребленного самогона в РСФСР, СССР и БССР в 1927/28 г. — в городах 3,6 млн. *дл* и в селах — 30 млн. *дл*, что составляет по отношению к городским оборотам ЦСП за 1927/28 операционный год — 16% и сельским — 100%.

4. После установления оборотов по самогону можно было подойти к определению современного фактического душевого потребления водки и самогонки и сравнению его с довоенным. Таким путем мы получили следующие соотношения:

Местности	Душевое потребление % восстано-		
	В 1913 г.	В 1927/28 г.	вления
Ленинград	2,26 <i>дл</i>	1,477 <i>дл</i>	65
Москва	2,35 »	1,551 »	66
Прочие города и села	0,83 »	0,600 »	73

Замечания относительно материалов по статистике потребления.

В заключение следует остановиться на тех затруднениях, с которыми приходится сталкиваться при изучении современного алкоголизма. Нами уже отмечалось, какими существенными дефектами страдают статистические материалы ЦСП о продаже вина. Кроме того они все еще продолжают носить печать какой-то тайны и находят место только наряду с распоряжениями ведомственными в бюллетенях ЦСП, издаваемых под штемпелем «на правах рукописи», где печатаются лишь порайонные итоги продажи.

Казалось бы, раз теперь призвана широкая общественность на борьбу с алкоголизмом, то она должна быть осведомлена о всех моментах движения алкогольной проблемы — и прежде всего о ходе реализации продажи казенного вина в отдельных местностях. Поэтому, если в довоенное время Управление винной монополией, вовсе не расположенное усиливать внимание общественности к пьяному вопросу и привлекать ее к борьбе с пьянством, практиковало однако опубликование во всеобщее сведение очень подробных отчетов, детально освещающих все стороны монопольного дела по отдельным губерниям, и в частности по-

требление (статiku и динамику его по месяцам), организацию торговли (число и род мест продажи), питейные правонарушения и пр., — то теперь широкое распространение таких отчетов является настоящей необходимостью.

Наши пожелания в этом направлении должны идти еще дальше. Так как сводка годичных материалов по всему ЦСП представляет результат длительной работы и опубликование годовых отчетов по необходимости сильно запаздывает, для практических же целей нужны возможно более свежие данные, — то необходимо, чтобы местные директора спиртоводочных заводов ежемесячно сообщали через местные газеты сведения о ходе продажи вина и о сети сбытовых пунктов по своему району с такой полнотой, которая позволяла бы анализировать динамику потребления и выявлять последствия вводимых изменений в области организации виноторговли и других мероприятий по ограничению пьянства.

Подобного же рода пожелания следует обратить и по адресу НКВД. Он ограничивается помещением сводок о работе милиции по преследованию питейных нарушений в своих статистических обзорах, которые также печатаются со штампом «не подлежат оглашению». Между тем эти материалы милиции, массовые и объективные, являются пожалуй единственными, которые могут осветить тайный самогонный промысел, не поддающийся обследованию путем анкет. Нужно только полнее их использовать, чем это практикуется теперь.

Но и наличие таких более детальных массовых статистических данных не устранит необходимости производства обследований различных сторон алкогольной проблемы на живом местном, хотя бы ограниченном по объему, материале как для проверки статистических выводов, так и для более углубленного изучения сложных факторов алкоголизма.

Казалось бы, такие материалы можно черпать из обследований бюджетов населения, которые практикуются теперь широко. Ведь бюджеты служат прекрасным зеркалом быта населения, его занятий, экономического положения и даже культурного облика. Поэтому анализ бюджетов различных групп населения и сопоставление расходов на алкоголь с другими бюджетными статьями должны выявить связь

алкоголизма с теми или иными жизненными условиями и дать надежные указания на факторы, усиливающие или сдерживающие потребление спиртных напитков.

Но, к сожалению, опыт обследования бюджетов как довоенных, так и современных, показывает, что они не только содержат скудные материалы по алкоголизму, но, что еще хуже, — могут дать ложное представление об алкоголизме, потому что всегда фиксируют расходы на спиртные напитки ниже действительных.

Это объясняется различными причинами: во-первых, естественною склонностью опрашиваемых лиц преуменьшать свою приверженность к спиртным напиткам; во-вторых, невозможностью для них восстановить в своей памяти все случаи приобретения спиртных напитков в течение целого года. Если расходы на другие предметы личного потребления, например ежедневное питание, поддаются сравнительно точному учету, потому что они представляют довольно устойчивую величину, то траты на алкоголь, обычно производимые спорадически, неравномерно, исчислить при всем желании очень трудно; а в случаях пьянства, когда потребитель находился в невменяемом состоянии или скрывал расходы от своих домашних — их определить и вовсе нельзя.

Практика применения системы ведения ежедневных приходо-расходных записей также не давала надежных результатов: редкие из обследуемых рабочих и крестьян могли справляться с ними самостоятельно; приходилось систематически руководить ими, контролировать записи, корректировать и дополнять их путем личного опроса. Таким образом этот способ, по своей сложности, не мог применяться широко, что не позволяло делать общих выводов, да он и не обеспечивал надежности показаний — опрашиваемые стеснялись давать правдивые сведения в отношении алкогольных расходов.

На все эти существенные неудобства указывают сами исследователи бюджетов (см. например «Рабочие бюджеты г. Екатеринослава за 1925 г.», ст. т. Кабо, К бюджетным обследованиям — «Статистика труда» № 8 за 1927 г., то же № 5—6 за 1928 г.; «Бюджеты ленинградских рабочих и служащих 1922—1926 гг.»).

Малая пригодность бюджетных данных для изучения алкоголизма обуславливается и другими обстоятельствами. Закладываются бюджеты в семьях, вовсе не типичных по потреблению алкоголя. Например из 218 семейных бюджетов ленинградских семейных рабочих за ноябрь 1926 г. 83 оказались без расходов на спиртные напитки, т. е. непьющих, и из 62 бюджетов одиночек-рабочих — непьющих 36. Между тем при исчислении среднего душевого потребления принимаются в расчет все хозяйства. Разве можно такие бюджеты считать показательными в отношении потребления алкоголя?

Затем для общих целей хозяйственного анализа безразлично, как распределяются охваченные обследованием семьи по полу и возрасту, потому что применяется система перевода членов семьи в рабочие и едочные единицы по известным коэффициентам; для определения же высоты душевого потребления спиртных напитков состав семей имеет весьма существенное значение. И с этой стороны объекты бюджетных обследований могут оказаться вовсе не типичными для целей изучения алкоголизма. Например если рассмотреть состав 104 рабочих семей (всего 473 души), бюджеты которых были обследованы в Москве в 1926 г. (см. «Статистика труда» № 5—6 за 1928 г.), то окажется, что в них было детей до 15-летнего возраста свыше 45%, тогда как по переписи 1926 г. по всей Москве числилось детей этого возраста лишь 18,6%. Такая разница в семейном составе влечет за собою понижение душевого потребления по бюджетам почти в 1½ раза против среднего для гор. Москвы.

В силу отмеченных выше особенностей бюджетных обследований, мы не могли найти ни в одном из них правильного исчисления размеров потребления спиртных напитков.

Если сопоставлять показания бюджетов о количестве приобретаемой водки с точными данными ЦСП о продаже ее, то во всех бюджетах, как рабочих и крестьянских, так и служащих, обнаружится преуменьшение чаще всего приблизительно в 2—3 раза¹.

¹ Лица, интересующиеся более подробно этим вопросом, найдут обильный статистический материал, подтверждающий изло-

Итак судить о размерах потребления алкоголя по бюджетам нельзя. Они могут иметь для нас другое значение; ими можно пользоваться за полным отсутствием других, более надежных данных для сравнительной характеристики потребления в различных группах населения и для освещения динамики потребления в пределах одной и той же группы. Например рабочие бюджеты показывают, насколько алкоголизация столичных рабочих выше провинциальных, холостых — выше семейных, рабочих — выше служащих, горняков — выше рабочих обрабатывающей промышленности и пр. Те же бюджеты могут дать представление о распределении потребления по видам напитков, что очень важно, потому что статистики продажи виноградных вин и пива в различных местностях мы вовсе не имеем. Бюджеты могли бы осветить также соотношение между высотой алкогольных расходов и различными условиями жизни населения: экономического достатка, занятия, этнографического состава населения и пр. Но для этого при разработке бюджетов необходимо сделать соответствующие сопоставления, что, к сожалению, редко практикуется.

Особенно важно использовать бюджеты для выяснения, как изменяется с годами потребление спиртных напитков по количеству и роду их. Но для этой цели годятся бюджеты, относящиеся к годам после октября 1925 г., когда вино-торговля приняла устойчивую современную форму и практика бюджетных обследований усовершенствовалась. Судить же о динамике потребления алкоголя, как это нередко делают авторы работ по алкоголизму, по бюджетам с 1923 г., когда население пользовалось почти исключительно само-гоном, который в минимальной степени (только покупной) отражался в бюджетах, — значит представлять вопрос в ложном освещении.

Например «Бюджеты ленинградских рабочих и служащих за 1922—1926 гг.» определяют рост алкоголизации в 17 раз с 1923 г.; т. Дейчман — в 20 раз к 1927 г., ссылаясь на бюджеты рабочих с 1923 г. («Правда» 4 октября 1928 г., № 231).

женное положение, в моей статье «Методические замечания по изучению алкоголизма», «Вестник статистики» № 4 за 1928 г.

Чрезвычайно грустно было бы, если бы наш рабочий от абсолютной почти трезвости в 1923 г. дошел за четыре года до современной алкоголизации только благодаря легализации виноторговли. Алкогольные привычки конечно не развиваются так быстро.

Следует отметить еще один ошибочный способ использования бюджетных данных, — это суждение о степени алкоголизации по удельному весу в бюджете расходов на спиртные напитки. Высота потребления должна определяться количеством поглощаемых напитков, совершенно вне зависимости от размеров общего расходного бюджета. Если два лица тратят на алкоголь по 3% от своего бюджета, который у одного выражается годовой цифрой в 2 тыс. руб., а у другого — 500 руб., то их потребление будет далеко неодинаково: у первого — в четыре раза выше, чем у второго. Даже и абсолютная цифра денежных трат на напитки сама по себе еще недостаточно определяет степень алкоголизации, потому что могут покупаться или сравнительно дешевые высокоградусные изделия или дорогие слабоградусные, потребляемые не столько для опьянения, сколько ради вкусового эффекта.

Итак анализ бюджетных материалов показывает нам, насколько мало они дают для освещения алкогольной проблемы, которая так остро стоит в настоящее время. Поэтому следует пожелать, чтобы исследователи бюджетов уделяли больше внимания этой проблеме: располагали население к более правдивым показаниям алкогольных расходов, выясняли количество, род и цену потребляемых напитков; в отношении напитков домашнего изготовления, в особенности самогонки, а также хмельного пива, браги, потребление которых начинает широко распространяться в некоторых местностях, взамен преследуемой самогонки, выясняли хотя бы количество затрачиваемых хлебных и других припасов. Затем желательно, чтобы при сводке бюджетных материалов выделялись хозяйства, типичные именно в отношении алкогольных расходов, и только по ним производилась разработка вопросов потребления.

V. САМОГОНКУРЕНИЕ.

Возникновение самогонкурения и начало борьбы с ним.

Выше была кратко изложена история развития самогонкурения в Сибири и отмечено, что в Европейской России замечались в 1-й половине 1915 г. лишь отдельные попытки перехода от изготовления бродильных напитков к выкурке водки путем отгонки спирта из заквашенных хлебных продуктов. Только среди вотяцкого населения это искусство было широко распространено еще в довоенное время. Вотяки издавна гнали «кумышку» — слабую вонючую водку из хлеба; этот обычай был связан с языческим религиозным культом.

В литературе мы не нашли материалов, освещающих, как в Европейской России самогонка постепенно внедрялась в народный обиход, какие меры принимались правительством для борьбы с ней в первые годы и чем объяснялось, что домашнее винокурение производилось в 1921 г. широко, почти открыто, повсеместно — прямо в хатах, в банях, или на специально сложенных очагах на усадьбах.

Несомненно и до 1921 г. самогонка пользовалась большим распространением в земледельческих местностях, где крестьяне, не имея рынка сбыта для хлеба в период военного коммунизма, использовали хлебные остатки на выкурку водки для собственного потребления; со времени же напа и восстановления товарооборота, самогонка пошла в город и обратила на себя внимание. Неурожайный 1921 г. не благоприятствовал значительному росту этого промысла, хотя даже в голодавших губерниях он далеко не прекращался (см. статью т. Скляра, «Власть советов» № 6—7 за 1923 г.), но зато в 1922 г. он быстро развился, чему содействовали, кроме урожая, низкие цены на хлеб: неизмеримо выгоднее было переработать его на самогонку, сбыть ее в городе и приобрести нужные фабричные то-

вары. Расслоение деревни, увеличение числа маломощных хозяйств заставили беднейшее крестьянство жадно наброситься на этот доходный промысел. В городах к этому же побуждали все растущая безработица и дороговизна жизни. И в результате выкурка водки сделалась бытовым явлением, потеряла в глазах населения характер преступного промысла, группируя вокруг себя вовсе не преступные элементы, а рядовые, малоустойчивые и экономически слабые слои населения. Этому благоприятствовало и то, что промысел требовал самого примитивного оборудования, по большей части из предметов домашнего обихода, и продукты его имели всегда обеспеченный сбыт.

В период гражданской войны на самогонку конечно не могло быть обращено должного внимания, и лишь со времени укрепления советской власти начинается преследование ее.

«Началом организованной борьбы милиции с самогонкой следует считать 2-ю половину 1922 г.», — замечает т. Померанцев в своем обзоре деятельности милиции (см. юбилейный № журнала «Рабоче-крестьянская милиция» от 12 ноября 1924 г.). До этого периода она, хотя и принимала участие в этой борьбе, но случайно, бессистемно, потому что отвлекалась другими, более важными задачами, и «ни в одном из приказов центра не содержалось указаний на необходимость борьбы с самогонщиной». Первый призыв к ней последовал из центра лишь в мае 1922 г. и то без указаний конкретных методов работы в этом направлении.

С июня 1922 г. вводится уголовный кодекс, ст. 140 коего карает изготовление самогонки, но только с целью сбыта, и хранение ее тоже для сбыта — принудительными работами до 1 года с конфискацией части имущества. Такая редакция уголовного закона, впервые легализирующая приготовление самогонки для собственного употребления, скорее содействовала распространению ее, чем искоренению, потому что установить назначение сбыта удавалось судам лишь в редких случаях; кроме того и кара за сбыт оказывалась слишком нечувствительной.

Поэтому вскоре принимается ряд мер для усиления наказания: циркуляр НКЮ № 77 от 8 сентября 1922 г. пред-

писывает относиться к самогонщикам решительно и сурово, назначая им, кроме наказания по 140 ст. УК, еще денежное взыскание, согласно 50 ст., а рецидивистов высылать по 49 ст. УК; постановлением президиума московского совнарсуда 19 сентября 1922 г. решено усилить наказание самогонщиков-сбытчиков применением к ним, кроме 140 ст., еще 139 ст., определяющей не принудительные работы, а лишение свободы на срок не ниже 6 мес.

Несмотря на эти поправки, самогонка продолжала распространяться все шире и шире, потому что оставалось в силе узаконение ее для целей личной потребности изготовителя.

Этот недостаток исправлен постановлением ВЦИК от 31 октября 1922 г., опубликованным в Известиях ВЦИК от 23 ноября 1922 г., согласно которому: 1) введена в УК новая статья 140б, карающая приготовление самогонки и без цели сбыта штрафом до 500 р. зол. или принудительными работами до 6 мес.; 2) усилено наказание по 140 ст. — вместо принудительных работ до 1 года определено — лишение свободы на срок не ниже 1 года, и 3) введена дополнительная ст. 140а, карающая лиц, занимающихся самогонкой как промыслом (рецидивистов), лишением свободы не ниже 3 лет, с конфискацией всего имущества.

С самого конца 1922 г. усиливается и административная репрессия против самогонщиков. По распоряжению центра в декабре 1922 г. — повести антисамогонную кампанию в ударном порядке — организуются массовые облавы милиции для обнаружения и разрушения гнезд винокурения, и дается судебным органам задание усилить и ускорить наложение взысканий; объявляются специальные двухнедельники и месячники по борьбе с самогонкой, приуроченные к праздникам рождественским и пасхальным.

Милиция начинает получать поддержку со стороны партийных и профессиональных организаций, а также прессы. Энергия милиции усиливается с опубликованием постановления СНК от 20 декабря 1922 г. о выдаче ей открывательского вознаграждения в размере 50% от взыскиваемых с осужденных самогонщиков штрафов.

С этого периода у нас накапливается материал, доставляемый милицией и нарсудами, позволяющий ближе подойти к выяснению размера и характера самогонного промысла. Но он далеко не может быть признан достаточным.

Материалы для исследования самогонного промысла.

Самогонный промысел как незаконный и преследуемый властью проводится конспиративно, а потому трудно поддается изучению. Невозможно поставить достаточно обширное и точное обследование его, чтобы собрать вполне надежный материал для разностороннего освещения состояния развития промысла и почвы, благоприятствующей процветанию его или упадку.

Поэтому нам приходится довольствоваться почти исключительно протокольными данными милиции по преследованию самогонки и судебными карточками, составленными нарсудами на осужденных за самогонку. Но так как агенты милиции при составлении протоколов помещали в них сведения только в пределах требований Уголовного кодекса, а не собирали материалов по определенно выработанной программе, преследующей задачи обследования различных сторон промысла, то протокольные данные могут обрисовать положение этого промысла лишь в общих чертах. Кроме того мы не имеем статистической разработки этого сырого протокольного материала, в центр поступали лишь губернские, областные сводки.

Они не могли дать определенного представления ни о размерах, ни о характере промысла. К ним нужно добавить многие сведения: об емкости заторной посуды, определяющей величину затора, о мощности аппаратов, их конструкции, о роде и количестве употребляемых в затор припасов, периоде брожения, скорости сгонки, крепости самогонки, числе производимых заторов в известный период времени и пр. и пр. Только такие данные, собираемые при каждом случае обнаружения винокурения и тщательно выясняемые на месте совершения нарушений, могут служить надежным материалом для исследования промысла.

Кроме сводок упомянутых уже выше протокольных материалов, имелись заключения различных местных учреждений, представлявшие по запросам центральных органов, в которых они старались осветить главнейшие стороны вопроса о самогонке: о степени развития самогонного промысла в различных местностях (городских центрах, промышленных, торговых и земледельческих районах), о характере этого промысла (степень совершенства техники винокурения, употребляемые припасы, выход из них самогонки, крепость ее), о размерах его (сколько выкуривается самогонки, сколько потребляется самими производителями и сколько сбывается), о личности самогонщиков (распределение их по экономическому и социальному составу), о практикуемых методах борьбы с самогонкой и результатах их и пр.

Но так как борьба с самогонкой велась исключительно силами милиции и уголовного розыска, то весь материал для упомянутых заключений можно было получать или от агентов милиции и уголовного розыска, или путем случайных наблюдений и сведений. Но милиция не была подготовлена к выяснению поставленных ей сложных вопросов: она только с конца 1922 г. вплотную подошла к работе по искоренению самогонки и не могла еще приобрести в этом деле ни опыта, ни надлежащих технических познаний; она старалась лишь шире развернуть борьбу, не задаваясь целями изучения промысла, которые ей не ставились и которые требовали длительной и углубленной работы. Таким образом она в своих ответах на поставленные вопросы вынуждена была отводить значительную роль своим личным впечатлениям и обобщениям.

Кроме милицейских материалов мы имеем анкету по самогонке Госспирта, произведенную им летом 1923 г. через своих инспекторов, которая была разработана т. Четыркиным (см. «Плановое хозяйство» № 4—5 за 1924 г.). Но и эта анкета не дала правильного и разностороннего освещения вопроса, потому что «ответы давались, по замечанию т. Четыркина, не на основании статистического матерпала, а путем личных расчетов и прикидок инспекторов».

Характеристику самогонщиков можно было составить на основании обследований арестных домов, производившихся

в г. Москве весной 1923 г. отделом моральной статистики ЦСУ, и собранных НКВД сведений о находившихся в местах заключения по всей территории РСФСР на 1 октября 1924 г.

Из более свежих материалов можно указать на анкеты:

1) ЦСП в 1926 г. (краткий отчет о ней дан в «Бюллетене ЦСП» № 3 за 1927 г.); 2) произведенную д-ром Рязановым в Воронежской губ. в 1927 г. (см. «Труды Воронежского университета», т. IV) и 3) ЦСУ РСФСР в 1928 г. («Алкоголизм в современной деревне», изд. ЦСУ 1929 г.).

Все эти материалы, а также появлявшиеся в прессе отдельные статьи и заметки использованы для составления настоящего очерка о самогонном промысле.

Местности, где производилась выкурка самогонки.

Из всех губерний и областей шли в 1923 г. известия о сильном распространении самогонки, но в каждой губернии были местности, более зараженные ею и менее, например в Башпреспублике было произведено обследование пяти волостей, из которых в одних годовая выкурка исчислялась в 14 766 *дл.*, а в других — всего лишь в 74 *дл.* ЦИК Республ-ки немцев Поволжья сообщал, что не только целый ряд сел, но и целые районы не имеют своих самогонщиков и население в них лишь изредка и случайно пользуется привозным самогоном. В Карельской республике самогонка вовсе не производилась в 1923 г., по анкете Госспирта там население довольствовалось домашней брагой-квасом. В Архангельской губ., по той же анкете, выкурка самогонки — редкое явление, исключая г. Архангельска и волостей близ г. Шенкурска.

К сожалению, мы не имеем материалов для суждений о причинах такой разницы в отношении населения к самогону. Нам известно лишь, что винокурение особенно распространено в сельских местностях, преимущественно земледельческих, где имеется избыток хлеба и других продуктов, например черной патоки (в районах сахарных заводов). Это объясняется не только тем, что в деревнях находятся под рукой пригодные для целей винокурения припасы, но глав-

вым образом меньшею доступностью деревенских самогонщиков для милицейского надзора и описанными выше особенностями крестьянского потребления.

Крестьяне нуждаются в спиртных напитках по требованиям обычая изредка, но в сравнительно больших количествах, а потому дороговизна напитков оказывается гораздо более чувствительной для расчетливых деревенских потребителей, чем для городских, которые приобретают напитки, хотя значительно чаще, но зато малыми количествами. Затем горожане могли частично удовлетворять свою алкогольную потребность и до легальной продажи крепких напитков различными суррогатами (денатуратом, политурой, одеколоном, медицинскими спиртосодержащими препаратами) или путем получения нелегальными способами спирта, отпущавшегося для различных технических и медицинских целей. А с 1922 г. горожане уже могли пользоваться пивом, виноградными винами, кроме того с 1923 г. — водочными изделиями; эти же напитки почти совсем не шли в деревне, вследствие очень высокой цены и слабоградусности.

При царской винной монополии в городах даже сибирских губерний самогонкурование вовсе было неизвестно; города всецело пользовались легальными напитками. После введения запретительной системы выкурка водки прежде всего началась в селах, откуда самогонка стала проникать в города, где находила очень выгодный сбыт. Поэтому вплоть до появления на рынке 40-градусной сельское винокурение особенно было развито в местностях, прилегающих к городским центрам, торгово-промышленным пунктам и ж.-д. станциям; а затем оно постепенно начало терять городские рынки и сосредотачиваться в более глухих местах, менее доступных для милиции. С другой стороны, значительный спрос на самогонку в городах вызвал развитие в них винокурения, чему благоприятствовало огромное количество безработных, готовых жадно наброситься на доходный промысел. Но все-таки в городах самогонкурование встречалось гораздо реже, чем в селах, зато чаще появлялась на рынке привозная из деревень самогонка. Например в 1924 г. в губернских городах милиция обнаруживала на 100 обысков 20 аппаратов и 60 *дл* самогонки, а в селах — 30 аппаратов и 24 *дл* самогонки.

Со времени выпуска в продажу 40-градусного вина городское винокурение начало постепенно замирать (см. ниже «Динамика самогонного промысла»).

Техника производства.

Всюду главнейшая масса самогонщиков вела свое производство самым примитивным способом: заторы приготавлились без соблюдения элементарнейших требований техники, вследствие чего затрачивалось припасов втрое и вчетверо больше, чем при заводском производстве; вместо специального оборудования заводов пользовались предметами домашнего обихода (котлами для согревания воды, для варки белья, ведрами, корытами, кадками, приспособливая к ним самодельные крышки, жестяные трубки, ружейные стволы для отвода спиртовых паров и их охлаждения в корытах, наполняемых холодной водой).

Так приготавливалась самогонка главным образом для собственного употребления, на выдающиеся случаи крестьянской жизни и частью для сбыта среди сельских невзыскательных потребителей. Работающие же на городской рынок и ведущие производство более или менее регулярно, обзаводились особыми примитивными аппаратами, заказывая их местным кустиарям — кузнецам и слесарям, применяя иногда более совершенный способ подогревания бражки — не прямо на огне, а при помощи пара. Благодаря этому получались лучшие выхода самогонки, более чистой и крепкой. Но и эти аппараты в огромном большинстве случаев были очень далеки от типа заводских аппаратов, не позволяли отделять погонных частей сгоняемого спирта и давали малую производительность. В некоторых сообщениях с мест имелись указания на емкость задержанных аппаратов. Астраханский губисполком распределял их на следующие группы по емкости (в процентах):

От	1	до	4	дл.	65
»	4	»	6	»	20
»	6	»	12	»	10
»	12	»	18	»	5

Саратовский губисполком определял среднюю емкость в 1—6 *дл* и отмечал редкие случаи задержаний более усовершенствованных — до 12 *дл*.

Даже в сибирских губерниях, где винокурение имеет за собою большую давность, техника производства не далеко ушла от европейской; но здесь чаще можно было встретить приспособления для паровой сгонки спирта и для более успешного отделения погонных частей. Сибирская тайга обеспечивала безопасность винокурам, которые поэтому могли вести свой промысел в более широких размерах; отмечались отдельные случаи нахождения в глухих местах винокурень, приближающихся к заводскому типу, с заторами в несколько сот декалитров. Замечались и артельные предприятия или сосредоточение в одном пункте нескольких винокурень, принадлежащих разным хозяевам, в целях совместной охраны от надзора милиции, а в нужных случаях — и организации общими силами сопротивления ей. Но все такие явления представляли исключения.

В общем оборудование заводов даже в последующие годы не обнаруживало заметного усовершенствования, и винокурение продолжало носить характер мелкого кустарного производства, что очевидно находилось в связи с непрекращающейся борьбой с ним милиции.

Несовершенство и малая емкость перегонных приспособлений уже говорят за то, что самогонщики обычно приготавливают небольшие заторы.

Для определения размеров последних мы можем воспользоваться данными Моссовета, который требовал от милиции регистрации задерживаемых аппаратов (полных) и обнаруживаемой закваски. Если разделить количество закваски на число аппаратов, то можно подойти к приблизительному исчислению объема среднего затора, который выражается следующими цифрами (см. табл. на стр. 89).

По сведениям, получавшимся в 1923 и 1924 гг. из других различных губерний, количество обнаруживаемой милицией закваски в большинстве случаев не превышало 9 *дл* на один очаг винокурения, и лишь в Сибири в среднем оно составляло 14 *дл* (Иркутская губ.) и доходило до 25 *дл* (г. Томск).

			Отобрано аппаратов		Найдено закваски (дл)		На 1 аппарат закваски	
			Москва	(Моск. губ.)	Москва	(Моск. губ.)	Москва	(Моск. губ.)
1923 г.	I квартал		689	643	5 828	3 348	8,5	5,2
	II »		432	574	3 016	2 912	7,0	5,1
	III »		209	311	1 631	1 366	7,7	4,4
	IV »		327	658	3 384	4 326	10,3	6,5
1924 г.	I »		218	852	1 869	6 454	8,6	7,6
	II »		194	867	1 660	5 584	8,5	6,4
	III »		118	953	915	5 213	7,6	5,5
В среднем			—	—	—	—	8,4	5,8

Повидимому и в последующие годы не замечалось укрупнения винокуренного производства. По некоторым отчетам административных отделов за 1928 г. (Самарская губ., Воронеж., Нижне-волжская область), задержания закваски составляли в среднем по губернии 5—9 дл по расчету на один обнаруженный аппарат и в Сибири 12 дл.

Следовательно затор приготавливался обычно из 16 кг (или несколько больше) хлебных припасов с выходом 0,6—0,9 дл самогонки (при заводском винокурении на 16,4 кг сухих хлебных припасов нормально считалось 7 дл бражки, которые давали при перегонке 40° алкоголя).

Припасы, идущие на производство самогонки, и качество ее.

Главнейшим материалом для винокурения служит хлеб, преимущественно в виде муки, затем картофель. В крупных городских центрах (Москва, Ленинград), а также в промышленных районах и в тех сельских местностях, где выделяется самогонка главным образом для сбыта городскому потребителю, требующему напитка лучшего качества и повышенной крепости, материалами для винокурения служат, кроме хлеба: сахар, кишмиш, изюм, мед, патока. Ме-

стами идут на винокурение яблоки, арбузы, дыни, свекла, брюква. В районах сахарного производства выгоняется спирт чаще из сахара или из сахарных отбросов — черной патоки.

Сахаротресту были переданы некоторые винокуренные заводы специально для перекурки в спирт черной патоки, но он предпочитал большую часть ее продавать самогонщикам по цене 9,5—14 коп. за килограмм. Постановлением СНК СССР от 7 августа 1928 г. продажа черной патоки крестьянам воспрещена.

Наиболее низкого качества самогонка получается из картофеля, лучше — из муки и еще лучше — из сахаристых продуктов. Так как обычно производство ведется самым примитивным способом, то главная масса хлебной самогонки получается в виде мутноватой жидкости, с резким вкусом и запахом гари, и лишь в начале сгонки стекает водка лучшего качества («первач»). На аппаратах более усовершенствованных, когда перегонка ведется при помощи пара, а не путем подогревания бражки непосредственно на огне, получается самогонка светлая и более высокой крепости — 40—50°. При повторной перегонке крепость может быть доведена до 60—80°.

Вообще крепость самогонки бывает очень различна. Для сбыта, особенно в городах, готовится самогонка более крепкая, для домашнего употребления слабая в 15—25°. Со времени выпуска в продажу 40-градусной водки самогонщики увеличили крепость своей водки и улучшили ее качество в целях конкуренции с казенным вином. В 1923 г. главная масса самогонки была, по анкете Госспирта, крепостью 15—30°; но в 1927 г. средняя крепость ее определялась уже несколько выше 30°.

При потреблении самогонка дает впечатление повышенной крепости от содержащихся в ней резких и сильно действующих примесей (сивушных масел, альдегидов, эфиров, кислот), которые не удастся отделить от спирта при кустарном ведении производства. Лабораторные исследования (см. «Бюллетень» ЦСП № 3 за 1927 г., «Профессиональная медицина» № 2 за 1926 г., «Вопросы наркологии», вып. 1, стр. 63 и др.) показывают, что этих примесей содержится в самогонке в несколько раз больше, чем даже в сыром заводском спирте,

так называемой сивухе, которая еще при царском правительстве была изъята из продажи, вследствие ядовитости ¹.

Вот почему самогонка обладает свойством быстрого и тяжелого опьянения. Кроме того часто к самогонке примешиваются намеренно «для большей забористости» различные вредные вещества: табачный настой, перец, хмель, купорос, известь и пр. Чем слабее самогонка по градусам алкоголя, тем этих примесей оказывается больше.

Так как винокурение ведется очень примитивно, часто лицами совершенно неопытными, то припасы используются крайне неэкономно. В общем можно считать, что на выкурку 1 л самогонки средней крепости расходуется не менее 2,6 кг хлеба, т. е. вдвое больше, чем при заводском винокурении на 1 л 40°. Таким образом самогонщики не только дают населению весьма вредный суррогат вина, но и непроизводительно тратят массу хлеба.

Себестоимость самогонки при учете всех производственных расходов, включая и рабочую силу, выражается очень незначительными суммами: в селах — от 19—33 коп., соответственно крепости по расчету на 1 литр.

Рыночная цена самогонки весьма различна в зависимости от массы условий: в деревнях она почти в два раза ниже, чем в городах. По данным обследования в 1925 г. крестьянских бюджетов цена самогонки в селах большинства губерний колебалась от 32 до 55 коп. за бутылку, а в Цен-

¹ Результаты анализов 32 образцов сибирской самогонки средней крепости — 33,7°

Самогонка	Среднее содержание в сырых спиртах заводского производства	
Фурфурол (по объему в ‰ на тысячу на абс. алкоголь) . . .	0,12	0,008
Альдегиды (то же)	0,02	0,012
Сивушные масла (по Кучерову в весовых ‰)	0,58	0,31
Общая кислотность (в миллиграммах в 1 литре абс. алк.)	132,7	87,4
Эфиры (то же)	698,2	341,8

трально-промышленном районе от 50 до 85 коп. Судя по анкете ЦСУ РСФСР, в 1927 г. цена повысилась, составляя в среднем по РСФСР для самогонки ниже 40°—49 коп. для 40°—70 коп. и более крепкой — 80 коп. Но в промышленном районе цены возросли очень значительно. Так во Владимирской губ. самогонка ниже 40° продавалась по 92 коп., 40°—1 р. 10 к. и выше—1 р. 58 к.; при цене на казенное вино у шинкарей 1 р. 66 к. («Наше хозяйство» № 6—7 1928 г.).

Состав самогонщиков.

По совершенно единодушному заключению мест, кадры самогонщиков как в городах, так и в сельских местностях состояли в 1923/24 г. преимущественно из беднейших слоев населения, которые путем этого промысла поддерживали свое хозяйство. Занимались промыслом вдовы с детьми, чтобы как-нибудь просуществовать, инвалиды, кустари-промышленники, ремесленники, неимеющие заработков; в городах главным образом — обедневшие мещане, рабочие, безработные, инвалиды и преимущественно женщины-вдовы. Статистика Моссовета, ведущая довольно подробный учет самогонщиков, начиная с 1923 г., представляет нам следующую картину состава их:

Процентные отношения

	Москва	Моск. губ.	Москва	Моск. губ.
	За 1923 г.		За 9 месяцев 1924 г.	
Рабочих	38,9	12,8	33	9,7
Крестьян-земледельцев	7,2	80	7,9	83,2
Безработных	14,1	—	32	1,7
Кустарей и ремесленников	7,1	2,9	6,4	3,3
Служащих	17,5	2,6	10,6	1,4
Торговцев	14,2	1,6	9	0,7
Военных	0,8	1,0	1,1	— ¹

По данным московского губсуда (см. отчет его за 1923 г. стр. 39) из осужденных по г. Москве за выделку самогонки в первое полугодие 1923 г. было: рабочих и безработных

54,6%, низших служащих — 9,2%, женщин — домашних хозяйек — 19,1%, всего 82,9%.

Таким образом огромная масса самогонщиков как по г. Москве, так и по губернии вербуются из трудовых элементов; на торговцев, преимущественно мелких, которым, казалось бы, особенно удобно выступать в роли распространителей самогонки, падает незначительный процент даже по г. Москве. Тов. Зайцев, анализируя состав самогонщиков в Москве (см. его статью «Самогонка и борьба с нею», «Известия Моссовета» № 115 за 1923 г.) сопоставляет преступность по самогонке различных районов; причем оказывается, что наибольшая преступность падает на рабочие районы — Баумановский и Сокольнический — и наименьшая (чуть не в 5 раз) на напмановский — Городской.

Подробное обследование состава московских самогонщиков, содержащихся в арестных домах г. Москвы было произведено в апреле — мае 1923 г. по инициативе Адмтдела Моссовета¹. Обследование, охватившее 516 лиц, показало, что самогонщики резко выделялись из среды осужденных за другие виды преступлений даже по внешнему облику, костюму и поведению. Это рядовые и постоянные обитатели рабочих районов г. Москвы, а не пришлый элемент, которого много среди воров и бандитов. Свыше половины их жило в Москве более 10 лет. По происхождению подавляющее большинство самогонщиков вышло из класса крестьян и рабочих; по занятиям до Октябрьской революции в массе они принадлежали к трудящимся, и теперь к этому разряду из них относится 69% мужчин и 56,9% женщин, не считая женщин, занимающихся домашним хозяйством, которые зачислялись в группу хозяев.

Что к занятию самогонкой побуждала их материальная нужда, видно из следующего. Третья часть их состояла из безработных; половина всех мужчин и две трети женщин не знали никакого ремесла; возраст самогонщиков значительно выше всех других преступников — 65% их старше 30 лет;

¹ См. ст. т. Гернета, Преступность в связи с классовым составом осужденных («Вестник статистики» 1—3, 1914 г.) и «Преступный мир Москвы» ст. т. Ароновича, Самогонщики.

обремененность семьями гораздо более значительная; среди самогонщиков особенно много оказалось вдов (40% всех женщин); из них третья часть старух в возрасте от 50 лет. Рецидивизм весьма ярко выражен у женщин: 51,7% из них повторно осужденных. Это главным образом обремененные детьми—от 2 и более ребят.

«Итак, — делает вывод из этого обследования т. Гернет, — неспособные к труду старухи и старики, пожилые люди с ослабленной трудоспособностью, семьянины, обремененные большим числом детей, — вот кто составляет главное ядро самогонщиков».

Москва и Московская губ. не отличались резко по составу самогонщиков от других местностей Союза. Статистическое бюро НКВД разработало сведения о находившихся в местах заключения на 1 октября 1924 г. по всей территории РСФСР осужденных за приготовление и сбыт спиртных напитков (1996 лиц по фамилиям на букву «К»). Социальный состав и занятия самогонщиков представлялись следующей таблицей (в процентах):

С о с т а в с а м о г о н щ и к о в				
	Городские	Из них за- нимающихся земледелием	Сельские	Из них за- нимающихся земледелием
Рабочих	40,3	2	19	8,9
Безработных . .	16,7	—	1,3	—
Несамодетельных	16,7	—	5,1	—
Хозяев	12,3	5,4	57,8	55,1
Служащих	7,1	—	1,5	—
Военных	—	—	0,3	—
Лиц свободных профессий . . .	—	—	0,4	—
Деклассирован- ных	—	—	—	—
Не указано . . .	6,9	2,3	14,6	9,3
	100	—	100	—

Эти данные также показывают, что самогонщики принадлежали почти исключительно к трудовым слоям населения. Деклассированных элементов (нищих, бродяг, воров и пр.) среди них не зарегистрировано вовсе. Распределение само-

гонщиков по полу, семейному положению и возрасту представляется в следующем виде: в сельских местностях оперируют главным образом мужчины самогонщики (75,9% падает на мужчин и лишь 24,1% на женщин); в городах же перевес берут женщины — их 50,2%. По семейному положению большинство самогонщиков обременено детьми, причем в селах это обременение выражено сильнее.

Данные приведенной статистики совпадают с более поздними сообщениями с мест. Общий вывод их таков, что беднейшее население большую часть выделяемого самогона сбывает и меньшую часть потребляет; в деревнях крестьяне-середняки изготавливают самогон для себя, реже покупают его, еще реже сбывают; кулаки, чтобы избежать ответственности, поручают выкурку беднякам, снабжая их продуктами.

С открытием казенной продажи вина более состоятельная часть крестьянства начинает переходить на потребление казенного вина и бросает винокурение из-за опасения значительного штрафа (см. ст. д-ра Рязанова, К вопросу об алкоголизме в современной деревне, Труды Воронежского Госуниверситета, т. IV). Это явление особенно стало заметно, когда адмтделы стали практиковать систему усиления кары по мере состоятельности винокуров. Так в Курской губ. средний размер штрафов составлял в 1928 г. (январь — февраль): для кулаков — 87 руб., середняков — 24 руб. и бедняков — 4 руб.; в округах Сибири — 45 руб., 20 руб. и 7 руб. В Тамбовской губ. самогонщики распределялись на следующие группы: кулаков 2%, середняков 58% и бедняков — 40%. В Орловской: кулаков — 2%, середняков — 76%, бедняков — 22%; Курской: кулаков — 11%, середняков — 37% и бедняков 52%.

История борьбы с самогонкой.

Борьба милиции с самогонкой, начиная со 2-й половины 1922 г., иллюстрируется следующими цифрами (по РСФСР без автономных республик) (см. диагр. № 3 и табл. на след. стр.).

Как видно из приведенной таблицы, интенсивность работы милиции по преследованию самогонки возрастала вплоть до IV квартала 1925 г., т. е. до момента выпуска 40°. Затем

Г о д ы	Произведе- но обысков по самогон- ну (тыс.)	З а д е р ж а н о			
		Аппара- тов (тыс. штук)	Самогон- ки (тыс. дл)	На 100 обысков Аппара- тов (штук)	Самогон- ки (дл)
1922	75,8	10,8	19,7	27,4	27
1923	379	114,7	102,1	30	27
1924	496	135,1	146	27,2	29,4
1925 (I—III кв.) .	368,2	107	197,1	30,7	52,8
1925 IV кв.	54,3	10,7	11,1	20	20,9
Всего за 1925 г. .	422,5	117,8	210,2	27,9	49,9
1926	261,8	56,4	66,4	21,5	25,7
1927	110,5	37,8	42,5	34,2	38,1
1928 (I—II кв.) .	281	91,2	70,8	32,1	25
(без ДВО)					
1928 (III и IV кв.)	104,5	22,4	20,1	21,4	19,2
Всего за 1928 г. .	385,5	113,6	91	29,4	23,6

она резко упала, особенно в 1927 г., когда было легализовано самокурение для собственной надобности. В 1-м полугодии 1928 г. нажим на самогонщиков достигает наивысшего предела, а во 2-м полугодии снова резко ослабевает.

Какая кара постигала выявленных милицией самогонщиков? И в этом отношении мы замечаем очень неустойчивую политику.

Выше было отмечено, что вначале Уголовный кодекс карал лишь промышленное самогонокурение, и то очень слабо; с 1923 г. судебная кара резко усиливается и назначается за всякого рода винокурение. Но фактически суровость закона значительно смягчается.

В 1922 и 1923 гг. замечается пестрая картина в направлении дел о самогонке: в некоторых губерниях почти все дела передаются в нарсуды, в других почти все решаются административным порядком (см. ст. т. Халфина, Рабоче-крестьянская милиция № 11 за 1923 г.). В общем дела о самогонке получали административное направление в 1922 г.—34%, а в 1923 г.—47% (см. статью т. Померанцева, Рабоче-крестьянская милиция, юбилейный № от 12 ноября 1924 г.). В огромном большинстве случаев (98,3%

всех дел, разрешенных в административном порядке) налагался за изготовление и продажу самогонки незначительный штраф — средний размер его за 1-е полугодие 1923 г. был 13 р. 15 к. (см. № 10. «Власть советов» за 1923 г.), т. е. такая сумма, которая могла быть заработана самогонщиком от продажи 8—10 литров.

Хотя милицией составлялись в изобилии протоколы, но значительная часть их шла на прекращение: по статистике НКВД по 40 губ. за II и III кварталы 1924 г. — 12—13%, а по г. Москве 60% и по Московской губ. 40%.

Из поступивших в нарсуды за первую половину полугодия 1923 г. по Московской губ. дел о самогонке 17,5% окончилось постановлением оправдательных приговоров (см. отчет губсуда за 1923 г.).

Обилие возникших дел о самогонке, с привлечением к ответственности преимущественно неимущих слоев населения, и заполнение ими мест заключения вызвали течение в сторону смягчения наказания и разгрузки тюрем от винокуров. Согласно постановлению президиума ВЦИК от 18 июля 1923 г., при Губисполкоме были образованы комиссии для пересмотра дел по ст.ст. 140 и 140а УК для применения к содержащимся под стражей рабочим и крестьянам' условного досрочного освобождения. Комиссия ВЦИК (т. Сольца) освободила в Москве 1 059 самогонщиков и по амнистии 18 августа 1923 г. освобождено по г. Москве и Московской губ. 1 346 лиц и сокращено наказание 602 лицам.

Картина смягчения репрессии представляется в следующем виде по отчету московского губсуда. Осужденным по ст. ст. 140 и 140а назначены наказания (в процентах):

1-е полугодие 1923 г.	IV квартал
Условное	12,1 40
Лишение свободы до 1 г.	24,7 25,3
» » свыше »	22,9 12,4
Принудительные работы	20,3 10
Имущественные взыскания	18,3 11,5

Постановлением ВЦИКа от 9 января 1924 г. изменена редакция ст. 140 УК в сторону снижения наказаний за

наиболее распространенные виды нарушений по самогонке: за занятие самогонкой, хотя и в виде промысла, «но по нужде, безработице и малой сознательности, с целью минимального удовлетворения насущных потребностей своих или своей семьи», положено лишение свободы — вместо не ниже трех лет с конфискацией всего имущества — до трех лет с конфискацией части имущества или без таковой конфискации; а изготовление самогонки, хотя бы и для сбыта, если оно носило случайный характер, подведено под то же наказание, что и изготовление для собственного употребления: штраф до 500 руб. (ст. 140г).

Затем введена новая статья 140в, карающая изготовление и сбыт в виде промысла аппаратов лишением свободы не ниже 1 года с конфискацией части имущества.

Эти изменения карательных норм, имеющие целью лучшее согласование наказаний с мотивами, побуждающими к занятию самогонкой, встречены весьма сочувственно судебными деятелями.

Затем обнаружилось новое неудобство: судебные учреждения оказались перегруженными самогонными делами, которые поэтому двигались очень медленно, что ослабляло чувствительность репрессии.

Из всех возбужденных милицией во II квартале 1924 г. дел — 45,8% падало на самогонку (см. Стат. об. НКВД, вып. I, стр. 22).

Вследствие этого постановлением от 16 октября 1924 г. введен административный порядок рассмотрения главной массы самогонных дел, возбуждаемых по ст. 140г, т. е. о выкурке самогона для собственной надобности или для случайного сбыта. Это ускорило наложение взысканий, но сильно понизило размер их. По административным постановлениям назначались ничтожные штрафы, которые были нечувствительны для самогонщиков. Средний размер штрафов по РСФСР составлял в 1925 г. поквартально: 10 р. 50 к., 6 р. 20 к., 5 р. и 4 р. 50 к.

Самогонка продолжала шириться. Рецидивизм угрожающе рос. Статистика Моссовета давала следующие цифры рецидивистов-самогонщиков в процентах к привлеченным за винокурение и продажу.

	Москва	Московская губ.
I квартал 1923 г.	22,2	8,7
II » 	16,4	12,2
III » 	22	13,8
IV » 	22	15,9
I квартал 1924 г.	26,8	18
II » 	27	17,2
III » 	38,5	18,4
Октябрь и ноябрь	37	21

Ввиду непрекращавшегося роста винокурения, несмотря на энергичную борьбу с ним милиции, была выдвинута мысль о необходимости избрать другой, более прямой и надежный путь — дать населению легальный напиток, взамен самогонки, менее вредный.

С этой целью с 1923 г. разрешается продажа наливок и настоек (русской горькой) крепостью до 20°.

Так как эти напитки, вследствие дороговизны и малой крепости, слабо шли в продажу и исключительно в городах (общий сбыт их выражался ничтожными цифрами — за весь 1923 г. и за 11 месяцев 1924 г. продано лишь несколько более 1 млн. *дл*), — то постановлением ВЦИК и СНК СССР от 3 декабря 1924 г. было разрешено повысить крепость наливок и настоек до 30°. Хотя спрос на них значительно возрос (ежемесячно продавалось в среднем около 600 тыс. *дл*), тем не менее в деревню они почти вовсе не шли, вследствие дороговизны и малой «забористости», и не оказали заметного воздействия на самогонокурение.

Поэтому с октября 1925 г. выпущено было хлебное 40-градусное вино для конкуренции с самогонкой по цене 1 руб. за бутылку. Эта мера, как мы отмечали выше, при анализе потребления вина, оказалась действительной — самогонка пошла на убыль, особенно в городах. Но вместе с тем обнаружились и печальные последствия: благодаря дешевизне вина городское пьянство начало принимать угрожающие размеры.

Повышение цены с декабря 1925 г. на 50% снова оттолкнуло деревенского потребителя от казенного вина.

С другой стороны, со времени выпуска 40-градусной водки энергия милиции по преследованию самогонки резко упала, как видно из вышеприведенной таблицы: количество обысков сократилось более чем наполовину. Появление в деревнях 40-градусной водки отчасти затрудняло преследование винокурения: прежде каждый случай пьянки уже давал в руки нити для поисков самогонки, а теперь она могла легко распространяться под видом казенного вина в казенной посуде, особенно если по вкусу и крепости не резко отличалась от вина. На празднествах крестьяне пили самогонку и для обмана милиции ставили на стол бутылку казенного вина. Административная кара для самогонщиков попрежнему оставалась слабой: средний размер штрафа в 1926 г. составлял около 6 руб.

Постановлением СНК от 9 сентября 1926 г. было отменено премирование милиции за открытие нарушений по самогону, а это не могло не понизить интенсивность ее работы.

В результате, даже после понижения с июля 1926 г. цены на казенное вино до 1 р. 10 к. за бутылку, самогонка начала заметно исчезать с городских рынков, но в деревнях, наряду с значительным ростом потребления вина, продолжала разливаться широкой рекой.

Создалось положение безвыходное: дальнейшее значительное понижение цены на казенное вино было опасно, потому что оно усилило бы и без того ярко возросшее городское пьянство; если же установить резкую разницу в ценах для города и деревни, то развилась бы внутренняя контрабанда — дешевое деревенское вино потекло бы в города.

Таким образом попытка вытеснить самогонку путем выпуска в продажу казенного вина, при цене его 1 р. 10 к. за бутылку, увенчалась успехом главным образом в городах, где цена на самогонку держалась сравнительно высоко — 70 к. за бутылку и выше. При такой разнице в ценах городской потребитель предпочитал покупать менее вредное казенное вино, легко получая его в многочисленных торговых заведениях, чем разыскивать продавца самогонки и подвергать себя неприятностям от органов надзора. Но для

деревенского потребителя была слишком соблазнительна дешевизна самогонки, заготовительная цена которой в 4 раза ниже цены казенного вина, а покупная цена на местном рынке — в $2\frac{1}{2}$ раза ниже. Эта разница оказывалась особенно чувствительной при заготовке значительных количеств вина на празднества.

Выявившаяся безуспешность конкуренции вина с самогонкой побудила правительство РСФСР коренным образом изменить свою политику в этом деле: с 1 января 1927 г. оно вообще отказалось от преследования самогонокурения, если оно производится для домашних надобностей, и сосредоточило все силы милиции на борьбе с явно промышленной самогонкой.

В новый УК РСФСР, по постановлению ВЦИК от 22 ноября 1926 г., введены следующие статьи вместо дифференцированной ст. 140.

Ст. 101. Приготовление с целью сбыта вин, водок и вообще спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости, а равно самый сбыт или незаконное хранение с целью сбыта таких напитков и веществ — лишение свободы на срок до 1 года с конфискацией части имущества или без таковой.

Ст. 102. Изготовление и хранение самогона для сбыта, а равно торговля им в виде промысла — лишение свободы или принудительные работы на срок до 1 года с конфискацией всего или части имущества.

Те же действия, но совершенные, хотя бы и в виде промысла, но вследствие нужды, безработицы или по малосознательности, с целью удовлетворения минимальных потребностей своих или своей семьи — принудительные работы до 3 месяцев.

Ст. 103. Изготовление, хранение, ремонт и сбыт в виде промысла аппаратов, специально служащих для изготовления самогона, — лишение свободы или принудительные работы на срок до 1 года или штраф до 500 руб.

Но такая перемена тактики послужила к еще более пышному расцвету самогонокурения: им стали заниматься и те, которые прежде, из-за опасения кары, предпочитали

покупать казенное вино. С другой стороны, и милиция принуждена была значительно ослабить свою деятельность, потому что ей трудно было, а часто и невозможно, разобратся, имеет ли она дело с выкуркой для промышленных целей или для собственных надобностей.

Все это не замедлило сказаться на усилении деревенского пьянства и хулиганства, которое на 90% происходит в связи с пьянством. Если сравнить данные о хулиганстве за 1-е полугодие 1927 г. с таким же периодом 1926 г., то окажется, что в сельских местностях преступность этого рода возросла по РСФСР в $2\frac{1}{2}$ раза, а в городах лишь в $1\frac{1}{2}$ раза (см. Стат. об. НКВД вып. 9, стр. 16). Следовательно развитие алкоголизма шло гораздо успешнее в сельских местностях, именно со времени разрешения выделки самогонки для домашнего употребления, чем в городах, где население обслуживалось свободно продаваемой водкой Центроспирта.

Протокольная статистика также свидетельствует, с одной стороны, об ослаблении в 1927 г. преследования винокурения, а с другой — о высокой результативности обысков: количество конфискатов по аппаратам достигло рекордной цифры — 34,1 шт. на 100 обысков и по самогонке — 38,1 д.л.

Когда обнаружились печальные последствия терпимого отношения к хозяйственной самогонке, постановлением СНК от 21 марта 1927 г. было разрешено в исключительных случаях преследовать ее в административном порядке путем издания местными губисполкомами соответственных обязательных постановлений. Но немногие губернии воспользовались этим правом.

Наконец правительство вынуждено было вступить на путь самой решительной борьбы со всеми видами самогонокурения. К этому побуждала и необходимость усилить заготовку хлеба, который в огромном количестве истребляли самогонщики.

Законом от 2 января 1928 г. сообщенным на места по телеграфу, предложено ввести в УК союзных республик кару (штраф до 100 руб., или принудительные работы до 1 мес.) за изготовление и хранение самогона и для соб-

ственной надобности, налагая взыскание за эти нарушения в ускоренном административном порядке ¹.

Преследование самогонки по РСФСР поставлено с 1928 г. самой главной задачей милиции; борьбу она должна вести в ударном порядке, с представлением в НКВД еженедельных отчетов о результатах. Для более жесткого нажима на самогонщиков предложено: немедленно налагать административные взыскания по протоколам милиции, с предоставлением этого права викам (в пределах до 25 руб. штрафа или 2 недель принудительных работ); широко практиковать систему штрафов, которые, при неуплате в 4-дневный срок, должны взыскиваться принудительным порядком, но без ущерба хозяйству нарушителя. Одновременно предложено широко развить работу по ознакомлению местного населения с новым законом и с ходом кампании по борьбе с самогонкой (в заседаниях сельсоветов, на общих собраниях граждан, через местную прессу), привлечь к агитации политико-просветительные, профессиональные и общественные организации, чтобы расположить население к добровольной сдаче самогонных аппаратов и к отказу от дальнейшего занятия самогонокурением.

Выполняя эти директивы, милиция проявила исключительную энергию: за 1-е полугодие ею было произведено 281 тыс.

¹ Согласно этому закону, редакция ст. ст. 102 и 103 УК РСФСР изменена следующим образом (постановление ВЦИКа и СНК РСФСР от 16 января 1928 г.):

«102. Изготовление и хранение самогона для сбыта, а равно торговля им в виде промысла, — лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года или штраф до 500 руб., с конфискацией самогона и орудий его изготовления.

Изготовление и хранение самогона без цели сбыта, а также сбыт не в виде промысла, — принудительные работы на срок до 1 месяца или штраф до 100 руб., налагаемые в административном порядке.

«103. Изготовление, хранение, ремонт и сбыт в виде промысла аппаратов, специально служащих для изготовления самогона, — лишение свободы или принудительные работы на срок до 1 года или штраф до 500 руб.

Те же действия, совершенные не в виде промысла, — принудительные работы на срок до 1 месяца или штраф до 100 руб. налагаемые в административном порядке».

обысков. Этому содействовало и то обстоятельство, что законом от 2 января восстановлено было премирование милиции из штрафных сумм по самогонным делам в размере 25% по уголовным и 50% по административным.

Почти все дела по самогонке (90—95%) разрешались быстро административными постановлениями, с наложением на обвиняемых главным образом (90% всех дел) штрафов, притом в повышенных размерах, соответственно имущественной состоятельности обвиняемых. Средний размер штрафа составлял 17 руб. против 3—4 руб. в 1927 г.

В результате, по единодушным отзывам с мест, самогонке был нанесен серьезный удар, вследствие чего продажа казенного вина увеличилась в сельских местностях за 1-е полугодие 1928 г. на 44%. На это же указывает и понижение результативности обысков: количество конфискатов, особенно по самогонке, значительно сократилось.

Дальнейшее, еще более значительное ослабление роли самогонки, особенно в городах, мы замечаем и во 2-м полугодии 1928 г. Но наряду с этим обнаруживается и тревожное явление: энергия милиции значительно упала.

Если сравнить количество произведенных ею обысков по самогону и шинкарству за оба полугодия, то окажется, что оно сократилось во 2-м полугодии в 2,7 раза.

Весьма возможно, судя по отчетам некоторых адмотделов, что это находится в связи с отменой в сентябре 1928 г. премирования милиции из штрафных сумм, которые теперь уже теряют свое специальное назначение поощрения открывателей нарушений, а поступают частью в общие средства на улучшение быта милиции, а частью на организацию борьбы с самогонкой.

Расчеты общей выкурки самогонки.

Отмеченная выше бедность материалов, освещающих самогонный промысел, не позволяла подойти к мало-мальски правильному исчислению размеров выкуриваемой самогонки. Все расчеты оказывались совершенно гадательными и слишком субъективными.

Одни в основу расчета полагали количество задержанной милицией самогонки и, увеличивая его произвольно то в 300, то в 100—20—10 раз, определяли общую выкурку; получалось в среднем душевое потребление для 1923 г. очень низкое — раз в 25—50 ниже довоенного, т. е. 0,18—0,28 *дл* (см. ст. т. Халфина, в «Рабоче-крестьянской милиции» № 11 за 1923 г.). Другие гадали по количеству задержанных аппаратов; третьи просто полагали на-глаз, сколько каждый двор в среднем перекуривал в год припасов и пр.

Более подробный и на первый взгляд обоснованный, но тоже совершенно проблематичный расчет выкурки мы находим в отмеченной выше работе т. Четыркина, который, на основании анкетных материалов Госспирта 1923 г., определил для 34 губерний душевое потребление самогона в 0,28 *дл* в сельских местностях.

Иные исходили из данных обследований ЦСУ крестьянских бюджетов с 1 апреля 1924 г. по 1 апреля 1925 г., упуская из виду, что в бюджетах фиксировалась лишь покупная самогонка, а не заготовленная самими потребителями, и что вообще в бюджетах сильно преуменьшаются расходы на спиртные напитки. По этим данным душевое потребление самогона определялось минимальными количествами — 0,07 *дл*, т. е. вся выкурка самогона исчислялась по Союзу в 7—8 млн. *дл* (см. ст. т. Дейчмана, Проблема, заслуживающая внимания, «Большевик» № 19—20 за 1927 г., т. Семашко, «Известия» № 17 за 1928 г. и др.).

Наряду с этими слишком скромными расчетами встречаются в литературе неимоверно преувеличенные исчисления самогона без всяких ссылок на источники. Так в брошюре проф. Бехтерева — «Алкоголизм и борьба с ним», изд. 1927 г., мы читаем: «в 1923 г. деревенское население СССР потратило на самогон 3,34 млн. *т* хлеба», следовательно выкурка определялась примерно в 120 млн. *дл*. Эту же цифру повторяет т. Маркович в «Спутнике агитатора» изд. 1928 г., говоря в п. 606 своих тезисов, что «в СССР ежегодно (? курсив наш. — В.) в среднем тратится до 3,34 млн. *т* хлеба». Доктор Мендельсон определяет ежегодный расход хлеба на самогон в 2,5 млн. *т* («Нервно-псих. гиг. и профил.» изд. 1927 г., стр. 141) и т. д.

И до сих пор мы не имеем надежных данных для исчисления выкурки самогона. В 1926/27 г. ЦСП производил по этому вопросу анкету по всему монопольному району и получил от 77 своих заводов и баз краткие ответы, которые лишь в самых общих чертах освещали положение дела с самогоном, не на основании собранных каких-либо статистических материалов, а обывательских наблюдений и субъективных заключений. В «Бюллетене» № 2 за 1928 г. ЦСП помещены выводы из этой анкеты. Оказалось, что в период 1926/27 г. самогона выкурено на 8% больше, чем продано казенного вина, что составит по всему монопольному району, т. е. по всему СССР, без ТуркССР, УзССР и ЗСФСР, — 43 млн. *дл.*, а по РСФСР — 37 млн., или на душу сельского населения 0,38 *дл.*

В начале 1928 г. ЦСУ РСФСР произвело широкое обследование самогонокурения по всей Республике через своих добровольных корреспондентов, от которых получило 25 тыс. заполненных и разработанных местными губстатбюро анкет. Добрыкорам было поставлено сложное задание определить: 1) размер потребления спиртных напитков (самогона и казенного вина) в 1927 г. и 2) количество выкуренного самогона как в 1927 г., так и до 1924 г.

Эта анкета дала выводы неожиданные и резко расходящиеся со всеми предыдущими обследованиями. Добрыкоры определили сельское душевое потребление самогона для 1927 г. в 0,74 *дл.*, т. е. всю выкурку его только по РСФСР — в 61,5 млн. *дл.*, средней крепости в 33°. Если присоединить душевое потребление казенного вина, составлявшее, по данным ЦСП, в селах — 0,20 *дл.*, то получим общее потребление 0,94 *дл.*, т. е. на 40% выше довоенного (0,67 *дл.*). Еще более странным представляется вывод анкеты о том, что в 1924 г. выкурка самогонки составляла 100 млн. *дл.*, или 1,2 *дл.* на душу, т. е. чуть не вдвое выше довоенного уровня (см. ст. Д. Родина, Об употреблении алкоголя в деревне, «Статистическое обозрение» № 2 за 1929 г., «Алкоголизм в современной деревне» изд. ЦСУ РСФСР 1929 г.).

Такая эволюция алкоголизации населения совершенно не согласуется с другими данными. Все исследователи, оперировавшие с бюджетами, единогласно свидетельствовали не о па-

дении потребления, а о значительном и систематическом росте его после выпуска 40° (см. «Бюджеты московских рабочих» — «Бюллетень» ст. труда МГСПС № 12 за 1928 г., «Бюджеты ленинградских рабочих и служащих 1922—1926 гг.», «Структура рабочего алкоголизма» ст. т. Ларина, «Революция и культура» № 2 за 1929 г., «Динамика рабочего бюджета» ст. т. Поляк — «Статистическое обозрение», кн. 5 за 1927 г. и другие).

О том же говорят и крестьянские бюджеты: например в Центрально-промышленном и Центрально-черноземном районах в 1923/24 г. на душу приобреталось по 1 бут. самогона, а в 1925/26 г. в первом районе 0,8 бут. самогона и 1,2 бут. водки; во втором 1 бут. самогона и 0,34 бут. водки. По Владимирским бюджетам расход на спиртные напитки увеличился в 1925/26 г. сравнительно с 1924/25 г. почти в 3 раза и в 1926/27 г. в 4 раза (см. ст. Дидрихса в «Нашем хозяйстве» №№ 3 и 6—7 за 1928 г.). Ответы на анкету доктора Рязанова в 1926 г. об алкоголизме в современной деревне Воронежской губ. единогласно свидетельствовали о том, что с выпуском водки пьянство в деревнях усилилось.

Рост хулиганства, задержаний пьяных как в городах, так и в селах, рост алкогольных психозов, прогулов на почве пьянства и пр. — определенно удостоверяет не понижение алкоголизации, а, наоборот, повышение ее.

Приведем несколько статистических данных для иллюстрации повсеместного неуклонного роста отмеченных явлений. По данным Московского адмтдела составлялось протоколов о появлении в публичных местах в нетрезвом виде:

	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	Итого
1923 г. Москва . . .	756	1 040	1 319	1 428	4 543
1923 » Моск. губ. .	605	633	848	1 099	3 185
1924 » Москва . .	1 399	2 719	3 899	4 283	12 300
1924 » Моск. губ. .	1 229	1 686	1 990	2 384	7 289
1925 » Москва . . .	—	4 877	4 821	7 235	—

По статистике НКВД было задержано пьяных («Статистический обзор», вып. 10, стр. 45—46).

Годы	г. Москва	Ленинград	Все вообще города РСФСР	Все села РСФСР
1923	4 543	6 000	—	—
1924	12 300	11 103	—	—
1925	—	32 954	—	—
1926	—	95 000	393 700	102 200
1927	—	113 000	521 700	119 800
1928 } 1 полугодие .	56 000	57 900	323 000	74 000
} 1 »	66 000	73 500	370 000	76 000

Особенно резкий скачок алкоголизации наблюдается как раз с конца 1925 г. — периода выпуска 40°.

По «Статистике осужденных» за 1926 г. изд. ЦСУ РСФСР 1929 г. процент преступлений, совершенных в состоянии опьянения в 1926 г., повысился:

В городах для мужчин	с 12	до 25,6
» » » женщин	» 3,2	» 7,1
В селах » мужчин	» 6,9	» 17,4
» » » женщин	» 0,9	» 1,6

Поэтому цифра по анкете ЦСУ 100 млн. дл самогонки для 1924 г., с уменьшением ее на 39 млн. к 1927 г., вследствие замены их 16,9 млн. дл потребленной селами казенной водки — никоим образом не может отвечать действительности.

Также трудно допустить, чтобы в 1927 г. сельское потребление поднялось на 40% против довоенного, когда городское потребление, вообще более склонное к росту, достигло, как мы видели выше, только 65—70% довоенного.

Такой вывод не согласуется и с заключениями самих корреспондентов ЦСУ. Им был поставлен вопрос: больше или меньше пьют теперь, чем до войны, — мужчины, женщины и молодежь? Относительно мужчин ответы разделились поровну; о женщинах — 10 тыс. показаний за большее потребление и 9 тыс. за меньшее; о молодежи — 12 тыс. за большее и 5½ тыс. за меньшее. Эти ответы показывают, что корреспонденты при помощи обывательского глазомера не в состоянии были сравнить современное потребление с довоенным, потому что очевидно резкой разницы, прямо бросающейся в глаза, не было.

Итак даже анкета ЦСУ, импонирующая своей широкой постановкой и охватом сел по всей РСФСР, не могла представить правильной картины состояния самогонного промысла и вообще потребления спиртных напитков.

Это и неудивительно. Анкетный метод, который был применен ЦСУ, не может дать надежных результатов по такому сложному вопросу, как алкоголизм. Если сам потребитель, как показывает опыт подобных обследований, не в состоянии определить размеров своего личного потребления спиртных напитков за год, то как можно ожидать от добркора, чтобы он мало-мальски близко подошел к исчислению потребления хотя бы одного какого-либо чужого хозяйства и установил, к какому разряду оно относится: сильно, средне, или мало пьющему, как этого требовала анкета? Ведь для этого он должен уже иметь представление о среднем потреблении, типичном для данной деревни, т. е. решить такую задачу, которая требует предварительного сложного обследования.

Затем выбор хозяйства для описания всецело предоставлялся добркорам, причем они не указывали состава его (ни возрастного, ни полового). Поэтому учет потребления велся вне связи с числом душ в обследованных хозяйствах, что конечно не могло обеспечить правильности выводов.

На основании таких проблематических расчетов добркоров об общем потреблении спиртных напитков производилось исчисление выкурки самогона путем исключения из общей суммы потребления проданного ЦСП казенного вина¹.

Роль вина в вытеснении самогона.

ЦСУ РСФСР предполагало, что самогонка, выкуренная в данной деревне, в ней же и потреблялась. Это совершенно неправильное положение привело к очень странным заключениям, а именно — что чем дальше отстоит деревня от мест продажи казенного вина, тем она оказывается пьянее (процент пьющих хозяйств возрастает и размеры их

¹ Мои расчеты выкурки самогона приведены выше — см. «Современный алкоголизм в свете статистики».

потребления повышаются). Следовательно внедрение казенного вина в деревню, — отмечал т. Черлунчакевич в своем докладе научно-исследовательской секции общества борьбы с алкоголизмом о результатах анкеты ЦСУ, «не способствует усилению пьянства, а скорее наоборот».

Однако такой рискованный вывод, могущий повлечь за собою очень опасные последствия, если бы он был положен в основу нашей питейной политики, вытекает из простого недоразумения. Винокурение достигает большего развития в деревнях, наиболее отдаленных от надзора (волостных сел или крупных селений, где имеется милиция и где вместе с тем расположены места продажи вина); но выкуренная в них самогонка далеко не вся оседает на месте, а продвигается к бойким сельским торговым или промышленным пунктам и даже в города. Поэтому в расчеты потребления данной деревни нельзя включать всю выкурку, а лишь какую-то часть, остальную же надо относить на другие местности с легальными местами продажи, вследствие чего потребление последних должно повыситься. Затем совершенно не учитывался фактор шинкарства. Между тем он в глухих местностях особенно актуален и может выполнять роль комиссионера ЦСП даже успешнее, чем иной сельский кооператив.

Что приближение сбытовых пунктов к населению может только повышать алкоголизацию (истина, казалось бы, очевидная), мы наблюдаем в городах, где пьянство сильно возросло и продолжает расти. Почему бы села являлись исключением в данном отношении? Разве можно допустить, чтобы открытие лавки ЦСП в деревне само по себе явилось причиной понижения потребления алкоголя? Конечно нет; оно в состоянии только повысить алкоголизацию, потому что, во-первых, оно значительно удешевит вино для прежних шинкарских клиентов, во-вторых, создаст бесперебойное снабжение алкоголем, чего ни шинкари, ни самогонщики обеспечить не могут, потому что они всегда находятся под угрозой преследования и регулярных операций не производят. Надо иметь в виду, что самогонка главным образом готовится к престольным праздникам и рождеству, для свадеб, крестин, для организации помочей и на другие слу-

чан обязательного по заведенному обычаю пьянства, с приглашением многочисленных гостей; в остальные же периоды далеко не всегда можно получить ее на сельском рынке, потому что самогонщик-торговец старается делать заторы в расчете на быструю реализацию продукта, чтобы не держать у себя запасов самогонки, из-за опасения обысков, и приурочивает выгонку главным образом к отмеченным выше случаям. Поэтому нередко сельскими жителями отмечается такое странное явление, что цена на самогонку на сельских рынках поднимается временами чуть не до уровня цен на казенное вино у шинкарей¹, или что самогонщики в периоды бездействия своих винокурен промышляют тайным сбытом казенного вина.

В этих случаях казенное вино играет роль возмездителя недостающей на рынке самогонки и, удовлетворяя мелочной случайный сельский спрос, когда пьют не по искони заведенному обычаю, от которого позорно отступить, а «баловства ради», — оно не может не повышать алкоголизацию населения. Это упускается из виду защитниками системы усиленного проталкивания вина в села в целях вытеснения самогонки.

Д-р Рязанов, на основании своей анкеты по селам Воронежской губ. в 1926 г., приходит к следующим выводам: наличие в селе лавки ЦСП поднимает потребление при торговых сделках на базарах и постоянное пьянство, потому что всегда водка под рукой; «жалобы на хулиганство идут преимущественно из сел, где царит русская горькая, а не самогон»; самогон не способствует постоянному пьянству (слишком много хлопот с его выгонкой); но обрядовое пьянство базируется главным образом на самогонной базе.

Правда, продвижение вина в деревню может сопровождаться некоторым сокращением винокурения. Анкета д-ра Рязанова удостоверяет, что кулаки и некоторые середняки гонят часто по необходимости, когда нет водки; а при наличии ее, бросают *из-за опасения значительного штра-*

¹ По анкете ЦСУ средние цены на самогонку 40-градусной крепости составляли в Московской губ. 1 р. 38 к. за бутылку, в Архангельской 1 р. 25 к., Владимирской 1 р. 12 к. (см. табл. 4), «Алкоголизм в современной деревне» изд. ЦСУ.

фа (курсив наш. — В.); бедняки же продолжают гнать, потому что им терять нечего. В этих случаях переход от дешевого самогона к вину несомненно должен понизить потребление, так как кулаки выгнали бы ядовитого самогона больше, чем купили дорогого вина. Но такой переход оказался возможным только потому, что самогонокурение наказуемо. Не будь угрозы кары, от него отказались бы только те единичные деревенские потребители, которые отдают предпочтение дорогому казенному вину, ради его качества.

Следовательно суть не в наличии лавки ЦСП, а в степени интенсивности борьбы с самогоном. Чем энергичнее она ведется, тем опаснее следовательно и экономически невыгоднее становится занятие винокурением; оно сокращается, и тем выше расценивается на рынке самогон, а это в свою очередь уменьшает его сбыт.

Поэтому антиалкогольные мероприятия должны идти по линии искоренения самогонокурения и шинкарства, а отнюдь не в направлении облегчения доступности вина для населения. Сеть деревенских пунктов виноторговли должна быть так построена, чтобы она давала возможность населению получать вино, но с большими трудностями, чем другие предметы личного потребления.

Динамика самогонного промысла.

Итак все попытки подойти путем анкет, бюджетных обследований или отдельных запросов местных органов к установлению размеров выкуриваемой самогонки оказывались тщетными и приводили к неправильным выводам. Даже проведение громоздких анкет, с затратой на них массы труда и средств, не может обеспечить надежных результатов.

Если такими способами не удастся выяснить статику самогонокурения, то тем более трудно выявить динамику его: ширится ли оно с годами, завоевывая новые рынки сбыта, или наблюдается сужение этого промысла.

Между тем решение этих вопросов имеет чрезвычайно важное практическое значение: оно укажет, насколько принимаемые меры борьбы с самогонкой достигают цели и какие поправки должны быть сделаны в антиалкогольной политике.

Совершенно очевидно, что нельзя правильно вести ее ни по линии законодательно-административной, ни по линии управления винной монополией (в отношении снабжения винном населения и организации виноторговли), ни по линии агитационно-пропагандистской, — если не будет должной осведомленности о том, как изменяются с течением времени силы и состояние позиций нашего серьезного врага-самогогонщика на различных участках самогонного фронта.

Поэтому мы считаем необходимым остановиться подробнее на вопросе о наиболее целесообразном и легком методе обследования динамики самогонного промысла, которым могли бы пользоваться различные органы, соприкасающиеся с задачами борьбы с пьянством, оперируя не с поверхностными наблюдениями и субъективными заключениями рядовых обывателей, а с массовыми объективными цифровыми материалами.

Такие материалы мы можем найти в милицеских протоколах по борьбе с самогонкой, которые содержат немало данных для характеристики самогонного промысла. Они могут обрисовать: местности, более или менее зараженные самогонкой, обстановку производства винокурения, отчасти техническую сторону, социальный состав самогогонщиков, их имущественное положение, размеры выкурки по количеству конфискатов (самогонки, закваски и аппаратов) и пр.

Казалось бы, изучение самогонокурения прежде всего должно начаться с детальной проработки этого сырого протокольного материала и дачи милиции указаний о дополнении его соответственными сведениями, но к сожалению этого до сих пор не практиковалось. Из протоколов извлекались лишь те сведения, которые необходимы для иллюстрации объема работы милиции, и они помещались в отчетах, представляемых в центр, в виде общих погубернских и областных сводок (поквартильных, а с 1927 г. полугодичных): о количестве произведенных обысков по самогону и шинкарству, с выделением результативных, об обнаруженных случаях самогонокурения (для собственного употребления и для сбыта), шинкарства, продажи самогона и о количестве задержанных аппаратов, самогонки и других спиртных изделий.

Эти сведения группировались в статистическом отделении НКВД, где суммировались по РСФСР (отдельно по городам — столичным, губернским и областным, прочим городам и сельским местностям), и итоги печатались в статистических обзорах НКВД.

Предлагаемый нами метод использования этих материалов был обрисован в общих чертах выше (см. стр. 54); мотивируем его несколько полнее.

Статистика НКВД показывает нам, что борьба милиции на самогонном фронте велась в течение всего периода с 1922 г. далеко не с одинаковым напряжением; количество произведенных ею обысков сильно варьировало, в зависимости от различных причин. В 1922 г., когда только что разворачивалось планомерное преследование самогонки, число обысков не превышало 40 тыс. в квартал (см. диаграмму № 3). В следующие годы антисамогонная кампания начинает вестись уже в ударном порядке, количество обысков резко увеличивается: в 1923 г. составляет свыше 90 тыс. в среднем в квартал, в 1924 г. и в первую половину 1925 г. — свыше 120 тыс. Но с III квартала 1925 г. внимание милиции фиксируется на других видах нарушений и число обысков по самогону сокращается вдвое. Еще более значительное падение обысков — до 27 тыс. в квартал — замечается в 1927 г., в связи с отменой преследования самогонокурения для собственного употребления. С 1928 г. снова все силы милиции бросаются на борьбу с самогонкой, вырабатываемой не только для сбыта, но и для домашней надобности самого производителя; вследствие чего число обысков достигает в 1-м полугодии рекордной цифры — свыше 140 тыс. за квартал. Но во 2-м полугодии 1928 г. энергия милиции падает, и количество обысков сокращается против 1-го полугодия на 15% в городах и на 65% в сельских местностях.

Естественно, что такие резкие колебания в числе обысков влекли за собою изменения и в количестве обнаруживаемых милицией случаев винокурения или задерживаемых аппаратов и самогонки: чем шире было поле деятельности милиции, тем конфискатов в общей сумме оказывалось конечно больше.

Поэтому судить о динамике самогонного промысла по общему количеству составленных милицией в различные годы

протоколов или задержанных ею конфискатов нельзя. Однако до сих пор авторы работ по алкоголизму обычно иллюстрируют динамику промысла этими именно цифрами. В результате получается такое неправильное представление, что самогонокурение возросло в 1923 г. сравнительно с 1922 г. вдвое, в 1924 г. втрое и т. д.

Если брать за основу успешность обысков, т. е. процентное отношение обысков, давших положительные результаты (в смысле установления факта выкурки самогона или его продажи) к общему числу произведенных за данный период обысков по самогону, — то и этот критерий окажется ненадежным для нашей цели.

Если абсолютное количество обысков и конфискатов может указывать лишь на размах работы милиции, то процент успешности обысков будет свидетельствовать о качестве этой работы, т. е. насколько милиция производила обыски по достоверным сведениям и проявляла способность к раскрытию нарушений. Из диаграммы № 3 видно, что процент успешности стоял на довольно низком уровне (53) лишь в первые два года развертывающейся борьбы, но в дальнейшие представлял почти устойчивую величину (72—80). Это говорит за то, что в качественном отношении работа милиции протекала довольно однообразно; если же при этом одно и то же число обысков давало различные результаты с годами по количеству конфискатов, то это — исключительно от колебаний в распространении самогонной заразы.

Поэтому динамику самогонного промысла можно определять лишь по количеству конфискатов в процентном отношении к обыскам: естественно полагать, что чем больше находилось в народном обращении аппаратов и самогонки, тем большие размеры принимало винокурение и тем обильнее должны были оказаться при обысках конфискаты. В одном случае при обыске может быть обнаружено более или менее значительное количество самогонки без аппарата (случай торговли самогонкой — мелочной или оптовой), в другом — много самогонки и аппарат (промышленное винокурение), в третьем — несколько аппаратов и приготовленные заторы, при отсутствии выгнанной самогонки (гнездо винокурения) и пр. Если считать все такие результативные обыски равно-

ценными, то мы получим неправильное представление о распространённости самогонки.

Итак кривая движения конфискатов по расчёту на 100 обысков явится надёжным показателем динамики самогонного промысла. Следует только пожелать, чтобы статистика НКВД показывала обыски по самогону и по шинкарству отдельно, что позволило бы ещё более резко выявлять результативность тех и других по количеству конфискатов.

Рассматривая такую кривую по РСФСР (см. диагр. № 3), мы видим, что вплоть до IV квартала 1925 г. результативность обысков, особенно по задержаниям самогонки, возросла — по самогонке с 27 *дл* на 100 обысков до 52,8 *дл* и по аппаратам — с 27,4 до 30,7 штук. Из этого мы в праве заключить, что, несмотря на разрешение с 1923 г. продажи 20-градусных спиртных напитков и повышение их крепости с декабря 1924 г. до 30°, а также на весьма интенсивную работу милиции по преследованию самогонокурения, последнее не прекращало своего роста.

То же самое отмечается и в статистических обзорах НКВД «Легальная продажа спиртных напитков в некоторых отношениях создает благоприятную обстановку для самогонокурения: осложняет борьбу и упрощает сбыт». «Меры административного противодействия винокурению сдерживали его развитие, но тем не менее оно неуклонно увеличивалось, захватывая все новые и новые слои населения» (см. «Статистический обзор», вып. IV — V, ст. 61 и 64).

ЦСП в своих бюллетенях (№ 4 1927 г.) также отмечал рост самогонки в 1924 г., несмотря на разрешение продажи 20-градусных, а потом 30-градусных изделий.

Лишь IV квартал 1925 г. является переломным пунктом: результативность обысков резко сокращается: по задержаниям аппаратов — в 1½ раза, а по самогонке — в 2½ раза. Это объясняется тем, что с октября 1925 г. было выпущено казенное хлебное вино, которое успешно начало вытеснять самогонку в первые два месяца, когда вино продавалось по низкой цене — 1 руб. за бутылку. Но с повышением цены на вино в декабре 1925 г. до 1 р. 50 к. симпатии сельских потребителей снова склоняются к самогонке, которая начинает шириться в 1926 г., даже несмотря на понижение цены

казенного вина с июля до 1 р. 10 к. за бутылку. Количество конфискатов растет и за весь 1926 г. поднимается по аппаратам с 20 до 21,5 шт. и по самогонке с 20,9 до 25,7 *дл.*

Обследование ЦСП (апрель, май 1926 г.) «рисует разительную картину повсеместного как в производящих, так и в потребляющих районах развития самогонокурения, которое все больше и больше прогрессирует в сторону рыночности в пределах крестьянских базаров и ярмарок, проникая также в города и фабрично-заводские поселки» (см. «Бюллетень ЦСП» № 4 за 1927 г.).

В 1927 г. количество конфискатов резко возрастает, аппаратов — с 21,5 до 34,2 шт. и самогонки — с 25,7 до 38,1 *дл.*, что указывает на действие какого-то нового фактора, весьма благоприятствующего развитию самогонокурения. Таким фактором явилась отмена с января 1927 г. кары за производство винокурения для собственной надобности.

С 1928 г. радикально меняется тактика правительства в отношении самогонки: восстанавливается кара за хозяйственное самогонокурение и организуется ударная кампания против самогонки. В результате уже в 1-м полугодии распространение ее значительно сократилось, что и отразилось на статистике задержаний: они упали по самогонке с 38,1 до 25,0 *дл* и по аппаратам — с 34,2 до 32,1 шт.¹ В связи с этим сбыт казенного вина в сельских местностях возрос на 44% против 1-го полугодия 1927 г.

Во 2-м полугодии сокращение задержаний обнаружилось еще более резко: количество аппаратов упало до 21,4 шт. и самогонки — до 19,2 *дл.*, что свидетельствует об ослаблении самогонного промысла и подтверждается единодушными отзывами с мест. Все отчеты адмотделов, которые, помимо статистических материалов, содержали краткое описание положения самогонного дела (например по Сибирскому краю, Уральской обл., С.-двинской губ. и др.), отмечали сокращение винокурения, особенно в связи с недостатком и вздорожанием хлеба.

¹ Сравнительно малое падение числа аппаратов объясняется вероятно тем, что милиция могла находить при обысках неликвидированные еще аппараты, оставшиеся от предыдущего года, но не действовавшие в 1928 г.

Рисуемая нами динамика самогонного промысла, на основании принятого критерия, вполне отвечает и другим данным.

То же самое мы заметим, если будем анализировать по рекомендуемому методу положение самогонокурения по РСФСР не в целом, а отдельно по селам и городам.

Посмотрим, что говорит статистика относительно столичных городов — Москвы и Ленинграда (см. диагр. № 4).

В 1924 г. количество конфискатов на 100 обысков стояло очень высоко — 19 *дл* самогона и 13,8 аппаратов; в первые три квартала 1925 г. — 24,6 *дл* самогона и свыше 20 аппаратов; лишь с IV квартала (момента выпуска 40-градусного вина) выкурка самогонки сильно сокращается, и количество конфискатов резко падает (4 аппарата и 6 *дл* самогона). В 1926 г. винокурение в столицах почти прекращается (задерживается три аппарата), но самогонка еще держится на рынке, очевидно привозная (задерживается на 100 обысков 11 *дл*, и обнаруживается около 20 случаев продажи самогонки). 1927 г. уже не дает никаких задержаний — самогонка совершенно вытеснилась казенным вином.

В губернских и областных городах (см. диагр. № 5) в общем замечается тоже постепенное падение числа конфискатов хотя более медленное, так что еще в 1928 г. обнаруживалось 2,9 шт. аппаратов и 19 *дл* самогонки. Но здесь самогонка очевидно накануне полного исчезновения, потому что во второй половине 1928 г. задержания оказались минимальными — 0,8 аппаратов и 3,5 *дл* самогона.

Прочие города (см. диагр. № 6) представляют картину, среднюю между губернскими городами и сельскими местностями, что соответствует условиям жизни населения, среди которого немало лиц, тесно связанных с земледельческим трудом. Так как статистика НКВД начала выделять эти города в особую группу с IV квартала 1925 г., то с этого лишь срока мы можем следить за динамикой в них самогонного промысла. Статистика показывает, что количество задерживаемых аппаратов, после резкого падения в IV квартале 1925 г., с 1926 г. начинает расти так же, как это наблюдается в губернских городах и селлах; но в 1928 г. обнаруживается значительное сокращение: по аппаратам — с 18 до 11,7 шт. и по самогону — с 24,5 до

17,3 *дл.* Это по расчету за весь год; если же проводить сравнение по полугодиям, то получится еще более резкая картина: во 2-м полугодии задержания составляли лишь 3,4 шт. по аппаратам и 9,3 *дл.* по самогонке.

Самогонка продолжала еще гнездиться во 2-м полугодии приблизительно в тех же городах, которые отмечались зараженными и в 1-м полугодии (см. выше стр. 57): 50% городских аппаратов обнаружено в Северо-кавказском крае, 11% — в Сибирском крае, 26% — в областях Средне-волжской и Центрально-черноземной, в остальных местностях были единичные задержания.

Анализируя движение самогонокурения в сельских местностях по изложенному методу, мы обнаружим (см. диагр. № 7), что в них этот промысел достиг в 1924 г. очень сильного развития — задерживалось 30 аппаратов и свыше 24 *дл.* самогона. В первые III квартала 1925 г. задержания аппаратов стояли на том же уровне, а по самогонке увеличились до 53 *дл.* — рост винокурения продолжался¹. После резкого падения в IV квартале 1925 г. (до 21 аппарата и 19 *дл.* самогона), в 1926 г. винокурение опять начинало увеличиваться (задерживалось 23 аппарата и свыше 24 *дл.* самогонки), несмотря на наличность казенной продажи вина; еще более значительный толчок к росту получает винокурение в 1927 г., вследствие легализации самогона для собственного употребления. В этом году конфискаты составляют: аппараты 38 шт. и самогон 39 *дл.*

Лишь в 1928 г., после восстановления по УК кары за выкурку самогона и для собственного употребления, энергичными усилиями милиции удалось не только остановить рост винокурения, но и сократить его размеры, на что указывает падение конфискатов — по аппаратам до 31,7 шт. и по самогону до 24,5 *дл.*; а за одно второе полугодие — до 24 аппаратов и 21 *дл.* самогона.

¹ В приведенный расчет включены и уездные города, которые начали выделяться статистикой НКВД только с IV квартала 1925 г. Поэтому, если бы исключить их, то по селам количество аппаратов оказалось бы еще больше, но цифра самогонных задержаний понизилась бы, потому что рыночной самогонки значительно больше в городах, чем в селах.

Сопоставляя движение кривых в различных диаграммах, мы ясно видим по кривым аппаратов, что наибольшего развития достигает винокурение в селах, значительно меньшего — в уездных городах; в губернских и областных оно накануне полного исчезновения, а в столицах уже ликвидировано еще в 1926 г.

Если бы статистика отдельно учитывала ту и другую самогонку, то можно было бы анализировать динамику рыночных самогонных оборотов, с одной стороны, а с другой — производительности винокурень, что конечно очень существенно для характеристики промысла.

Во всех диаграммах мы видим резкое падение кривых 1928 г. Оно было бы еще более рельефно, если бы было представлено в диаграммах последнее полугодие. Несомненно самогонка начинает сдавать свои позиции всюду, что особенно заметно обнаружилось во 2-м полугодии. Насколько это является следствием усиленной административной репрессии и насколько должно быть поставлено в связь с хлебным кризисом во многих местностях и повсеместным вздорожанием хлеба? Первый фактор особенно ярко проявился в начале 1928 г., когда все силы милиции были брошены на самогонный фронт по селам.

Возможно, что не будь этого мощного фактора, ослабление энергии милиции повлекло бы за собою рост винокурения, по крайней мере в селах. Этого нельзя упускать из виду и ожидать, чтобы милиция в дальнейшем продолжала борьбу с самогонкой в таком же исключительно ударном порядке, как в начале 1928 г., пренебрегая другими своими обязанностями.

Поэтому настоятельно необходима мобилизация в помощь милиции партийных и общественных сил и наиболее активных элементов из рядового крестьянства. Нужно широко развить общественную антисамогонную кампанию в деревне и укрепить в обществе сознание, что никакие органичительные меры в отношении виноторговли не достигнут полностью цели, пока не будет искоренено домашнее винокурение.

VI. ШИНКАРСТВО.

В ряду способов борьбы с растущим пьянством видное место должно быть отведено, помимо культурных и социально-экономических мероприятий, также различным мерам, направленным к ограничению предложения спиртных напитков: сокращению выпуска их на рынок, уменьшению сбытовых пунктов, времени торговли, более жесткой регламентации виноторговли и пр.

Но на этом пути современная действительность ставит два огромных препятствия; это — распространение самогонки и тайная продажа легальных спиртных напитков, главным образом казенного вина (шинкарство). Эти две язвы народного быта могут свести на-нет все усилия ограничить виноторговлю, в целях ослабления алкоголизма.

Для характеристики шинкарского промысла обратимся к статистическим обзорам НКВД, в которых со 2-го полугодия 1926 г. начали помещаться сводки деятельности милиции по преследованию этого промысла.

Ею было обнаружено следующее количество случаев шинкарства по РСФСР, исключая Дальневосточную область и автономные республики.

1926 г.	1927 г.		1928 г.	
2-е полугодие	1-е полугодие	2-е полугодие	1-е полугодие	2-е полугодие
9 676	10 026	12 036	26 932	29 744
100	103,6	124	278	307

Шинкарство настолько развилось, культивируя пьянство, что с 1928 г. против него, наряду с самогонокурением, был объявлен энергичный поход.

Но из приведенных цифр нельзя делать вывода, что этот промысел прогрессировал в той же степени, как росло и количество милицйских протоколов. Попытаемся установить динамику его, применяя метод, которым мы

пользовались при анализе самогонкурения. Тогда получим, что на 100 обысков милицией обнаруживалось случаев шинкарства:

	1927 г.	1928 г.
В столицах	65	82
» прочих городах	38	40
» селах	17	11

Чтобы правильно понять соотношение этих цифр, нужно иметь в виду, что расчет сделан на общее число обысков — как по самогону, так и по шинкарству (выше мы уже выражали сожаление о том, что эти обыски суммируются статистикой НКВД). Так как из столиц самогонка исчезла, то все обыски в них были направлены против шинкарей, и потому процент обнаружения их оказался очень высоким; в прочих городах самогонка играла еще заметную роль, на нее падала значительная часть обысков; в селах же главное внимание милиции в 1928 г., и особенно в 1-м полугодии, было обращено на самогонку; поэтому там оказался самый низкий процент — за 1-е полугодие 9,5, а за 2-е — 20.

Следовательно приведенные цифры нельзя сравнивать по вертикали, т. е. полагать, что в столицах шинкарство развито в 2 раза сильнее, чем в других городах, и в 7—8 раз сильнее, чем в селах. Сравнение же по горизонтали показывает рост шинкарства, по крайней мере в городах — и преимущественно столичных.

В каких районах шинкарство наиболее распространено? Судя по сообщениям печати, отовсюду идут вести об изобилии шинков; но повидимому особенно много их в местностях со слабым развитием самогона. Так в Центрально-промышленном районе во 2-м полугодии 1928 г. на 100 обысков обнаружено было по селам 41 случай шинкарства, а по Вятскому — лишь 12, по Сибирскому краю — 11. Приходится нередко читать корреспонденции о том, что самогонщики начинают переходить на шинкарство.

Приведенная статистика опровергает довольно распространенное мнение, что шинкарский промысел возник вследствие введения ограничительных мероприятий по легальной

виноторговле. Ограничения начали применяться только со 2-го полугодия 1928 г. и лишь в городах; до этого же срока число мест торговли крепкими напитками росло; по данным НКВД их было (вместе с пивными): в 1926 г. — 19 821, в 1927 г. — 23 939, в 1-м полугодии 1928 г. — 26 359 (на 1 июля 1928 г.) и лишь во 2-м полугодии (на 1 января 1919 г.) сократилось до 23 794, т. е. на 10%, за счет сокращения в городах на 27%.

Шинки же появились одновременно с продажей хлебного вина и продолжали расти, несмотря на расширение легальной торговой сети. Сужение ее конечно должно еще более ускорить темп этого роста, если не будет усилено противодействие ему.

Милицейская статистика может дать некоторые указания на торговые обороты шинкарей. Если сделать расчет, сколько спиртных изделий удавалось милиции задерживать в среднем в каждой шинке, то получим как для 1-го, так и для 2-го полугодия 1928 г. во всех районах, в городах и селах, довольно устойчивые цифры — 2—2,5 л. Исключение представляют Сибирский край и Северо-кавказская область, где задержания по сельским местностям составляли в среднем 18 л. — Там, очевидно вследствие дальности расстояний от легальных мест продажи, шинкарям приходится делать большие запасы напитков. В прочих же местностях шинкарство является мелким промыслом с ничтожным оборотным капиталом.

Таковы скудные выводы, которые можно сделать, оперируя с голым статистическим материалом НКВД. Из протоколов милиции конечно можно было бы почерпнуть гораздо больше сведений, характеризующих промысел, но эти материалы остаются неразработанными.

В литературе мы не находим указаний на попытки изучения шинкарства; встречаются только отдельные сообщения об огромном распространении его. Например тульская газета («Деревенская правда») в номере от 28 ноября 1928 г. напечатала именные списки шинкарей в восьми деревнях; оказалось в каждой по 12—13 чел., торгующих почти открыто по 1 р. 50 к. за бут. Д-р Рязанов затрагивал в своей анкете по Воронежской губ. в 1926 г. частично и вопрос о

шинкарстве и в результате пришел к выводу, что промысел процветает даже в местах нахождения лавок ЦСП; эти лавки начинают превращаться в оптовые склады для шинкарей, а последние широко развивают мелочную продажу, торгуя ночью, в кредит, в обмен на сельскохозяйственные продукты, особенно при отпуске вина молодежи, организуя для нее вечеринки, карточную игру.

Судя по этим сообщениям, шинкарство начинает принимать такие же размеры и формы, какими оно характеризовалось в довоенный период. Поэтому, за отсутствием современных материалов по изучению этого промысла, я считаю нелишним поделиться с читателями результатами своего выборочного обследования шинкарства, которое мне удалось произвести в 1912 г. в Пензенской губ. (см. мою работу — «Алкоголизм в городе и деревне в связи с бытом населения»).

Мною были выбраны 20 сравнительно небольших селений (в среднем приблизительно по 200 дворов каждое), не имеющих торгового значения, отдаленных от железнодорожных путей и промышленных центров. В каждом таком селении из мест, торгующих вином, имелась только казенная лавка, где продавцом состояло лицо, которое могло быть привлечено к участию в предпринятом обследовании. От такого лица требовалось: достаточное развитие, знакомство и связь с местным населением и интерес к возлагаемой на него задаче — вести ежедневную регистрацию заборов вина из лавки шинкарями, которых он хорошо знал, и собирать сведения путем расспросов местных жителей, по выработанной программе, для освещения как личности шинкарей, так и характера производимого ими промысла.

Собранный продавцами и проверенный, насколько это было возможно, материал рисовал весьма согласно картину шинкарства и мог дать правильное представление об основных чертах промысла, который принял довольно устойчивую и однообразную форму.

На первый взгляд казалось бы, что при наличии в селении казенной винной лавки почва для тайной виноторговли должна отсутствовать; между тем в каждом из выбранных селений имелись эти шинки в среднем по 10,

т. е. примерно на 20 дворов — по 1 шинку. Число их возрастало в периоды усиленного потребления вина (масленица, храмовые праздники, осенние и зимние периоды свадеб) и уменьшалось с весны, особенно во время страдной поры, когда сами шинкари бывали заняты полевыми работами и спрос на вино падал.

Общие обороты шинкарей выражались весьма значительными цифрами и составляли в среднем за год 39% в отношении оборотов винных лавок; иначе говоря — $\frac{2}{5}$ всего потребляемого в селах вина проходило через руки шинкарей, из которых каждый сбывал в среднем 30—40 вед. в год. Это вино они забирали в местной винной лавке обычно малыми количествами — около $\frac{1}{4}$ вед. за раз, так что могли располагать ничтожным капиталом для ведения своих торговых операций.

Чем объясняется такое обилие шинков по соседству с казенными лавками? Чтобы это понять, необходимо вспомнить об особенностях крестьянского алкоголизма.

Городской буржуа, привыкший к ежедневному умеренному употреблению вина, обычно держит у себя в доме известный запас вина, которое ему необходимо также и на случай частых посещений приятелей. Крестьянин же запасается вином лишь на редкие, особо торжественные случаи своей жизни (большие праздники, свадьбы, крестины, похороны и пр.), когда принято, по заведенному обычаю, не только пить, но пьянствовать и принимать многочисленных гостей. Так как в этих случаях требуется вино в значительных количествах, то оно приобретаетс^я заблаговременно в казенной лавке¹, а не у шинкаря по повышенной цене. Но обычно запасов нехватает, подгулявшие гости не хотят знать никакой меры, и если хозяин не находит возможным удовлетворить их аппетиты, то сами устраивают между собою складчину, обращаясь к ближайшему шинкарю, лишь бы только поскорее утолить алкогольную жажду. Вот эти моменты бесшабашного разгула, не признающего никаких сдерживающих факторов, и являются особенно благоприятными для операций шинкарей. В казенной лавке не отпустят

¹ А теперь выкуривается самогон.

вино пьяным, там нужно держать себя чинно, ожидать очереди: лавка далеко, может быть закрыта, — а шинкарь под боком, у него стесняться не приходится, он отпустит вино в любое время дня и ночи, иногда и в долг или под заклад вещей; позволит распить у себя, даже проявит знаки гостеприимства.

Перед этими удобствами отступают на задний план все соображения экономии; тем более, что шинкари довольствовались, по крайней мере в довоенное время, сравнительно очень скромным заработком; в среднем продавали вино с надбавкой 20%, за бутылку брали вместо 42 коп. — 50 коп., за $\frac{1}{40}$ — вместо 21 коп. — 25 коп.¹

Таким образом, благодаря услугам шинкарей, размах и длительность деревенского праздничного пьянства значительно усиливаются.

В обычное время крестьянин не закупает вино про запас: он не нуждается в ежедневном употреблении его (регулярных потребителей буржуазного типа ничтожный процент среди крестьянского населения), не всегда располагает свободной денежной наличностью на покупку вина и учитывает свою неспособность сохранить соблазнительный напиток до нужного случая. Между тем непредвиденных и срочных поводов для выпивки представляется немало; они и создают благоприятную почву для шинкарства.

Частым клиентом шинкарей является безденежная деревенская молодежь, которой вино отпускается в долг, под заклад вещей или похищенных у родителей сельскохозяйственных продуктов.

Вообще сельские шинки удовлетворяли мелочной спрос и главным образом производили не распивочную, а выносную торговлю; поэтому вина в $\frac{1}{4}$ вед. они вовсе не покупали, за очень редкими исключениями, а оперировали на $\frac{3}{4}$ с бутылками и на $\frac{1}{4}$ — с полубутылками.

¹ Современные шинкари делают более значительную надбавку — в 50% и выше. По анкете ЦСУ РСФСР (см. табл. 4 «Алкоголь в современной деревне»), средняя стоимость бутылки казенного вина в тайной продаже ни в одной из губерний не спускалась ниже 1 р. 40 к., доходя до 1 р. 80 к. и даже выше. По отдельным сообщениям, цена в 2 руб. — явление не единичное.

В Пензе шинкарство носило более промышленный характер; им занимались главным образом содержатели мелких торговых заведений: хлебных лавок на базаре, мелочных, чайных лавок, пивных, столовых, заезжих дворов и пр., производя преимущественно распивочную торговлю, исключительно с целью легкой наживы. Меньшая часть шинкарей состояла из городской бедноты. Они обслуживали потребление главным образом пролетарского типа — настоящих алкоголиков, мастеровых и рабочих, привыкших к внедомашнему употреблению вина, чтобы скрасить свою жизнь.

Поэтому городские шинкари, в отличие от сельских, широко практиковали и распивочную торговлю вином, запасаясь им не только в мелкой посуде, но и в крупной. Наиболее широкие операции они производили вечерами перед праздничными днями и в праздники, когда закрывались казенные лавки, а также в базарные и ярмарочные дни.

Надо заметить, что в довоенное время в городах было немало трактирных заведений простонародного типа с продажей казенного вина, каких в настоящее время нет, что создает благоприятные условия для возникновения современных тайных кабаков.

Таким образом в городах шинкарство культивирует наиболее опасный вид алкоголизма, успешно противодействуя всем мерам ограничительного характера, вводимым при винной монополии. Вообще, раз потребитель получает легкую возможность достать вино в любой момент, то это одно уже способствует усилению алкоголизма.

Неудивительно поэтому, что ожидавшегося понижения потребления вина царская монополия не дала, несмотря на резкое сокращение легальных мест продажи вина и жесткую регламентацию виноторговли; наоборот, потребление, начиная с 1906 г., систематически росло и к 1913 г. увеличилось с 0,615 дл на душу до 0,787 дл. Даже защитники винной монополии не могли отрицать огромной роли в этом росте пышно развившегося шинкарства. Оно сделалось настолько бытовым явлением, что потеряло в глазах населения всякий характер преступности. Им занимались в селах почти исключительно женщины — рядовые крестьянки, извлекающие из своего промысла небольшой постоянный подсобный в

хозяйстве заработок, главным образом на поддержание своего бабьего бюджета: чтобы обшить семью и купить наряды. Меньшая часть их торговала по нужде: бедные вдовы с детишками, солдаты — женщины, для которых шинкарство являлось существенным источником пропитания.

В глазах населения этот мелкий промысел, дающий известные экономические выгоды, казался невинным занятием; к нему относились даже благосклонно, потому что он облегчал в нужных случаях получение вина. Благодаря этому редко удавалось властям уличить шинкаря и привлечь его к уголовной ответственности.

И в настоящее время милиции бороться с шинкарством даже труднее, чем с самогонокурением. Последнее требует известных приспособлений, наличие которых уже дает возможность милиции установить факт нарушения. Шинкарь же, открыто приобретающий вино из казенной винной лавки, якобы для своей надобности, может быть уличен лишь по оговору покупателей, что случается очень редко. Потребитель дорожит возможностью получить у шинкарей вино во всякое время дня и ночи, избавляя себя от поездок, иногда довольно отдаленных, в соседнее село, а в городах — от выстаивания в очередях; он может купить вино и в кредит, может распить его на месте в компании, воспользовавшись дешевой домашней закуской хозяйки. Шинкарь всячески старается угодить покупателям, не отказывает в даровом угощении влиятельным местным жителям и тем гарантирует себя от доносов.

Обыватель, даже лично не пользующийся услугами шинкарей, склонен относиться к их промыслу гораздо более снисходительно, чем к самогонокурению: ведь они облегчают населению получение вина, не наносят ущерба казне, как самогонщики, а, наоборот, содействуют ей сбывать вино; с другой стороны, этот промысел, которым часто занимаются бедные вдовы, позволяет им добывать средства на прокормление детишек. Из довоенного периода известны даже случаи, когда сельские общества определяли — кому шинкарствовать в деревне, и устанавливали таксу на вино.

Такое отношение населения к шинкарству крайне затрудняет борьбу с ним, и оно все ширится.

Насколько удельный вес нелегальных способов снабжения населения вином значителен в настоящее время, показывают следующие сопоставления с довоенным периодом. В 1911 г. было легальных мест продажи казенного вина по Европейской России 38 664 и обнаружено случаев шинкарства 77 600 (43 тыс. с выносной продажей и 34 600 с распивочной), итого 116 тыс. сбытовых пунктов. В 1928 г. по РСФСР, исключая Дальневосточную область и автономные республики, было около 20 тыс. легальных мест продажи вина, и обнаружено только за полгода нарушений: шинкарства 27 тыс., продажи самогона 14 800 и тайного винокурения¹ — для собственного потребления — 171 тыс. и для сбыта — 22 тыс., итого за полгода 235 тыс. нелегальных мест снабжения населения вином, кроме 20 тыс. легальных пунктов. Как видим, соотношение получается крайне неблагоприятное для настоящего времени. Сеть для уловления потребителя алкоголя сделалась несравненно гуще.

При такой огромной армии подпольных торговцев разве можно ожидать, чтобы ограничительные меры по легальной виноторговле могли иметь должное значение? Во что бы то ни стало необходимо устранить это препятствие и объявить поход против шинкарства не менее энергичный, чем против самогонщиков.

Но чтобы выработать целесообразный план борьбы, нужно обследовать современное положение этого промысла как в городах, так и в сельских местностях; выяснить состав шинкарей, размеры и характер производимых ими операций, влияние шинкарства на быт населения, условия, благоприятствующие развитию промысла, значение уголовной кары, отношение населения и пр.

Успешность борьбы с шинкарством страдала также от недостаточной эффективности репрессий. Хотя за шинкарство УК (ст. 101) предусматривал меру социальной защиты, даже более повышенную, чем за самогонокурение промышленного характера, производимого вследствие нужды, безработицы или по малосознательности (ст. 102 — в редакции «Постанов-

¹ Исключая Вятский район, где в довоенное время было распространено домашнее винокурение (выделывалась кумышка).

ления ВЦИК» — 22 ноября 1926 г.) или за изготовление самогона и сбыт его не в виде промысла (ст. 102 — в редакции «Постановления» — 16 января 1928 г.); тем не менее шинкарство оставалось мало уязвимым промыслом: для него был установлен длительный путь судебного рассмотрения, вследствие чего наказание налагалось с значительным запозданием и очень нечувствительное. Дела же о самогоне по ст. 102 УК решались с января 1928 г. быстро, в упрощенном административном порядке, с назначением повышенных штрафов.

Это несоответствие было устранено постановлением СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., согласно которому, хотя дела о злостном шинкарстве, совершаемом повторно, в виде промысла, и оставлены в ведении судебных учреждений, но предложено рассматривать их в срочном и упрощенном порядке, без участия представителей государственного обвинения и защиты и при минимальном вызове свидетелей, с применением к осужденным, в качестве основной или дополнительной меры социальной защиты, высылки из пределов данной местности. Прочие же виды шинкарства предоставлено решать административным порядком, как и дела о самогонокурении для собственного употребления. Исключение установлено лишь для случаев снабжения вином фабрично-заводских рабочих; такое шинкарство отнесено к разряду злостного, подлежащего преследованию в уголовно-судебном порядке.

В дополнение к этим поправкам целесообразно было бы провести в УК разграничение двух видов шинкарства различной степени социальной вредности: продажа вина на вынос за казенными печатями, с гарантией для потребителя качества напитка, и распивочной продажи, с организацией шинкарями настоящих тайных кабаков.

Затем, до последнего времени не преследовался сбыт алкогольных напитков, приготовляемых домашним способом, путем брожения хлебных и сахаристых продуктов, как то: пива, хмельной браги, кислушки и пр., которые начали широко распространяться и успешно заменять самогон.

Но 5 февраля 1929 г. последовал циркуляр НКВД РСФСР за № 36, по соглашению с НКЮстом, которым разъяснено,

что изготовление и хранение этих напитков, крепостью свыше 14°, а равно и промысловый сбыт их, хотя бы и низшей крепости, должны преследоваться по ст. 102 УК, т. е. с назначением для виновных лишения свободы или принудительных работ на срок до одного года или штрафа до 500 руб., с конфискацией изготовленных напитков и орудий производства.

Следует пожелать, чтобы гонение на хмельные бродильные напитки домашней выделки было проведено более решительно. Циркуляр оставляет попрежнему ненаказуемым как изготовление этих напитков для собственной надобности (при условии крепости их не свыше 14°), так даже и сбыт их, если он носит случайный характер. Это создает удобную лазейку: производители всегда могут отговориться тем, что найденные у них напитки предназначаются для личного потребления, а при обнаружении сбыта — что он не носил характера промысла.

Далее, циркуляр допускает слишком высокую предельную крепость — 14°, которая при естественных условиях брожения даже не может быть достигнута, так как дрожжевые грибки погибают уже при 12-градусном растворе алкоголя. Мы знаем, что 4-градусное заводское пиво успешно обслуживает пьянство; тем большая может быть опасность от напитков кустарного изготовления, которые к тому же часто сдабриваются одурманивающими примесями.

Остановливаясь на вопросах об усовершенствовании законодательных, судебных и административных мер против шинкарства, мы не хотим сказать, что все эти меры могут сами по себе обеспечить надежные результаты. Шинкарство сделалось настолько массовым явлением, имеющим глубокие корни в экономике и в пьяных привычках населения, что искоренение его, без широкого содействия общественных сил, немыслимо.

Возможность такого содействия выявляется теперь все яснее, по мере роста антиалкогольного движения среди трудовых слоев населения и поднимающегося похода за новый, трезвый быт. Трезвенная волна растет, и в этом огромная заслуга принадлежит Московскому обществу борьбы с алкоголизмом.

Быстро расширяется сеть отделений общества. Возникают даже в глухих уголках Союза при различных профсоюзных, партийных и общественных организациях специальные ячейки для борьбы с пьянством, которые стараются широко развить противоалкогольную пропаганду путем устройства лекций, бесед по алкоголизму, выставок, показательных судов, инсценировок, уличных демонстраций и пр. Постепенно они расширяют свои задачи и стремятся выйти из рамок чисто теоретической трактовки вопроса на путь практической борьбы с пережитками старого пьяного быта: выявляют в близкой к ним среде алкоголиков, оказывают на них моральное воздействие, располагают их к лечению в наркодиспансерах. Кроме того ячейки стараются устранить те внешние условия, которые способствуют распространению алкоголя: ведут борьбу за изгнание спиртных напитков из клубов, за сокращение мест продажи в рабочих районах, за ограничение времени торговли и пр. Часто они идут еще дальше: выделяют из своего состава особые дружины, в задачу которых входит содействие милиции в борьбе с нарушениями по виноторговле и главным образом с нелегальной продажей казенного вина (шинкарством).

Для этих дружин выработана АОМСом, по соглашению с Московским обществом борьбы с алкоголизмом, специальная инструкция, определяющая права дружинников и их взаимоотношения с органами милиции. Такие дружины предположено организовать всюду по провинции.

Помимо этого, общества борьбы с алкоголизмом принимают деятельное участие в общекультурной работе, содействуя созданию обстановки, отвлекающей трудовые массы от алкоголя.

Растущий могучий трезвенный порыв советской ответственности дает надежду, что веками воспитывавшиеся пьяные привычки, стоящие серьезной преградой на пути оздоровления быта, будут постепенно изживаться, и мы получим вполне здоровую и свободную от алкогольного дурмана смену строителей социализма.

ДИАГРАММА 1

ПРОДАЖА КАЗННЕГО ВИНА ПО ВСЕМУ РАЙОНУ ВИННОЙ МОНОПОЛИИ РСФСР, УССР И ВСОР — ОТДЕЛЬНО ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ (ЦЕНА ПОКАЗАНА ЗА БУТЫЛКУ БЕЗ ПОСУДЫ).

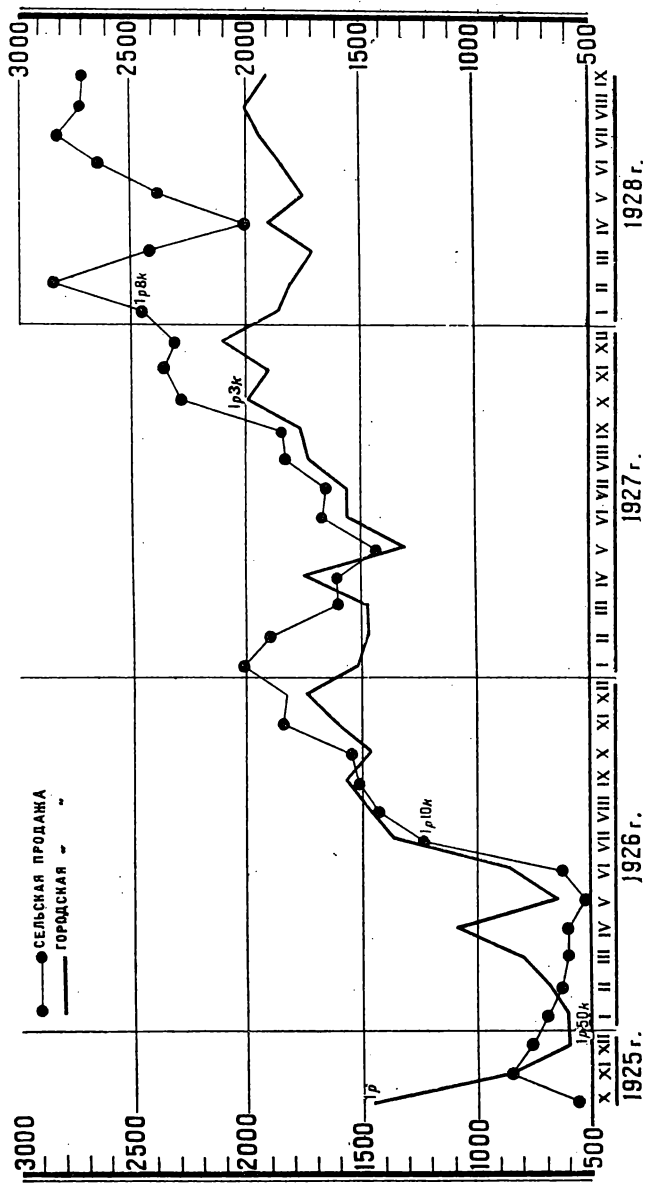

ДИАГРАММА 2

ПРОДАЖА КАЗЕННОГО ВІНА В ГУБЕРНІЯХ: ПЕНЗЕНСКОЙ, УЛЬЯНОВСКОЙ, ТАМБОВСКОЙ И КУРСКОЙ — ОТДЕЛЬНО ПО ГОРОДАМ И СЕЛАМ (ЦЕНА ПОКАЗАНА ЗА БУТЫЛКУ БЕЗ ПОСУДЫ)

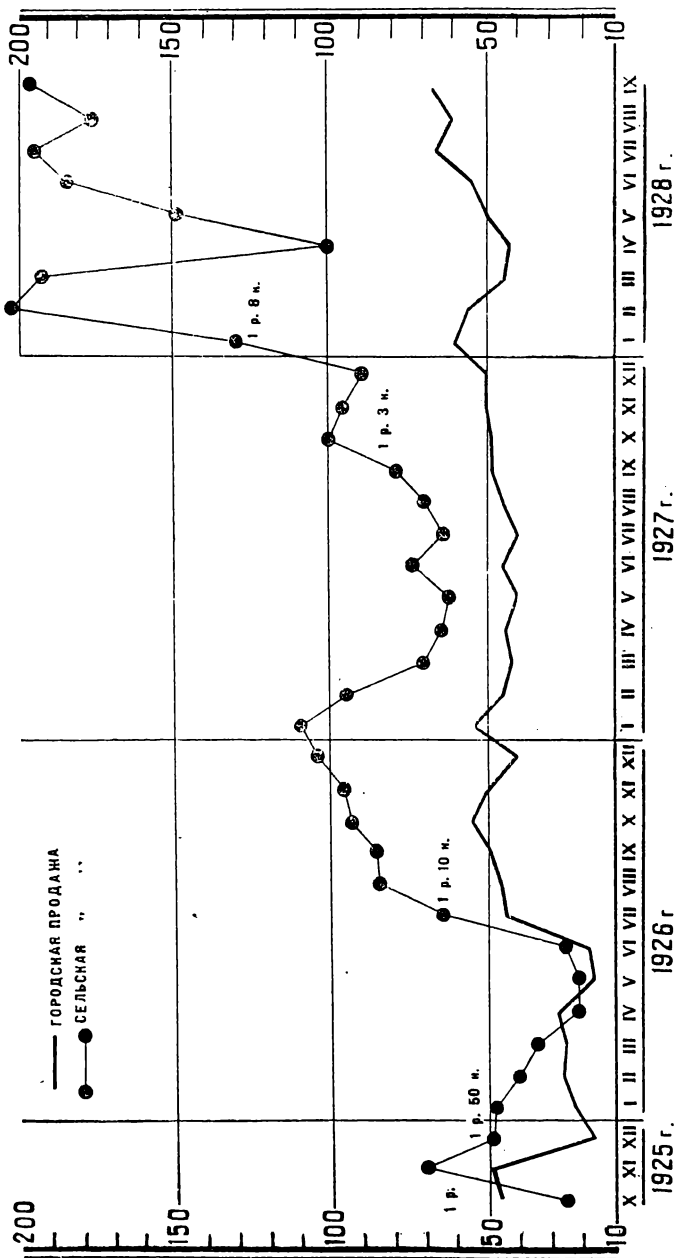
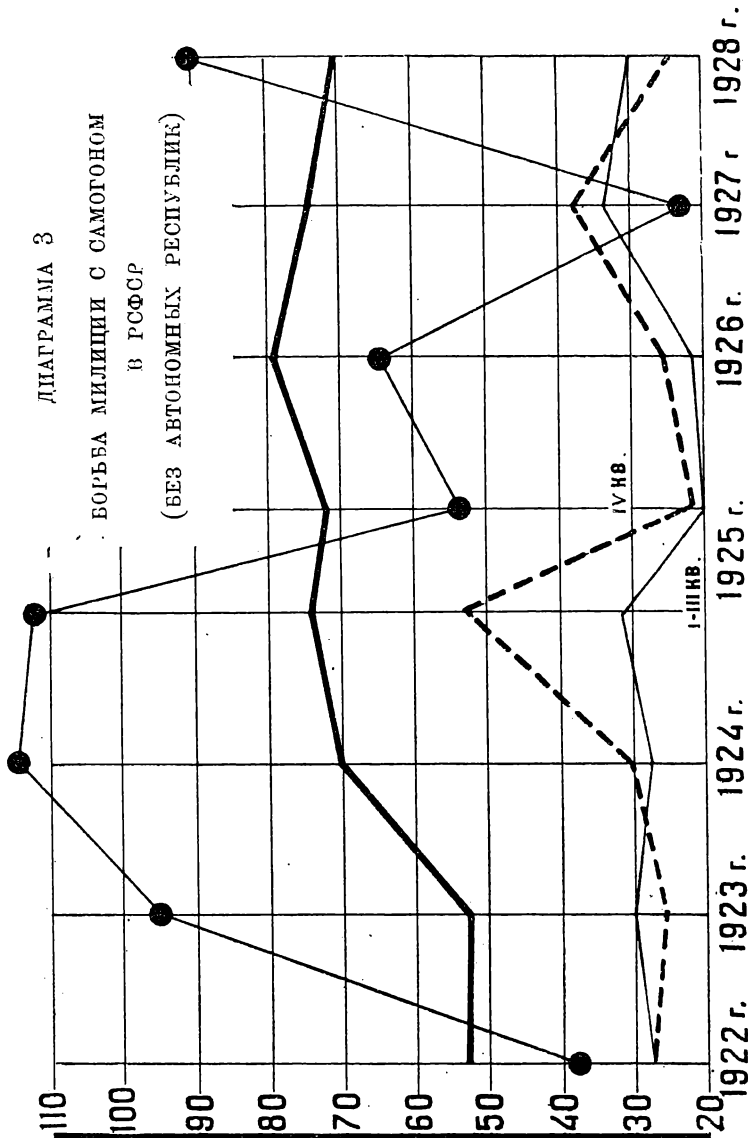

ДИАГРАММА 3

БОРЬБА МИЛИЦИИ С САМОГОНОМ
В РСФСР
(БЕЗ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК)

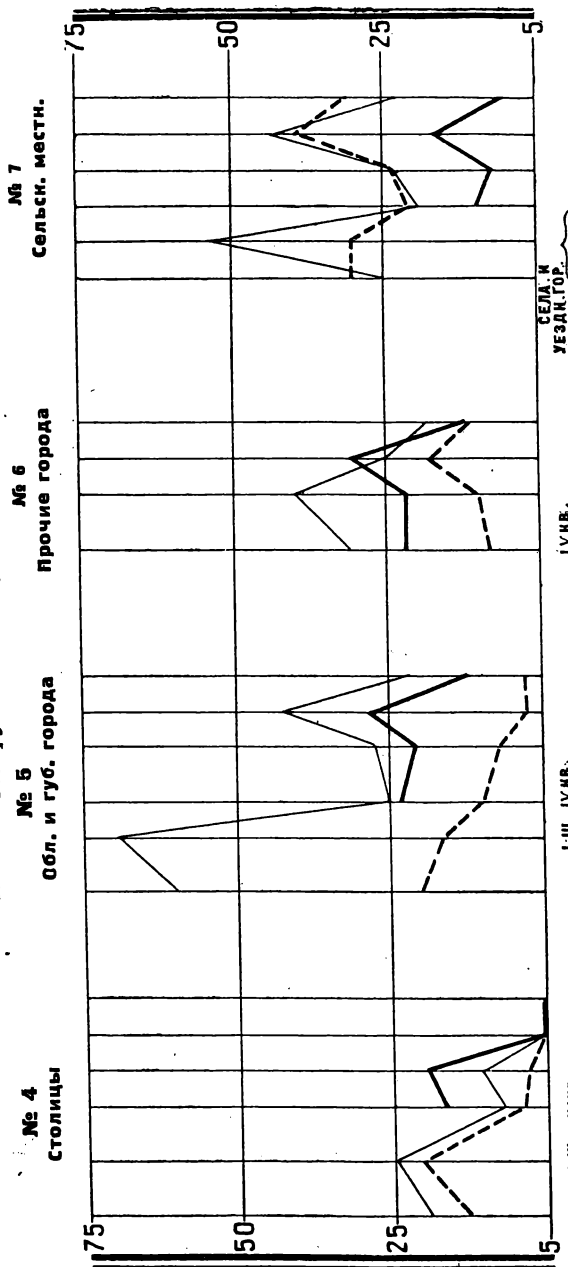

● — произведено обысков по самогону (тысяч) в среднем в квартале. — % обысков с положительным результатом. — На 100 обысков [задержано [самогонни [самогонни]] (декалитров).
--- На 100 обысков задержано аппаратов (штук).

ДИАГРАММЫ 4, 5, 6 И 7

БОРЬБА МИЛИЦИИ С САМОГОНОМ В РСФСР (БЕЗ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК)

На 100 обысков
 --- Задерживалось аппаратов (штук)
 — самогонки (декалитров)
 — обнаруживалось случаев продажи самогонки

24 г. 25 г. 26 г. 27 г. 28 г.
 I-III IV кв. I-III IV кв. I-III IV кв. I-III IV кв.
 УЕЗД. ГОР. СЕЛА. И

